ДАЁШЬ МАГНИТКУ!

1918–1978

ДАЕШЬ УСТЬ-ИЛИМСК!

ПИОНЕР 10

ОКТЯБРЬ ● 1978 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С ЛЕНИНЫМ В СЕРДЦЕ

В торжественной тишине Кремлевского Дворца съездов раздались слова председательствующего:

— К выносу Красного знамени Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи прошу встать. Знамя внести!

Грянул оркестр. Грянули аплодисменты. И в зале появился человек, высоко и крепко державший в руках древко с алым знаменем и орденскими лентами. Знаменосца знал весь мир — это был воспитанник комсомола, звездный сын планеты Земля, первый в мире летчик-космонавт, Герой Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин. Он шел через весь зал в сопровождении Героев Социалистического Труда хлопкороба Турсуной Ахуновой и шахтера Кузьмы Северинова. Было видно, как волновался в те минуты Юрий Гагарин, как сосредоточен был его взгляд и напряжены руки. Мы не знаем, о чем думал он в то апрельское утро далекого теперь 1962 года, когда начал работу XIV съезд комсомола. Может быть, снова мысленно летел над нашей планетой, ощущая великую гордость за великий народ. Может быть, вспоминал заседание бюро райкома, где ему впервые вручили комсомольский билет. Но нет никаких сомнений в том, что в те волнующие мгновения он думал о своей комсомольской юности, которая навсегда сроднила его с Ленинским комсомолом. Комсомол дал ему путевку в космос. Став коммунистом, Юрий Алексеевич Гагарин, член ЦК ВЛКСМ, всегда был там, где звенела комсомольская песня, где прокладывались новые километры железных дорог, где возводились крупнейшие в мире ГЭС. Он выступал на комсомольских собраниях, ездил на фестиваль в Хельсинки, отвечал на письма комсомольцев и пионеров.

«Будь же достойным строителем светлого коммунистического завтра,— писал он тем, кто вступал в комсомол в год его 50-летия,— всей своей жизнью, всеми своими делами показывай пример верности партии и народу».

А вот его пожелание ребятам школы № 64 г. Оренбурга:

«Набирайтесь знаний, воспитывайте в себе волю, дисциплинированность, закаляйте себя физически, и тогда все дороги, от земных до космических, откроются перед вами».

Юрий Алексеевич Гагарин по праву навеки остается на правом фланге бессмертной комсомольской гвардии. Вот таких, как Юрий Гагарин, как Николай Островский и Аркадий Гайдар, Олег Кошевой и Зоя Космодемьянская, Анатолий Мерзлов и Юрий Козловский, совершивших подвиги в наши мирные дни, и воспитывает твой бессменный и боевой вожатый — Ленинский комсомол, союз единомышленников-борцов, активных строителей коммунизма.

Неповторима биография Ленинского комсомола, каждая строка которой — историческая. Эту боевую коллективную биографию ВЛКСМ писало не одно комсомольское поколение, оставляя в сердцах людей, на карте Родины добрые воспоминания и дела. Рожденный революцией, гением Ленина, ведомый партией коммунистов, комсомол всегда и везде был впереди, зажигая сердца молодых на подвиг и труд во имя Отчизны. 29 октября 1918 года, когда на I Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи был создан Российский Коммунистический Союз Молодежи, в комсомольских рядах было всего 22 100 человек. Но это были лучшие из лучших, прошедшие штурмовые ночи Октября, не на жизнь, а на смерть боровшиеся с контрреволюцией, добровольно уходившие на гражданскую войну. Это они, первые комсомольцы, рождали традиции своего Союза, передавали эстафету тем, кто шел им на смену.

В июле 1924 года комсомолу присвоено имя Ленина. В Манифесте VI съезда РЛКСМ говорилось:

«Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен... приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи — проникласъ единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам ЛЕНИНЫМ».

«Имя Ленина — в сердце каждом!» — эти слова, как клятва. Этой клятве верны те, кто носил или носит сегодня комсомольский значок на груди.

Около половины комсомольцев с шашкой и наганом в руках, на лихих тачанках защищали молодую республику от белогвардейцев и иностранных интервентов в огненные годы гражданской войны.

В годы первых пятилеток на строительство Сталинградского тракторного завода, на Магнитку, Турксиб, в Комсомольск-на-Амуре, на сооружение московского метро и многих других фабрик, заводов, новых городов по комсомольским путевкам уехало свыше **350 тысяч** комсомольцев-добровольцев. Комсомол помогал ликвидировать неграмотность, помогал строить новую жизнь на селе.

Когда грянула Великая Отечественная, только в первые три дня войны на фронт от-

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

XI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Гаване завершился небывалой по масштабам манифестацией на главной площади столицы Республики Куба — площади Революции. Здесь собрались все участники фестиваля из 145 стран. Как набат, прозвучал «Призыв к молодежи мира», который прочитала героиня вьетнамского народа Во Тхи Тханг.

«Пусть XI фестиваль станет важной вехой в истории международного фестивального движения. Пусть его успехи и достижения будут способствовать укреплению единства действий и сотрудничества демократической и прогрессивной молодежи мира!

Пусть крепнет наша антиимпериалистическая солидарность со всеми народами, борющимися за свою свободу и достоинство, наша поддержка всех, кто идет по пути мира и социального прогресса.

Объединим наши усилия во имя:

новых побед народов;

новых успехов международного революционного, демократического и прогрессивного молодежного движения;

антиимпериалистической солидарности, мира и дружбы.

Да здравствует Всемирный фестиваль молодежи и студентов!»

Остались позади девять незабываемых фестивальных дней. Девять дней 18 500 юношей и девушек, посланцев всей планеты, участвовали в митингах солидарности, на пресс-конференциях видных государственных деятелей, встречались с жителями Гаваны, рабочими заводов, пионерами.

Молодежь мира на Международном трибунале вынесла гневный приговор империализму за разбой и насилие, за войны, несущие смерть людям, за то, что миллионы детей голодают, не умеют читать.

Фестиваль — это не только праздник, это борьба. Фестиваль на Кубе закончился, но борьба против сил войны, против тех, кто угнетает народы, продолжается.

Она идет каждый день, каждый час!

Я ЭТОЙ ОГРОМНОЙ СИЛЫ ЧАСТИЦА

Посмотрите внимательно на эти фотографии. Все ребята выглядят парадно, празднично. Лица радостные и взволнованные.

Сегодня они делают очень серьезный шаг в своей жизни — вступают в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Для каждого из них начинается пора комсомольской юности, пора гражданского мужания.

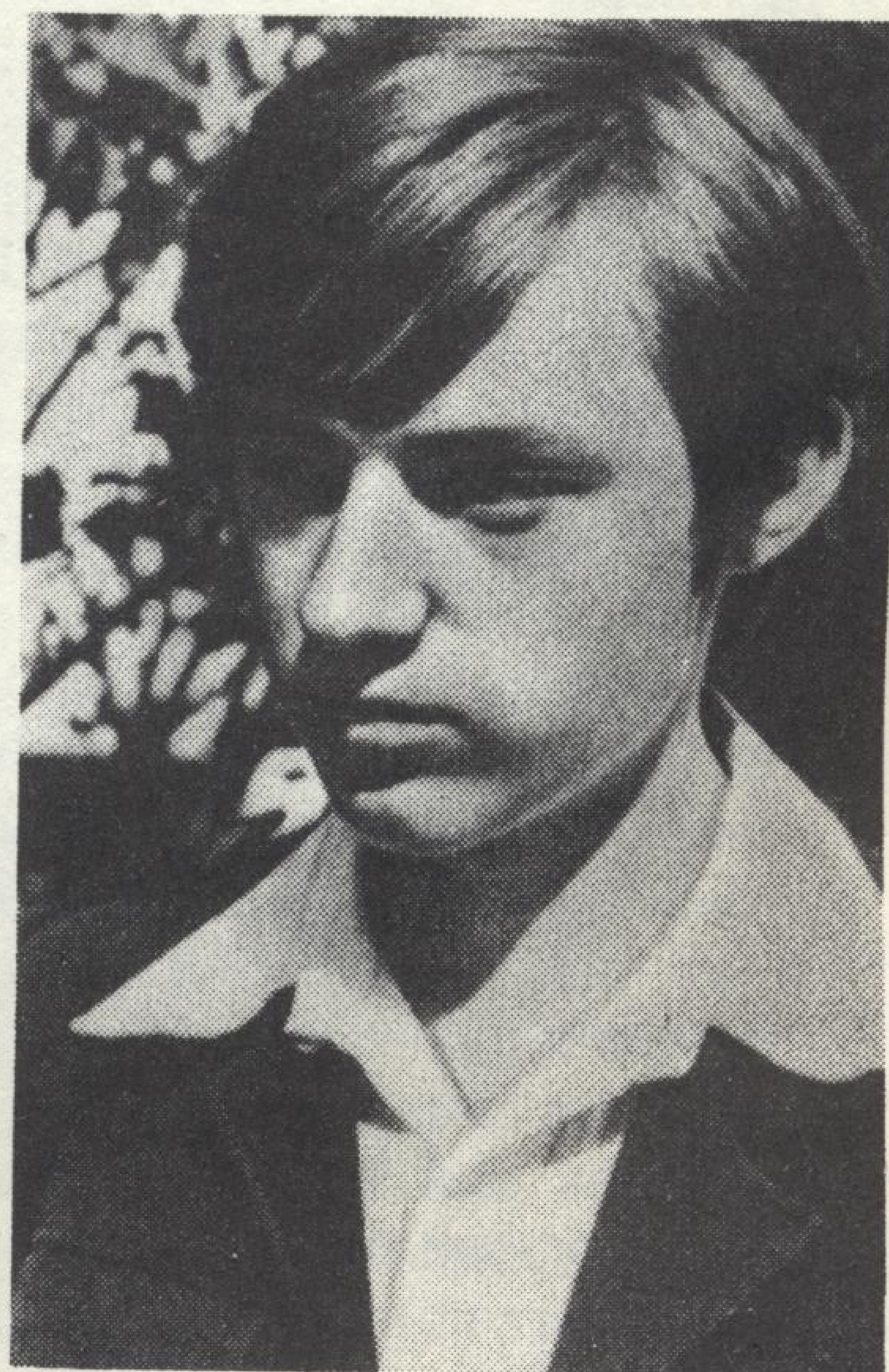
С какой завистью семиклассник Андрей Манухин и восьмиклассник Дима Антонов смотрели недавно на комсомольские значки старшеклассников! Какими взрослыми, самостоятельными людьми казались им комсомольцы! Теперь они сами входят в эту огромную дружную семью.

Комсомольцами были Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Юрий Гагарин.

Комсомольцами были герои первых пятилеток.

Молодые люди с комсомольскими билетами несут свою вахту и сейчас на всех важнейших трудовых рубежах нашей страны: на главных стройках, на заводах, на полях, в научных лабораториях...

«В целом коммунисты старшего поколения могут, я думаю, быть довольны советской молодежью наших дней,— сказал на XVIII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.— Она растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина».

Дима Антонов.

Бюро райкома.
Идет прием в комсомол.

Андрей Манухин.

Эту высокую оценку заслужили твои старшие товарищи, а ты должен еще заслужить право носить высокое имя — комсомолец.

Волнуются те, кто вступает в комсомол. Волнуются и те, кто их принимает.

Бюро райкома — лучшие комсомольцы района. Сергей Борисов — работник Министерства внешней торговли; Юрий Шувалов — инженер; Татьяна Коржикова — секретарь комитета комсомола торговой фирмы «Весна»...

О чем они спросят Андрея Манухина или Диму Антонова? Хорошо ли знают ребята законы своей организации, ее историю, ее сегодняшний день? Как выполняют пионерские поручения? Научились ли за пионерские годы быть верными и преданными Родине, общему делу, слову, товарищам?

Готовы ли они, как клятву, произнести девиз комсомольцев всех поколений: «Вместе с партией, под водительством партии — на труд и на подвиг!»

Ребята вступают в Ленинский комсомол в торжественные и праздничные дни, когда весь советский народ отмечает его 60-летие. Как равному жмет Андрею руку инструктор райкома Александр Чумиков, поздравляют товарищи. Они рады за Андрея, смотрят на него с уважением и чуточку с завистью. Еще бы, комсомолец!

Примите, друзья, и наши поздравления!

Жмет Андрею руку инструктор райкома комсомола Александр Чумиков, поздравляют товарищи.

С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ

1918—1978

ПОЛУЧИЛАСЬ ЦЕЛАЯ ЛЕТОПИСЬ

Итоги заочного сбора-поиска

Больше полугода из разных концов страны шли в редакцию письма. Письма-рассказы о комсомольцах разных поколений, письма-открытия.

Конечно, ты и раньше знал, что твои мама, папа, бабушка, дедушка были комсомольцами, но сейчас ты по-особому задумался над их судьбами. Не по книжкам, не по рассказам, но, представив себе жизнь близких людей, ты понял: во всех испытаниях, во всех важных для страны событиях впереди были комсомольцы. Ты узнал о героической юности людей, которые живут рядом с тобой.

«Мой дедушка вступил в комсомол в двадцать первом году и сразу после комсомольского собрания с боевым отрядом комсомольцев был мобилизован на ликвидацию банды», — пишет Дима Малышев из Куйбышева о своем дедушке, ветеране гражданской и Отечественной войн.

«А у нас получилась целая летопись», — написали участники сбора, пионеры из Вологды. Они прислали в редакцию альбом, который назвали «Герои живут рядом».

Герои, о которых они рассказали в альбоме,— комсомольцы разных поколений: ветераны Отечественной войны, участники послевоенного строительства, целинники. История юности этих людей — летопись основных событий в жизни нашей страны. Алла Каратаева так рассказывает о своей маме:

«Когда началась война, мама кончила семь классов. Она пошла работать на завод, выпускающий пулеметы. Здесь она в конце сорок первого года вступила в комсомол. Время было тяжелое, фронту очень нужны были пулеметы, и люди работали дни и ночи не щадя сил. Все рабочие хотели ускорить нашу победу над врагом и понимали, что они должны трудиться на совесть. Четырнадцатилетние комсомольцы не отставали от взрослых. Мама и другие молодые рабочие не уходили домой, чтобы не прекращать работу завода ни на минуту...»

Ребята из 20-й вологодской школы рассказывают и о своих делах. В честь 60-летия комсомола они собрали металлолом для постройки трактора. И трактор этот передали лучшему комсомольцу - механизатору совхоза «Искра».

Шестиклассник Володя Туваев пишет: *«У нас дома среди самых дорогих реликвий есть значок «За уборку урожая на целине 1958 года». Его получила моя мама в студенческие годы. По комсомольской путевке она ездила в Казахстан»*.

Верные друзья «Пионера» — ребята из школы № 3 города Вязники Владимирской области. В этой дружине несколько лет назад начался наш сбор-поиск «Орден в твоем доме». А сейчас вязниковцы написали в редакцию: *«Поиск, начатый в первой операции, мы продолжаем под девизом «Пройдем по улицам своим дорогой комсомольцев». Каждый отряд ведет поиск в своей зоне пионерского действия»*.

Отряд 4-го «а» класса познакомился с очень интересным человеком — Галиной Петровной Козловой. Она рассказала, как в самом начале войны вступила в комсомол, работала в детдоме для эвакуированных детей. Была секретарем комсомольской организации. Ходила на субботники — работала на заводе, на аэродроме. Помогала в госпитале и успевала заочно учиться в педучилище. В сорок четвертом году (ей было двадцать лет) пошла на фронт...

Сбор закончился, но вязниковцы продолжают поиск. Продолжают его и пионеры дружины имени Саши Чекалина из Наро-Фоминска, дружина имени Г. Мусабекова из Баку и многие другие ребята.

Сбор закончился, но рядом с тобой живут люди, которые в лучшие годы своей жизни не жалели сил, здоровья, чтобы ты и твои друзья спокойно ходили в школу, летом ездили в пионерлагерь, читали книжки, играли в футбол. Узнавай о них. Рассказывай своим товарищам. Старайся, чем можешь, помогать им.

Мы желаем тебе удачи и поздравляем всех участников сбора-поиска с днем рождения комсомола.

Поздравляем всех, кто был, есть и будет комсомольцем!

МАРШРУТАМИ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Юрий КРУТОГОРОВ

Рисунки А. БОРИСОВА

КРАСНЫЙ ЭШЕЛОН

РАССКАЗ О БОЙЦАХ ВСЕСОЮЗНОГО УДАРНОГО СТРОЙОТРЯДА ИМЕНИ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ

Хотя уже немало времени прошло, а я их всех живо представляю — Володю Линейцева, Таню Хорюкову, Володю Кашерина, Майю Нурметову, Ирину Муртазалиеву. Один на головокружительной высоте принимает в руки покачивающийся на стропах железобетонный блок, другой за рулем МАЗа везет на стройку щебень, девушки — кто с мастерком, кто с кистью маляра, кто в кабине строительного крана — строят новый город на берегу Ангары... Как вы там, ребята?

Как вам живется-можется, мои молодые друзья?

Я начал писать эти строки на «борту» красного эшелона, направляющегося в Усть-Илимск. **В одиннадцати его вагонах — бойцы Всесоюзного ударного стройотряда имени XVIII съезда ВЛКСМ. Они едут создавать в Восточной Сибири лесопромышленный комплекс — город, крупнейший в Европе целлюлозный завод, фабрики.**

Эшелон цвета кумача, украшенный надписями «Даешь Усть-Илимск!», мчится по сибирским просторам, и тайга то подступает к колее, то раздвигается, уступая место станциям, мостам, переездам, пашням.

Колеса отбивают дробные четверти. Их такт соразмерен песням, которые не умолкают в вагонах. Эстафета бамовских отрядов передана будущим устьилимцам, и это напутствие как присяга: **будьте достойны тех, кто этим же маршрутом ехал строить в конце двадцатых — Комсомольск-на-Амуре, в начале тридцатых — Магнитку, в конце сороковых — сибирские гидростанции, в начале пятидесятых поднимал алтайскую и казахстанскую целину...** И я думаю: этот красный эшелон — сам поезд-эстафета. Средний возраст его пассажиров — двадцать лет. Внуки ударников первых пятилеток, дети строителей Братска, послевоенных целинников. **«Едем строить лесопромышленный комплекс, едем строить самих себя»** — девиз ударного

стройотряда. Парни и девчата из разных областей и республик хотят обрести Сибирь как вторую родину, испробовать на нелегком деле характеры. Так было всегда и так, наверно, будет всегда, потому что романтика неотделима от мироощущения юности, желание совершить подвиг, пусть самый скромный, живет в молодых, как завязь самой жизни.

Летит, летит красный эшелон мимо полей, березовых перелесков, сквозь само время.

Даешь Усть-Илимск!

И города остаются позади, и карта страны, знакомая по учебникам географии, становится зримой, и мосты над большими и малыми реками, словно резонаторы, передают далеко окрест перестук колес.

На станциях нас встречают цветами и музыкой, в крепкие сибирские объятия попадают девчата из Дагестана и Туркмении, парни из Воронежа, Саратова, Волгограда, и светофоры светят зелеными огнями.

Даешь Усть-Илимск!

КОМАНДИР УДАРНОГО ОТРЯДА

Володе Линейцеву двадцать два года. Коренастый, угловатый, светловолосый парень, которого только что на съезде комсомола атаковали, наверно, сто репортеров. И застенчивая, растерянная улыбка — ну, зачем так много мне внимания? — осталась на его лице. С Володей я познакомился в фойе Дворца съездов, где вдоль стен были развешаны комсомольские знамена разных лет.

И среди них — Знамя Всесоюзной ударной комсомольской стройки — Усть-Илимского ЛПК! Это его, Володино, знамя. Оно догнало его в Москве, на съезде, делегатом которого парня избрали устьилимцы. И вот теперь Володя Линейцев возглавит триста своих ровесников, спаянных в единый ударный отряд.

Сам Линейцев приехал в Усть-Илимск три года назад, приехал из села Васильково Киевской области, где только что окончил школу.

Паренек как паренек, ничем не выделялся среди своих сверстников. Хорошо ему жилось под маминым крылышком, только никто не догадывался, что распирает его тяга к жизни самостоятельной, когда сам начинаешь отвечать за свою судьбу, за свои поступки, дела. Манили его иные широты. И вот однажды собрал Володя чемоданчик, сказал маме, чтобы не горевала. Та в слезы: «Володенька, опомнись, куда ты?» «А в Сибирь, мама. Не переживай, буду писать письма». «Пропадешь ведь, никаких родственников». «Не бойся, появятся родственники».

— Уезжал я из дома в апреле, у нас тюльпаны цвели — благодать, а в Усть-Илимск прибыл — снег, ветер с ног сбивает, лед на реке. Поначалу грустно было, что скрывать. Все тут громадное, чувство такое, что ты муравей, а не человек... Честно. Но вот определили в бригаду монтажников, увидел, как прогоны болтами крепятся, кто кранами ворочает, — человеком себя почувствовал.

— Родственников нашел?

— Да теперь все ребята из бригады — родственники, мам нет, пап нет — бригада семьей становится. Помню, мы навесы клали на один «домик». Высота метров с полста. Залез. Дрожь взяла. Пропал Володя, думаю. А виду не подаю — ребята острые на язык, засмеют. Болтом балку креплю, руки так и дрожат. Оглядываюсь, рядом двое, покуривают. «Вы чего?» — спрашиваю. «Давай, давай, страхуем...» Берегли, значит, меня. Ко-аме-дия! (Смеется.) Да, было такое. Нынче бежишь по балке, как циркач, хлеб на ходу жуешь. «Не уверен, не обгоняй»...

...Маме, как обещал, он писал письма регулярно.

Мама ему: чтобы следил за собой, теплее одевался, а он ей мудреные вещи: цех каустизации, цех регенерации, монтаж, монтаж, монтаж. Сообщает, как самую важную новость, — главный корпус ЛПК почти готов, совсем немного осталось: закрыть его стеновыми и кровельными панелями.

— Ну, как сын-сибиряк? — спрашивают односельчане маму.

— Да как? Хорошо. Главный корпус закрывают стеновыми панелями.

Где маме понять, какая это новость! ГЛАВНЫЙ КОРПУС! Да в нем два села Васильково разместятся — вот какой это корпус. Пятьсот тысяч тонн целлюлозы в год будут там варить! Это ль не чудо? Стройка затянула его, не отпускает, такая в ней магнитная сила притяжения. Хочется дальше идти, выше подняться.

Суслин, монтажник, первый учитель Володи, первый наставник, сказал ему недавно:

— Я в тебя вроде поначалу не верил, уж больно ты был неказист. А тут фотографию твою увидал в газете. Да и на высоте, что птица. Природный ты м о н т а ж н и к.

Сказал, как аттестат зрелости вручил. Аттестат рабочей зрелости. Его ведь заслужить надо.

Три года прошло, а в отпуск так и не выбрался. Делегатом съезда избрали, сказали: «Возглавишь стройотряд».

Для него это было неожиданно. Но на стройке решили: «Три года у нас — ветеран! Любое дело по плечу; вот пусть и возглавит отряд». И он возглавил отряд.

Володя в красном эшелоне делает смотр своему отряду, по вагонам ходит.

— Привет, волгоградцы! Здорово, ставропольцы. Как дела, саратовцы?

ВОЖАТАЯ В КРАСНОЙ КОСЫНКЕ

Таня Хорюкова из города Энгельса Саратовской области. Заводила, песенница, придумщица! Тане двадцать один год. На лбу веселая челка. Таня ее назад откидывает, а та опять на глаза. Таня сердится, закалывает волосы, а челка непослушна, вырывается из плена — на брови.

Росла девочка на берегу Волги. Плавала — мальчишки не догоняли. Бегала — равных в школе не было. По прыжкам в высоту нет ей в городе соперниц. «Везучая ты, Танька»,— завидовали ей девочки. «Так уж и везучая?» «Ой, везучая...» А в то первое, послешкольное лето она, уткнувшись маме в платье, плакала, как маленькая. Не прошла по конкурсу в университет.

— Горя бояться — счастья не видать,— сказала мама,— иди ко мне на завод.

Завод имени Урицкого делает троллейбусы. Таня пришла в цех гальванизации — покрывала хромом, никелем, медью, цинком металлические детали. Электролиз знала по урокам химии и скоро стала контролером.

Легкая, бегучая — так и мелькает в цеху ее красная косынка.

Как-то разговорилась с работницей цеха Антониной Вьюрковой. Тоня рассказала о своих детях, Сережке и Наташе.

— От скуки не знают, куда себя девать, прямо мучение с ними...

— Ну, Тоня, ты, видать, строга к своим детям.

— Да нет, умелости бы твоей.

— В какой же они школе?

— В нашей, шестнадцатой...

После смены Таня Хорюкова — в комитет комсомола.

— Хочу быть в школе отрядной вожатой.

— Мало у тебя нагрузок?

— А давайте еще, я двужильная. «Главное, ребята, сердцем не стареть».

Есть у Тани манера — словами песен говорить, чтоб к месту.

Теперь она не знала, что такое свободный вечер или свободное утро, если в ночь смена. Выдалась минута — в школу, к своим мальчишкам и девчонкам.

Воскресенье. Поход по Волге. «Все идем, без никаких!»

Среда. «Идем смотреть «Подранки». Поспорим!»

Суббота. «Занятие по баскету. Научу всех!»

Воскресенье. Диспут по картине «Ключ без права передачи». «Говорить только начистоту, не стесняясь...»

Месяца через два Антонина Вьюркова сказала Тане:

— Закрутила ты моих пацанят. Только и разговора: наша вожатая, наша вожатая.

Услышала Таня про Усть-Илимск: там рабочие нужны. Взглянула на карту — за тридевять земель этот город. Тысячи и тысячи километров от Саратова. Говорят, в далекие времена ссылали в те места революционеров. А теперь, рассказывают, растет молодежный город, стройка — глазом не охватишь.

— Так и решила: «До свиданья, мама, не горюй».— Таня убирает со лба челку.— Видала я ребят, которые примерно так рассуждают: там нужны рабочие руки. Но почему обязательно наши руки? Найдутся другие! Все во мне возмущается, когда слышу такие слова. Я своих

пионеров как учила? Быть там, где ты нужнее, не отсиживаться в сторонке. Да, я тут, дома, нужна. А там, в Сибири, нужнее.

В Усть-Илимске Таня станет строить дома. Всему заново придется учиться — замешивать раствор, наносить краску на стены. И я увижу, как она войдет в будущую квартиру и возьмет в руки мастерок. Новый город станет для нее новым университетом. А учиться она будет, потому что она прошла по очень важному и трудному конкурсу — на самостоятельность.

...Колеса отбивают четверти.

Сибирь распахивает перед красным эшелоном объятия тайги, высь бездонного неба, реки с плотами, огромными, как городские площади...

Мчится вперед красный эшелон.

Даешь Усть-Илимск!

А в девятом вагоне не отходит от окна широкоплечий, молчаливый парень.

— Володя, что загрустил? — окликают его друзья-пензенцы.

— Любуюсь. Какая она огромная, Сибирь...

ВМЕСТЕ С БОЛГАРСКИМИ БРАТЬЯМИ

Володя Кашерин из Пачелмского района Пензенской области. Работал в лесничестве шофером. Когда надо, садился за трактор, тянул за собой лесную сажалку, а за ней вырастала зеленая щеточка аккуратно прикопанных сосенок.

— Профессия? — спросят его в Усть-Илимске.

— Механизатор широкого профиля.

— Такие нам крайне нужны. Будете работать на МАЗе. Только постажироваться придется. Дадим опытного наставника, поможет освоить эту машину.

Так Володя познакомится со своими новыми товарищами, болгарами, которые работают здесь водителями. Усть-Илимск — стройка молодежная, интернациональная, ее помогают возводить немцы, поляки, венгры. Болгары — отменные шоферы. Им и поручают стажировать бойцов Всесоюзного ударного отряда.

Позднее Володя хорошо узнает членов болгарской комсомольско-молодежной бригады имени Корвалана.

Когда-нибудь придется ему поработать в паре и с Пано Борисовым. Вот парень стоящий! В СССР не впервые — работал в республике Коми, в болгарском леспромхозе. Поехал домой в отпуск и там прочел объявление — в Усть-Илимск, на стройку социалистического, братского содружества набирается отряд. Есть добровольцы? «Есть, есть, есть!» — мчался он в окружной комитет комсомола.

Его зачислили в этот отряд. Пано рад, что так все вышло, что приехал сюда. Тут он окончил школу рабочей молодежи, получил советский аттестат зрелости. Теперь собирается поступать в институт в Иркутске.

Вот они вдвоем в кабине МАЗа — Володя и Пано. Русский и болгарин. Они сразу нашли

общий язык. Во-первых, чисто профессиональный: машину хорошо понимают. Во-вторых, оба приехали сюда не за большими деньгами, а потому что машину хочется поводить по Сибири, чтобы потом можно было сказать: «А я город там строил...»

Напряжение, с которым МАЗ ползет вверх, передается рукам шофера Пано. Руки его крепко лежат на ободе руля, и Володя отмечает про себя — силач...

— Видишь, какие тут дороги, Володья,— говорит Пано.— Но тем интереснее. Я люблю такие дороги.

— И я,— отзывается Володя. Ему нравится это мягкое произношение его имени, ему просто симпатичен этот болгарский паренек.

Пано смеется. Он вспоминает любимый маршрут — кольцо. От гравиесортировочного участка щебень везут на подсыпку фундаментов заводских строений. Оттуда тридцать пять километров к карьеру Красный песок. Этот песок через всю стройку надо доставить на бетонный завод. А оттуда — опять за щебнем. Вот такое кольцо — восемьдесят километров.

— Так что, Володья, никогда не разминемся.

— Не разминемся... Как поется в песне: а у кольца нет ни начала, ни конца.

...Сейчас в поезде Володя Каширин еще не знает о своих будущих друзьях, о встречах, которые его ожидают. Волею автора я сместил события во времени, опередил его...

А пока гудок тепловоза протяжно растекается над тайгой, и кажется, этот тревожащий, трубный голос выпевает:

— Даешь Усть-Илимск!

СЕСТРЫ-СИБИРЯЧКИ

Майя Нурметова — туркменка, работала оператором на нефтезаводе в Красноводске, на берегу Каспийского моря. Окончила строительное ГПТУ — кем угодно может быть: крановщицей, маляром, штукатуром. С ее лица никогда не сходит загар знойного каракумского солнца. У нее темные курчавые волосы и неожиданные на этом восточном лице васильковые русские глаза, круглые и смеющиеся. Когда она поет отрядную песню «Снега растопим белые, построим ЛПК», веришь: так оно и будет, растопят. Такие у Майи жаркие, пылающие щеки.

Первой в Усть-Илимск уехала ее старшая сестра Наташа. Как Майя ей тогда завидовала! Но она еще училась, и мама так просяще смотрела: куда ж ты меня одну оставишь?

А потом Наташа в отпуск приехала. Светится радостью, рассказам конца нет, со всего города собрались знакомые послушать туркменку-сибирячку.

Слушает старшую сестру Майя, задумывается, ясно понимает — не усидеть дома.

Но как оставить маму? А мама тоже слушает старшую дочь, и сердце ее беспокойно екает: разлетаются птенцы из гнезда, как удержать их, как?

Осталась мама наедине с Майей.

— Майечка, я все вижу. Силой держать тебя не хочу.

Майя обнимает маму. Так они сидят, тесно прижавшись друг к другу, молчат, слушают, как вдали штормит Каспий, и желтое солнце пустыни бросает вечерние лучи на Красноводск. Майю ждет новое море — Усть-Илимское.

В молодом сибирском городе Майю все поразит — огромная плотина гидростанции, поднимающийся вверх целлюлозный завод, Ангара, в которой, как на фотографии, отпечатываются верхушки сосен до каждой иголочки в отдельности. И еще она просто влюбится в таежный ручей по имени Ромашка — к нему, как лепестки, сбегаются ручейки поменьше. Какая отрада полежать на берегу Ромашки и после гулкой, гудящей, громыхающей стройки услышать дятла, словно забивающего гвоздики в сосну, шлепок шишки о мягкую подстилку, увидеть вверху то ли белку, то ли дерзкий солнечный зайчик...

Майя станет крановщицей, из кабинки увидит далекие таежные просторы. Тяжеленные железобетонные блоки будут слегка раскачиваться под стрелой крана. Блок к блоку, блок к блоку — подрастает дом. Это Майя его собирает по «кубикам» — туркменка, забравшаяся в сибирское небо, девушка, откинувшая предрассудки старины, когда считалось, что туркменская невеста не должна покидать дом.

Майя помнит самые главные дни своей жизни. Когда школу окончила, когда поступила в ГПТУ, когда пришла в горком комсомола за путевкой...

А у Усть-Илимска, с которым Майя соединила свою жизнь, есть своя хроника. Вот она:

23 ноября 1962 года сюда прибыла первая группа рабочих;

24 августа 1966 года началась отсыпка дамбы будущей электростанции;

13 августа 1969 года Ангара перекрыта;

5 января 1974 года началось строительство целлюлозного завода;

июнь 1974 года. Началась вырубка тайги на правом берегу Ангары под фундаменты первых жилых домов молодого города.

К этой хронике я добавляю еще одну дату, важную и для города и для Майи Нурметовой:

3 мая 1978 года. Прибыл Всесоюзный ударный стройотряд имени XVIII съезда ВЛКСМ. И с этого дня начи-

нается новая страница в биографии туркменской девушки. И то, что сделают Майя и ее товарищи, тоже станет историей Усть-Илимска.

...Мчится вперед красный эшелон, он все ближе к своей конечной станции.

ГОРОД У ЛУКОМОРЬЯ

Радостно и торжественно встретила нас стройка. И в первый же день вместе с ребятами я пошел знакомиться с новым городом. Нам показали макет, и мы увидели еще не созданные микрорайоны Усть-Илимска. На макете все микро — микродома, микродеревья, микромагазины, микрошколы. Рядом с макетом чувствуешь себя Гулливером.

Но вот выглядываешь в окно архитектурной мастерской, и твоим глазам предстает чудная картина — живой, сверкающий окнами квартал города, вышедший из колыбели макета. Не игрушечные, а всамделишные девяти- и двенадцатиэтажные дома вступают в тайгу, в некогда медвежью глухомань. И вот что самое удивительное: тайга не отступает, она полноправно живет на городских улицах. Это не город в тайге: тайга в городе. Любовно сохраненные здесь ангарские сосны мохнатыми лапами касаются окон, балконов, крыш.

Триста тысяч человек будут жить в Усть-Илимске. Вот сколько жилья нужно возвести моим товарищам. Вот то трудное дело, к которому они стремились!

У парней и девчат поблескивают глаза. Город у Усть-Илимского моря станет самым красивым на берегах Ангары, а может, и не только Ангары. Таежный парк! Стадион! Дворцы культуры! Библиотеки своими книжными фондами не уступят библиотекам крупнейших городов страны.

Да, нужно быть сильными, волевыми людьми, поистине Гулливерами, чтобы создать Усть-Илимск, перенести его с игрушечного макета в тайгу... Они смогут. Ведь они заранее знали, куда и зачем едут. И не отступят перед трудностями. Никогда! Ни за что! Такие они ребята, верные слову и делу.

Я их всех живо представляю. Каждый на своем месте, они строят завод, новый город на берегу Ангары...

Как вы там, ребята?

Как вам живется-можется, мои молодые друзья?

ИЗ ПОЭМЫ

Юность

Михаил СВЕТЛОВ

Я по старой тропе
Постаревшую память веду,
Я тебя, комсомольская юность,
Имею в виду!
Над моей головой
Ты, как солнце, взошла горячо,
Как шахтерская лампочка,
Издали светишь еще...

...Лунный свет задел слегка
Все четыре уголка
Этой комнатки знакомой
Комсомольского губкома.
Сквозь оконное стекло
Время в комнатку текло,
И на стенке ходики
Отсчитывают годики...

Здесь когда-то родился
И рос молодой Комсомол,
Здесь мы честно делили
Пайков богатейшие крохи.
Дружба здесь начиналась!
Сюда я впервые вошел
В сапогах, загрязненных
Целебною грязью эпохи...

Я тебя вспоминаю —
Смешная, родная пора!
Ты опять повторись —
Хоть чернилами из-под пера!
В боевом снаряженье
Опять мы с друзьями идем,
И, как детский рисунок,
Огромный закат над Днепром.

Ночь непрекращающихся взрывов,
Утро, приносящее бои.
Комсомольцы первого призыва —
Первые товарищи мои!

Повторись в далеком освещенье,
Молодости нашей ощущенье!
Молодость моя, не торопись!
Медленно — как было — повторись!..

1938 г.

У Ленинского комсомола мы учимся быть активными строителями социализма, учимся воспитывать нового человека.

Бойчо ШТЕРЯНОВ,
первый секретарь ЦК Димитровского коммунистического союза молодежи

От имени Союза коммунистической молодежи Португалии с большой радостью и волнением передаю вам горячий, братский, боевой привет от молодых коммунистов Португалии. Мы видим в вас продолжателей дела многих поколений комсомольцев, чья героическая борьба вписала славные страницы в летопись построения социализма на родине В. И. Ленина.

Орасио РУФИНО,
член Исполкома Союза коммунистической молодежи Португалии

Нашу организацию связывают с комсомолом неразрывные братские узы. В поддержку борьбы патриотов Чили мы всегда слышим авторитетный голос Ленинского комсомола.

Гладис МАРИН,
генеральный секретарь Коммунистической молодежи Чили

Со славным юбилеем, КОМСОМОЛ!

Мы всегда ощущаем солидарность комсомола с борьбой нашей коммунистической молодежи, всей молодежи Аргентины. Мы всегда были и будем верными друзьями Ленинского комсомола!

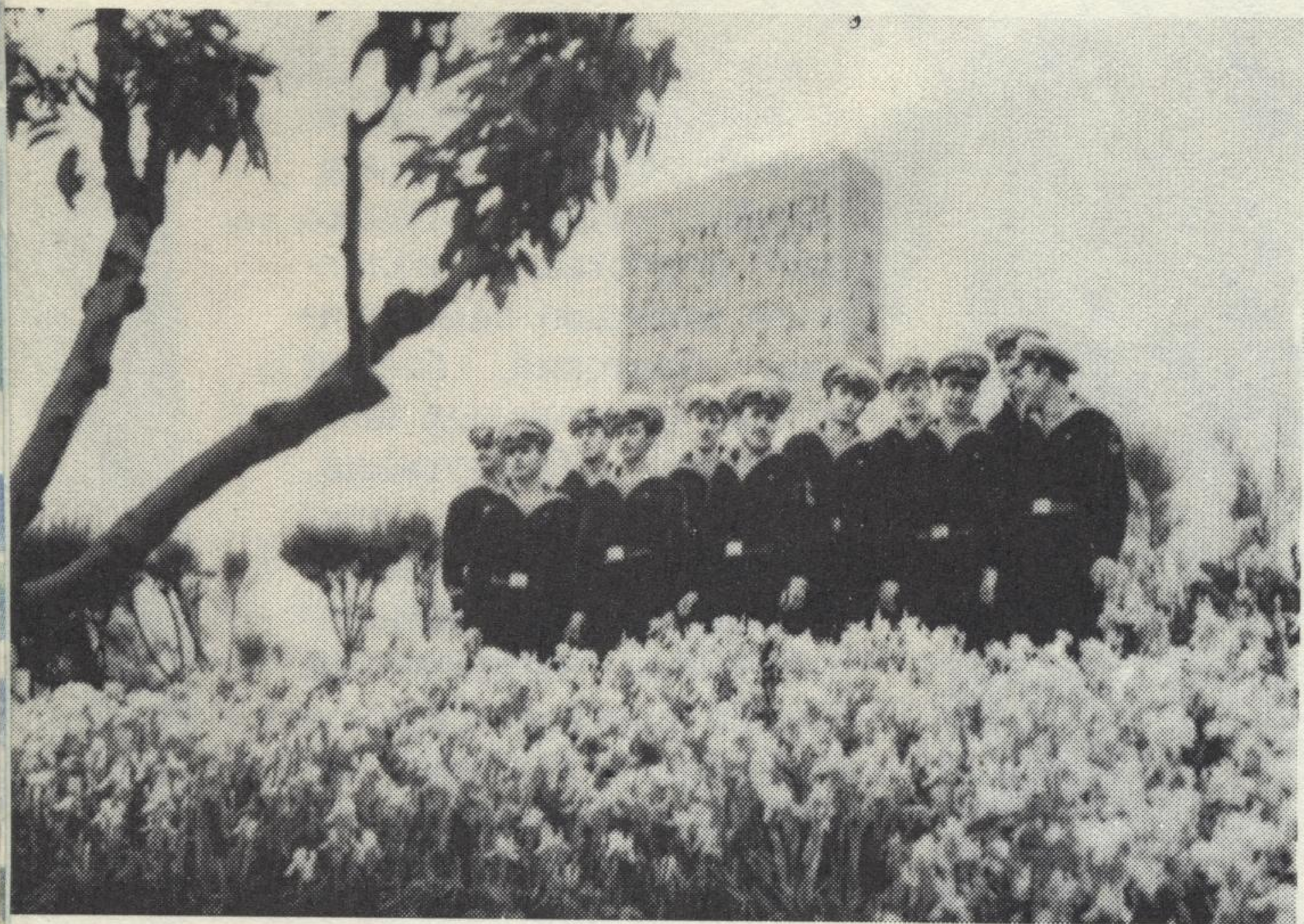
Хорхе ПЕРЕЙРА,
генеральный секретарь Федерации коммунистической молодежи Аргентины

Опыт Ленинского комсомола имеет всемирное значение. Он учит нас великой силой своего примера. Честные юноши и девушки всего мира видят в советской молодежи и Ленинском комсомоле преданных друзей и верных союзников в борьбе. Мы по-настоящему гордимся тем, что боремся вместе с вами за бессмертное дело социализма и коммунизма.

Хайме КАЙСЕДО,
генеральный секретарь Коммунистической молодежи Колумбии

Позвольте мне передать Ленинскому комсомолу, советской молодежи горячий братский привет от молодых французских коммунистов. Успехи, достигнутые советской молодежью в деле социалистического строительства, огромны. Строительство БАМа — яркое тому свидетельство. Это одна из прекрасных страниц летописи трудовых дел советской молодежи.

Жак ПЛАНШ,
секретарь Национального совета Движения коммунистической молодежи Франции

С. ИВАНОВ

Фотографии В. АРСИРИЯ

Моряки с Малой земли

ОЧЕРК ВТОРОЙ

Долго здесь ничего не росло. Целые годы. Земля, вспаханная взрывами, засеянная мертвыми зернами железа и свинца, не зарастала. Так и лежала — голая, каменистая, белесоватая. Только ветер посвистывал да пролетала редкая чайка. Лишь много позже за эту землю начала недоверчиво цепляться самая неприхотливая, сухая и жесткая, степная трава. И постепенно стали зарастать воронки, окопы, траншеи и ходы сообщения.

Сейчас раннее утро. Фотокорреспондент Виктор Арсирий и я, автор этих строк, лежим, привалившись к стенке старой траншеи — спрятались сюда от несильного, но довольно холодного ветра, что дует с моря. Мы ждем, когда солнце выйдет из низкой продолговатой тучи и можно будет начать цветную съемку. На вершине бруствера ветер качает и гнет стебли сухой травы. Чья это была траншея — наша, вражеская? Кто теперь скажет... А вернее всего вражеская, ставшая нашей!

Тишина, море трогает берег лишь слабыми стеклянными волночками. Тишина. И от этого слышнее разрывы сорок третьего года... У самого пляжа, на высоком столбе, чтоб все видели, предостережение: «Ямы. Купаться с осторожностью». Ямы... Здесь высаживался десант Куникова. А на него пикировали фашистские штурмовики, били в упор тяжелые пушки... Вот и получились тут «ямы»!

Море забывает легко. Война пролетела, и опять оно мирное, ласковое, «самое синее в мире»... Память земли много дольше...

Солнце вышло наконец. Мы шагаем по каменистой тропинке меж ям и бугров, прикрытых жесткой травой. И если внимательно приглядеться, то можно увидеть, как торчат из этой земли ржавые железные жала.

То место, где мы находимся, это как бы музей под открытым небом — музей памяти. Все здесь оставлено так, как было тогда. И орудия стоят — те самые, которыми здесь воевали. И катера — морской охотник и торпедный. На таких пришли куниковцы сюда, на Малую землю...

После войны саперы поработали здесь на совесть. И минные поля стали просто полями... Хотя неразорвавшиеся снаряды, случается, находят и до сих пор.

Бронзовый трезубец

От воды и узкой полоски песчаного пляжа берег полого уходит вверх. На самой вершине — стела в честь защитников Малой земли. Рядом продолговатые белые здания. Плещется море, и они — словно корабли, идущие по волнам.

Одно время хотели весь этот кусок берега не застраивать. А потом решили: высшее морское училище на Малой земле будет отличным памятником погибшим героям.

Восемь тридцать утра. Надо спешить: через десять минут подъем флага... И вот плац перед главным учебным корпусом, замерло строгое каре.

— Здравствуйте, товарищи курсанты!

— Здравия желаем, товарищ капитан первого ранга!

На мачту стремительно летит флаг, ветер сейчас же подхватывает его. На спор с солнцем сияет медь оркестра. Отлично!.. Шагают будущие капитаны, механики, радисты. Замерли командиры, приставив ладонь к козырьку...

Новороссийское высшее инженерно-морское училище самое молодое в стране и одно из лучших.

Поднимаемся на крыльцо, улыбаемся козырнувшему нам часовому, вступаем под своды главного учебного корпуса.

Огромные окна (иллюминаторы) невидимо-прозрачны. Сквозь них, словно в подзорную трубу, виден едва ли не весь Новороссийск.

— Понимаете теперь, почему фашисты так

не хотели отдавать этот клочок земли? Высота, господство над всем городом!

Оборачиваемся. Перед нами стоит Александр Иванович Покляшов, член крайкома комсомола. Он преподает здесь историю КПСС. Мы познакомились с ним вчера, попросили показать училище.

Проходим по вестибюлю, украшенному резьбой и мозаикой. На стенах — портреты великих русских флотоводцев Макарова, Нахимова, Лазарева, Ушакова... Внутренний дворик. Он удивительно красив и уютен. Ярко-зеленая трава, ровные дорожки, бассейн, посреди которого мчится на четверке дельфинов бог морей Посейдон.

— Видите, у него трезубец в руке? — спрашивает Покляшов. — Ничего особенного не замечаете?

— Вроде... вроде погнут немного?

— Точно! В прошлом году норд-ост постарался.

Почти не верится, что эту массивную бронзовую штуку мог погнуть ветер. Погнул однако!

— Февраль, — говорит Александр Иванович, — самый лютый у нас месяц.

И невольно представляешь далекий сорок третий, февраль, ночь десанта. Был и шторм и норд-ост... Гнет трезубец в руках морского царя. А куниковцев не согнул!

А иначе не стоило идти

...Мы попали в училище как раз в те дни, когда шла экзаменационная сессия. Между прочим, здесь почти стопроцентная успеваемость, а половина курсантов учится на четверки и пятерки. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич Пастухов, посетивший в этом году Новороссийское училище, сказал: «Побольше бы нам таких вузов!»

Что ж, молодцы курсанты! Не просто заслужить столь высокую оценку... Но в чем же все-таки секрет «производства пятерок»?

...В пустой аудитории сидит у окна курсант. Только что кончилась консультация, он листает конспект. Скоро экзамен? Еще два дня впереди. Значит, можно поговорить? С удовольствием.

Валерий Богданов — будущий судовой механик — как говорят на флоте, «дед». Глаза серые, плечи широкие, говорит уверенно и спокойно.

— На море человек случайно не пойдет. Здесь все учатся по желанию. Даже, я бы сказал, по мечте... А значит, учиться нам интересно. И дисциплину нарушать нет никакого смысла, что ли... Я когда сюда пришел в семьдесят пятом году, оно только еще открылось, наше училище. Как обычно бывает: что-то не готово, что-то недоделано. А мы самые первые курсанты. Представляете — радость, честь! Ни со временем, ни с чем не считались, строили сами. Народ-то бывалый, у многих армия за плечами, флот. К нам приходят иногда: «Ну и чистота же у вас!» А как иначе? На своем корабле, в своем доме пакостить не станешь!

Ни в экипажах (так называют курсанты свои общежития), ни в учебном корпусе нет уборщиц или нянек. Все до последнего дюйма ребята отдраивают сами. Эта флотская неукротимая тяга к порядку проявила себя и вот еще в чем. В первые же дни курсанты организовали дружины: коли уж порядок в училище, то полный порядок должен быть и во всем городе!

Морскому училищу в Новороссийске всего три года. Но город-герой заслуженно гордится своим высшим учебным заведением. Гордится его курсантами — подтянутыми, четкими, целеустремленными ребятами. Глядя на них, понимаешь, как это важно — найти дело по сердцу, как важно всеми силами, с хорошей настырностью идти к намеченной цели... Кое-кому из наших читателей тут есть неплохая «информация к размышлению»...

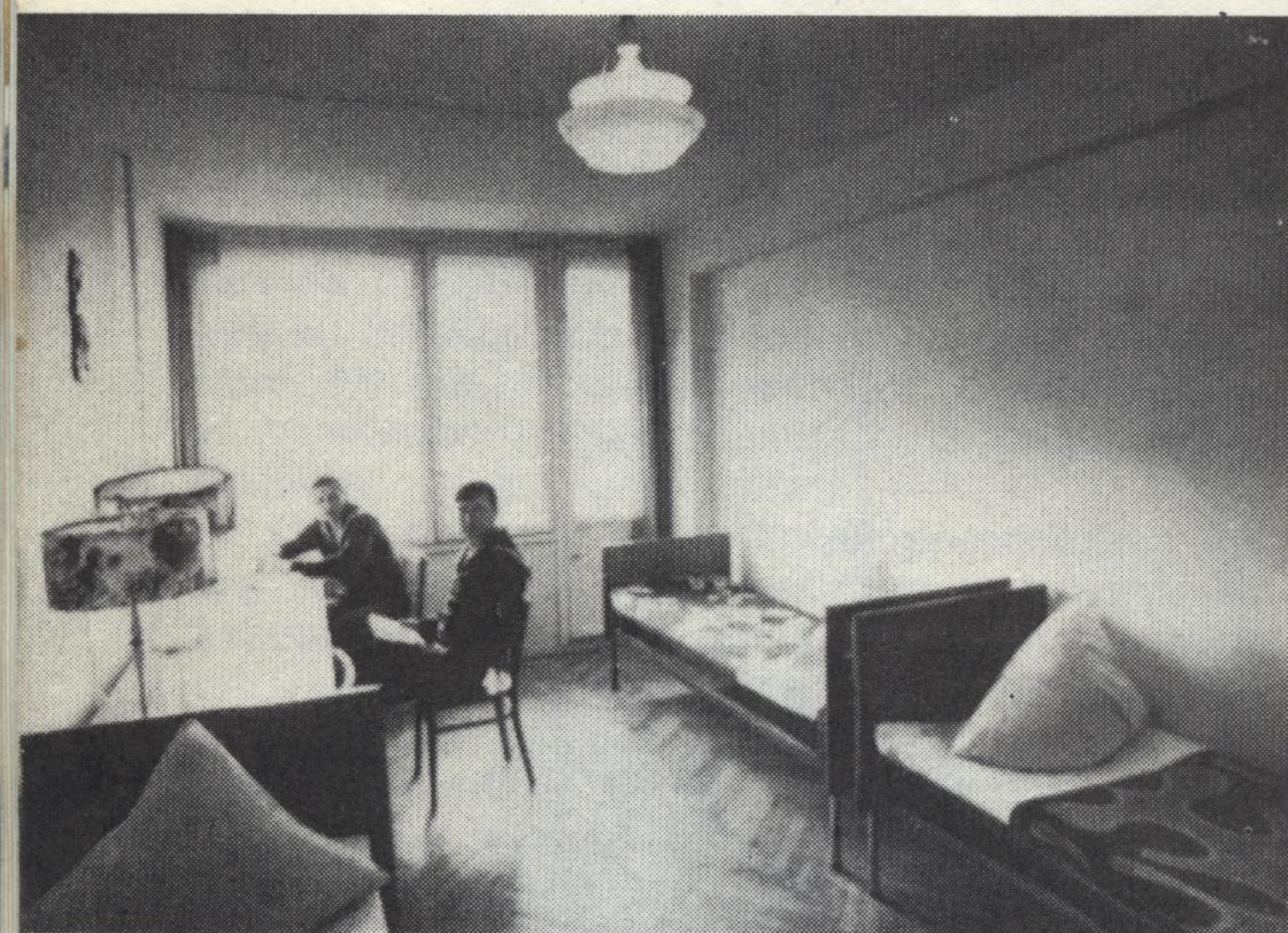
Парус...
Может, оно и несовременно,
да уж очень здорово!

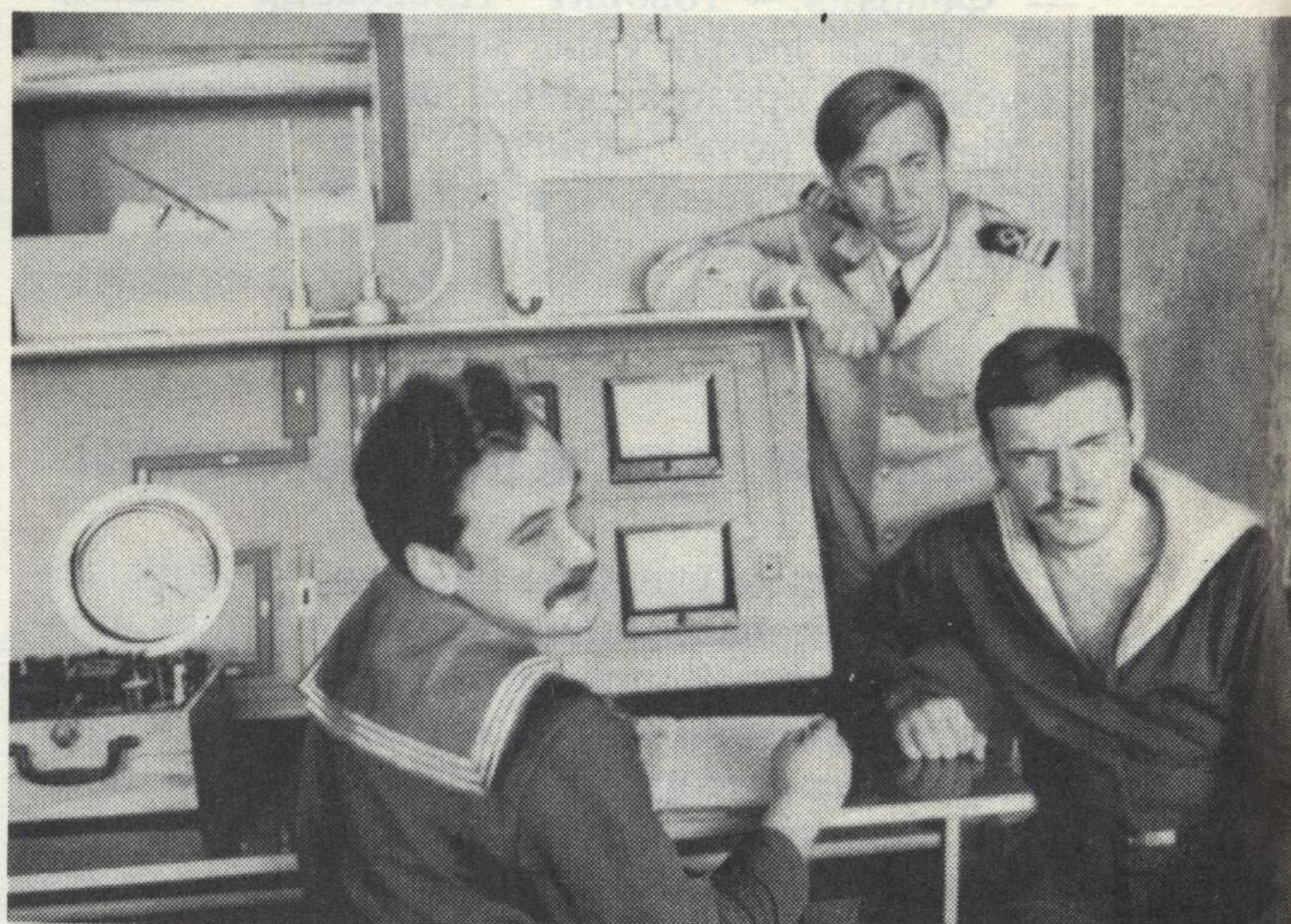

Работа радиста —
внимание, четкость,
быстрота.
— Перехожу на прием...

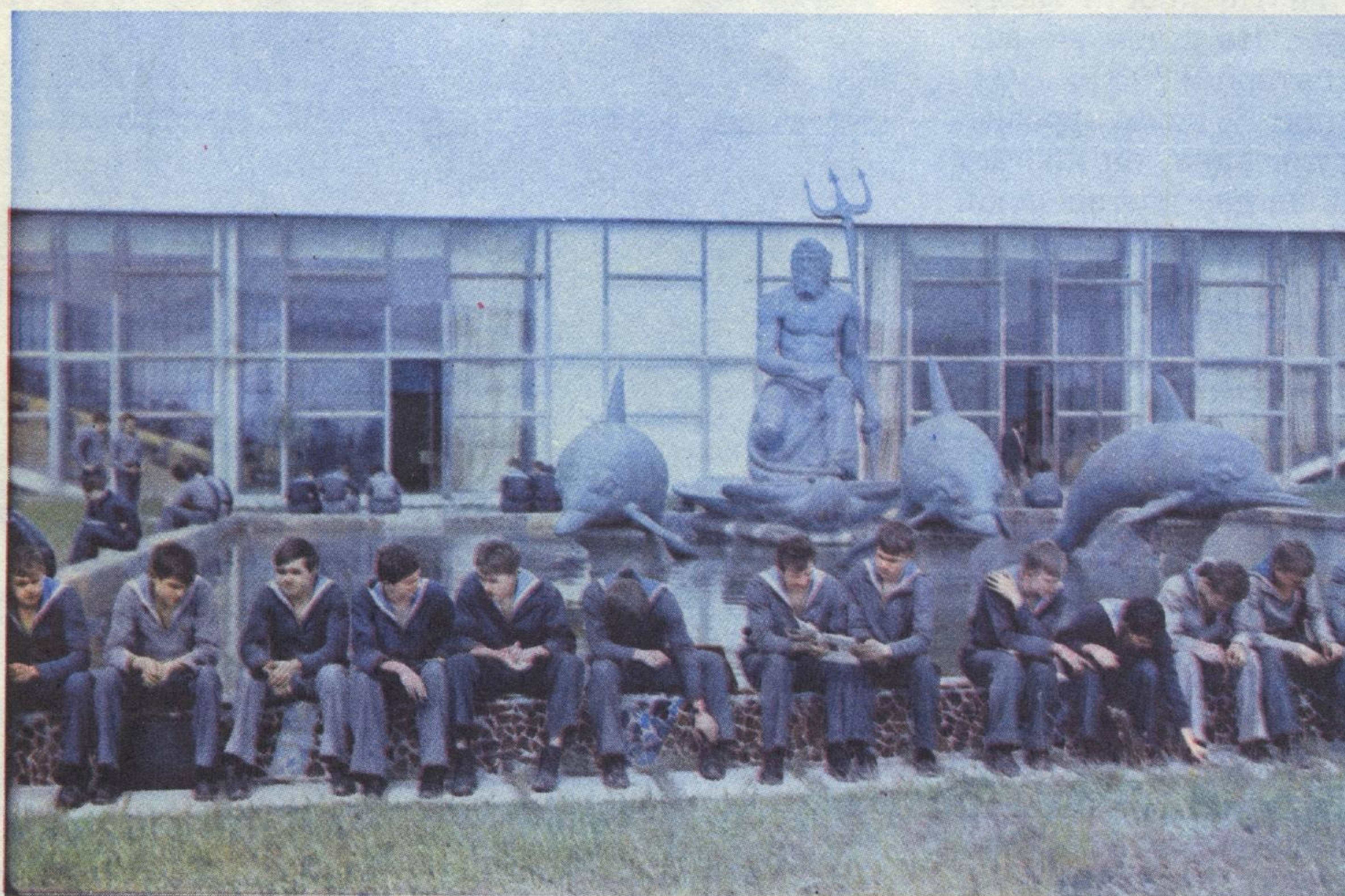

Кубрик.
Вот в таких
комнатах
живут курсанты...
Чистота,
за окном море...

Курсанты
Валерий Богданов
(он справа)
и Андрей Латий
готовятся
к экзамену
по термодинамике.
Им помогает
лаборант
В. А. Таранцев.

Это
греческий
дворик...
Очень красивое
местечко.

Вожатый

Дело делом, ну а свободное-то время у курсанта все-таки есть? Конечно, есть!

Ребята здесь, как и следует флотскому народу, крепкие, спорт любят. Футбольная команда, например, держит первенство по Министерству морского флота. В почете волейбол, борьба, бокс. Курсант Юрий Волков — кандидат в Олимпийскую сборную страны. И, конечно, почти все увлекаются морским многоборьем. Да и что же ты за моряк, если не владеешь парусом, веслами, не научился отлично плавать!

В этом году по Новороссийску гремела курсантская «Юморина» в честь первоапрельского дня смеха... А бывают и просто вечера отдыха — чтобы потанцевать, послушать музыку...

Дружат курсанты с пионерами, шефствуют над 25-й краснодарской и над 10-й новороссийской школами, над дружиной «Штормовая» из Всесоюзного пионерского лагеря «Орленок». Есть в училище вожатский отряд — более сорока человек.

Интересно с кем-нибудь познакомиться!

И мы идем в экипаж первой роты (что в переводе на гражданский язык означает: идем в общежитие судоводительского факультета). Все та же чистота, у дверей постовые.

Входим в кубрик. Три койки. У окна письменный стол, на нем стопки учебников. Навстречу нам встает моряк в белой отглаженной матроске. Синие внимательные глаза.

— Вот знакомьтесь, — говорит Александр Иванович, — Андрей Политов.

Отец у Андрея военный. А это значит — жизнь кочевая... Долго жили в Севастополе, потом переехали в Семипалатинск. Любовь к морю, однако, у Андрея осталась навсегда.

— Я учился тогда в восьмом классе. Пошел к шестиклассникам, подружился с ними, говорю: давайте организуем морской клуб.

— Как же вы с ними подружились?

На секунду Андрей задумался, пожал плечами.

— Даже не знаю... Когда настоящее дело, подружиться всегда легко! Семипалатинск, он хоть и не морской город, но там у нас Иртыш — почти как море! У меня остался друг в Севастополе, занимался в морском клубе, писал мне подробные письма — с чего начинать, что делать дальше... Но все-таки трудновато было. В Семипалатинске морских традиций маловато. Клуб наш стал глохнуть. И все-таки ребят я бросить уже не мог. То металлолом собираем вместе, то стенгазету выпускаем, то к вечеру готовимся. И о море тоже не забывали. В походы шлюпочные ходили, дисциплина — флотская!.. Класс мой стал в школе одним из самых дружных. Я того и добивался!.. И вот в десятом стал думать, кем же мне стать: моряком или учителем... — Он на секунду замолчал. — Здесь, знаете, конкурс был какой? Но мне нельзя было отступать: ребят учил добиваться своего, а сам провалюсь? Нет, не имею права. И сдал... Конечно, пришлось сражаться изо всех сил! Теперь мои ребята стали уже десятиклассниками, переписываемся... А у меня шестиклассники из 22-й новороссийской школы. Вот уже год мы вместе.

Будущий капитан Володя...

— Получается?

— Нормально.

За это время Андрей сумел сдружить класс. Скука исчезла и проклятущее ничегонеделанье.

— Следопытская работа у нас такая, что самому интересно. — Андрей смущенно засмеялся. — Места кругом легендарные. В следующем году собираемся музей открывать...

Андрей долго рассказывал о своих ребятах, забыв, что завтра экзамен. Рассказывал, как ходят в походы, как сидят у позднего костра, какой праздник устроили ему ребята на день рождения.

— Главная у меня мечта теперь такая: поплавать, увидеть побольше интересного. И все потом рассказать ребятам.

В музее

Небольшой зал, витрины с оружием. Спрашиваю у Покляшова: откуда это?

— Ребята собрали. Многое прямо на территории училища...

Дисковые пулеметы, гранаты, заржавленный штык, автоматическая винтовка, снаряды самых разных калибров... Недавно здесь закладывали фундамент для нового «экипажа». И вдруг на свет божий вылез... пятисоткилограммовый снаряд!

— Оружие в основном немецкое, — говорит Александр Иванович, — наши-то своим сражались до последнего.

Беру в руки офицерскую портупею. Кобура, в которой явно помещался крупнокалиберный пистолет. На поясе алюминиевая бляха с надписью: «Готт мит унс» — «С нами бог»...

Наверное, из этой кобуры не раз доставали пистолет, чтобы добить раненого, или застрелить старика, или случайно встреченную на улице девчонку (такое в оккупированном Новороссийске было «обычным» делом!)... Готт мит унс...

— А вот эти экспонаты мы собрали на местах боев 18-й армии, где начальником политотдела был Леонид Ильич Брежнев. Мы решили пройти весь боевой путь 18-й армии — от Новороссийска до Праги. Многое уже сделано. Вообще военно-патриотическая работа — одно из самых серьезных увлечений наших ребят. Да и не может быть по-иному: ведь под ногами у нас Малая земля!

Славное прошлое, а рядом — будущее. Покляшов подводит меня к макету — таким училище станет через несколько лет. Появятся новые спортзалы и плавательные бассейны. И бассейн для тренировок по гребле. Поднимется пятнадцатиэтажный административный корпус.

Капитан

Путь в училище Андрея Политова был прям и короток. Окончил школу, удачно сдал экзамены — вот тебе и курсант!

По-иному сложилась судьба у Владимира Ненарочнова... В школе учился вроде неплохо, но когда поехал поступать в Ленинградское высшее морское училище — знаменитую «Макаровку», — не прошел по конкурсу!

— Теперь я, пожалуй, и не жалею об этом, — говорит Володя. — Вся дальнейшая жизнь доказала мне, что спешить с высшим учебным заведением не стоит. Например, я уверен, что моряку без армейской школы просто нельзя. Армия многому научила...

— Вы на флоте служили?

— Связистом. И тоже не жалею: узнал новую специальность, изучил радиодело. Это все пригодится!

— Вы говорите: армия многому научила. А чему конкретно?

— Во-первых, дисциплине, и главное самодисциплине. Во-вторых, научила уважать хорошую работу, и свою и чужую. В-третьих, армия научила меня уважать людей: и тех, кто старше тебя по званию, по должности, и тех, кто младше...

— Как у вас все четко: первое, второе, третье...

— Ну, а как же. Прожил день, неделю, год — подумай, что хорошо, а что было плохо... Уважение к людям, умение работать, дисциплина — на флоте вещи совершенно необходимые. В этом я убедился, когда стал матросом...

— Матросом?

— Да. После армии поступил в мореходное училище (это что-то вроде ГПТУ). Был сперва матросом, а через три года назначили боцманом...

— Сколько же вы всего плавали?

— Да больше пяти лет.

— И только потом решили поступать в высшее морское?

— Торопиться-то некуда. «Водоплавание» (есть у нас такое словечко) для меня не на день и не на год — на всю жизнь. И я решил пройти флотскую науку, как говорится, от альфы до омеги. Это хочу посоветовать и тем ребятам, которые мечтают стать моряками: сперва обязательно испытай себя как следует!

— А кем мечтаете стать вы?

— Только капитаном! Не представляю себе занятия более интересного и более серьезного. Именно капитан несет полную ответственность за груз, за судно. Ну и за людей, конечно! Капитан — полномочный представитель нашего государства за границей...

Я смотрю на Володю и невольно думаю, что эти качества есть и у него самого. Он старшина группы, и ребята с охотой выполняют его приказания. Сто двадцать пятая группа — одна из лучших на судоводительском факультете. И, конечно, заслуга Володи Ненарочнова здесь немалая... Так держать, капитан!

* * *

Высшее морское училище на Малой земле. В каждом окне Черное море, белый и зеленый Новороссийск. Пожить бы здесь, поучиться, попеть курсантские песни... Увы, мне-то уже поздновато.

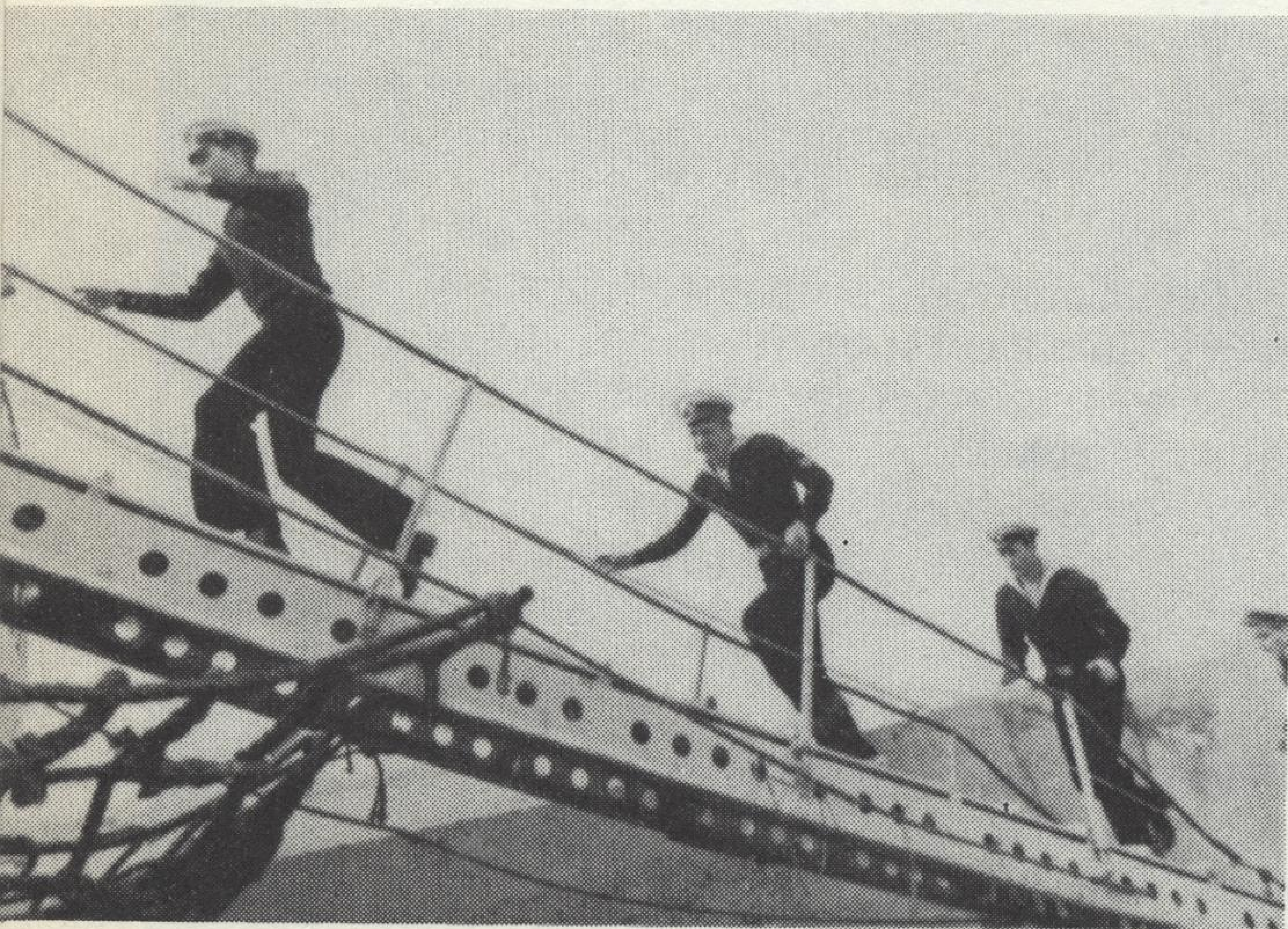
Зато тебе, читающему эти строчки, в самый раз!

— Кто ты?

— Я моряк с Малой земли.

Высокие слова!

Учебная тревога!

Юрий КАЧАЕВ

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Светлой памяти Петра Ипполитовича Деньгубова, собравшего документальный материал для этой повести.

Перед тобой повесть Юрия Качаева «Гроза над Машуком». Это документальная повесть. Действие происходит в нашем городе в 1942 году. Пятигорск был захвачен фашистами, которые беспощадно расправлялись с советскими людьми. Местные комсомольцы и пионеры создали подпольную организацию «Юные чапаевцы». Чапаевцы добывали оружие у оккупантов, сами собрали приемник, чтобы слушать передачи из Москвы. За хранение оружия и радиоприемников полагалась смертная казнь. Расстрел грозил каждому, кто укроет у себя раненого красноармейца или будет помогать партизанам. Но чапаевцы спасали раненых, собирали важные сведения о противнике и переправляли партизанам.

Организация существовала недолго, всего один месяц. Но юные патриоты успели сделать все, что было в их силах.

Мы и сегодня помним о подвиге юных чапаевцев. Им было по двенадцать-тринадцать лет, столько же, сколько тебе сейчас, или чуть больше. Мы преклоняемся пред их мужеством, учимся у них преданности Родине.

У комсомола и у пионерской организации славная история. Вы, сегодняшние пионеры, должны ее хорошо знать и всегда быть готовыми продолжить ее.

И. НИКИШИН,

первый секретарь Пятигорского горкома ВЛКСМ.

ГРОЗА НАД МАШУКОМ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
О КОМСОМОЛЬСКО-ПИОНЕРСКОМ ПОДПОЛЬЕ ПЯТИГОРСКА

«Придет час, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, а были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные... Об одном прошу тех, кто переживет это время: не забудьте. Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас...»

Юлиус Фучик

ИЗ КНИГИ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

Операция по захвату Кавказа называлась «Эдельвейс». Немецкое превосходство: в людях — в 1,5 раза, в самолетах — в 8 раз, в танках — в 9, в артиллерии и минометах — в 2 раза.

Лейтенант Марков

Вторые сутки через Пятигорск отступали наши части. Серые от пыли, шли и шли колонны красноармейцев. Лица у бойцов были измученные и злые.

На фурах и бричках, на редких полуторках везли тяжелораненых; они бредили и просили пить. Женщины приносили им воду и совали что-нибудь из еды.

Последними город оставляли курсанты танкового училища. И вот тогда Витька Дурнев понял: ждать дальше нельзя — надо уходить. Об этом он и сказал своему другу Эдику Попову.

— Не возьмут, — Эдик покачал головой, — я уж как военкома обхаживал, даже домой к нему бегал. Было бы нам хоть по шестнадцать.

— Чудак! Мы же не в строю с курсантами пойдем, мы сперва приотстанем, а потом объявимся, куда они нас денут?

— Ты думаешь?

— Ну ясно. В крайнем случае я Садовского попрошу.

Витькина мать до вчерашнего дня работала поварихой в училище, где полковник Садовский был начальником. На это Витька и надеялся: шутка ли такое знакомство!

Пока не перешли Подкумок, Витька и Эдик держались от курсантов поодаль в разноликой

и разноязычной толпе беженцев. Потом осмелели и подошли к отдыхавшему на обочине взводу курсантов, которым командовал молодой светловолосый лейтенант. Взвод почему-то не торопился догонять своих и занимался разными делами, словно на обычном привале: курсанты «заправлялись» тушенкой, курили, переобувались.

— Товарищ лейтенант! Разрешите,— четко, по-военному обратился Витька (недаром же он постоянно крутился во дворе училища).

— Слушаю.

— Примите нас в свое подразделение. Ну, пожалуйста,— закончил Витька совсем не по-уставному.

Лейтенант смерил ребят оценивающим взглядом.

— Мы и стрелять умеем и гранаты бросать,— вставил Эдик.

— А вы откуда? Пятигорские?

— Так точно, пятигорские.

— Стало быть, хотите стать красноармейцами. Это славно. Только взять вас к себе, к сожалению, не могу. Не имею права.

Ребята сникли. Лейтенант помолчал, потом спросил:

— Пионеры?

— Пионеры,— тихо ответил Витька.— Тимуровцы [1].

— Город хорошо знаете?

— Каждый камень.

— Тогда считайте себя временно мобилизованными.

Витька и Эдик переглянулись, не смея поверить такому везению.

— Давайте присядем, в ногах, говорят, правды нет,— предложил лейтенант.— Как вас зовут? Так... А меня — Марков. Теперь вот что: как только стемнеет, мы вернемся назад, в Пятигорск.

— Назад? — разом изумились ребята.

— Отставить разговоры! — Марков достал из планшета план города и аккуратно развернул его.— Вот этот квартал знаете?

— Это мясокомбинат,— сразу сказал Эдик.

— Верно. Нам поручено взорвать его, как только там появятся оккупанты.

— Зачем же ждать? — удивился Витька.— Тогда будет труднее.

— Вопрос лишний.— Марков нахмурился. Не мог же он объяснить ребятам, что танковое училище оставило в городе три боевые группы, перед которыми стояла задача внезапно ударить по врагу и поднять в городе панику, и что лейтенант позднее должен был наладить связь с местным партизанским отрядом.

* * *

Ночью девятого августа истребительный взвод лейтенанта Маркова залег на правом берегу Подкумка.

Ждали возвращения разведки. В разведку ушли двое курсантов, повел их Витька Дурнев. В городе весь день слышалась ружейно-пулеметная пальба, особенно сильная у подножия Машука, потом к вечеру все стихло, изредка доносилось только рычание танков. Неясно было, есть ли гитлеровцы на территории мясокомбината. Вот для этого и послал лейтенант разведку.

Она вернулась, когда небо на востоке слегка зазеленело и звезды стали гаснуть.

— Докладываю,— тихо сказал один из курсантов.— Судя по числу мотоциклов и машин, немцев на комбинате много.

— Охранение?

— Только у ворот. Мы подходили почти вплотную. Парень там все ходы и выходы знает.— Курсант потрепал по плечу смущенного Витьку.

— Что ж, пора.— Марков взглянул на светящийся циферблат часов.— Теперь у них самый сон.

Подкумок — в сухую погоду речка мелкая, ее преодолели легко. Когда подошли к комбинату, Марков сунул Витьке и Эдику по «лимонке».

— Чеку выдернуть не забудьте,— шепнул он.— И от меня ни шагу.

У ворот маячила фигура часового. Его можно было бы снять бесшумно, но Марков как раз хотел, чтобы шуму и грохоту было побольше.

— Круши их, ребята! — крикнул он и первым полоснул из автомата.

Взвод ворвался во двор комбината. Захваченные врасплох гитлеровцы выскакивали из помещений и падали под огнем курсантов. Ухали взрывы гранат, и вражеские машины вспыхивали, словно груды сушняка.

Подрывники тем временем закладывали толовые шашки под основные корпуса комбината.

Ребята, как и было приказано, держались рядом с лейтенантом. Витька на бегу подобрал немецкий автомат, но выстрелить из него не успел ни разу: Марков приказал отходить.

Взвод побежал к воротам. В глубине двора еще вспыхивали прерывистые огоньки выстрелов — это продолжали отстреливаться уцелевшие гитлеровцы.

А к комбинату уже неслись немецкие мотоциклисты.

Перешли вброд Подкумок, и тут оказалось, что Марков сильно хромает: его задело автоматной очередью.

— Кажется, в бедро угодило,— сказал он, кривясь от боли.— Сержант Евсеев, немедленно уводите всю группу.

— А вы, лейтенант? — откликнулся Евсеев.

— Повторяю: это приказ.— И Марков что-то добавил сержанту на ухо.

И тогда вмешался Витька:

— Тут близко пещера есть. Мы спрячем вас. Только решайте быстрее, товарищ лейтенант.

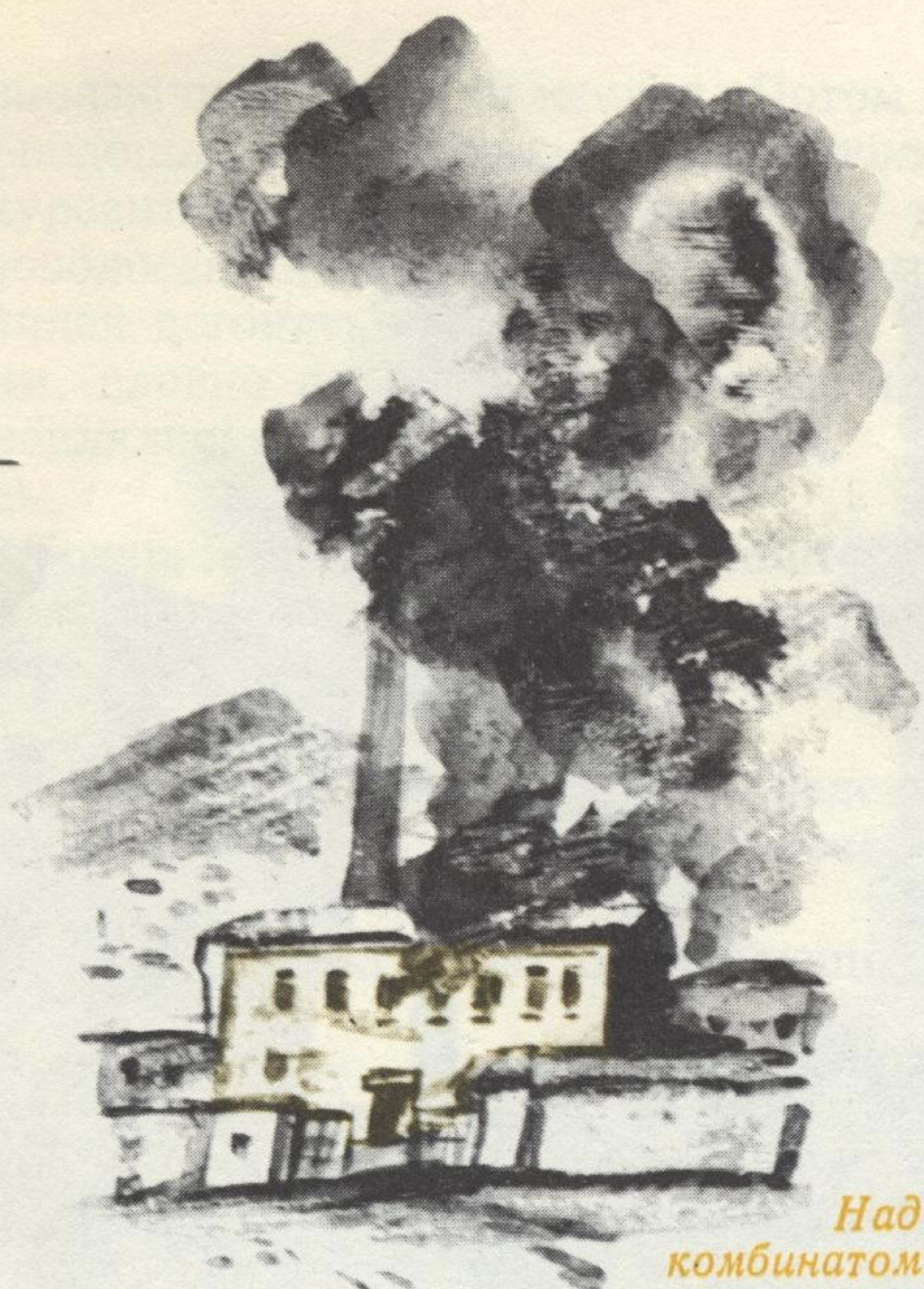
— Хорошо, попробуем, — сквозь стиснутые зубы ответил Марков.— Евсеев, выполняйте приказание...

И в это время грохнули взрывы. Над комбинатом занималось зарево пожара...

[1] Пятигорск — один из первых городов, где зародилось тимуровское движение.

Взвод лейтенанта Маркова ворвался во двор мясокомбината.

Над комбинатом занималось зарево пожара.

ИЗ КНИГИ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

«...Что станет с каким-то русским или чехом — это меня совершенно не интересует. Живут эти нации в благополучии или умирают от голода — это меня интересует только до тех пор, пока они нужны нам, нашей культуре как рабы. Если погибнут от истощения десять тысяч русских женщин, роющих противотанковые рвы, это меня будет интересовать лишь с одной точки зрения, готов ли этот ров».

Рейхсфюрер СС Гиммлер

Возвращение в город

В полдень, поднимаясь на чердак своего дома, Витька Дурнев соображал: что сказать Юре и Леве? С малых лет они живут бок о бок, и скрывать от них правду вроде бы нечестно. А с другой стороны, имеет ли он право доверить им **чужую** тайну?

В двери торчало гусиное перо.

— Кто-то уже здесь, — сказал Витька.

Он постучал в дверь чердака. Брякнула задвижка, и дверь, скрипнув, распахнулась.

— Витька! Легок на помине, — сказал Лева Акимов. — Кто это с тобой? А, Эдька... Ну, проходите.

За самодельным столом сидели еще двое — Юра Бондаревский и Мурат Темирбеков с Теплосерной. Через маленькое оконце, глядевшее на улицу Сакко и Ванцетти, на стол падал ребристый столбик света. На столе лежала карта, исчерченная стрелами. В углу чердака тикали старые ходики. Под ними тускло поблескивала груда пустых бутылок.

— Это мы собрали, — пояснил Витька, перехватив взгляд Эдика. — Для зажигательной смеси. Шестьсот штук сдали, а эти не успели.

— Где же вас носило? — спросил Юра.

— Пробовали пробиться к своим, — признался Витька.

— Очень по-товарищески. Оставил матери записочку, а нам ни слова.

— А вам-то кто мешал? — огрызнулся Витька.

— Не цапайтесь, — строго сказал Лева Акимов, приглаживая свои рыжие вихры. Несмотря на августовскую жару, он почему-то был в суконной гимнастерке с петличками ремесленного училища. — Давайте-ка лучше подумаем, как жить дальше.

— А что думать? — заговорил вдруг Мурат, не проронивший до сих пор ни звука. — По-моему, надо связаться с подпольщиками. Не может быть, чтобы наши не оставили в городе разведчиков. Вот найдем их и будем помогать.

— Повесим объявление, — улыбнулся Юра Бондаревский. — «Срочно разыскиваем подпольщиков. Обращаться по адресу: Теплосерная, 30, Темирбекову».

— Перестань зубоскалить, — осадил Бондаревского Лева. — Мурат прав: подпольщики остались. А кто же другой, по-вашему, взорвал мясокомбинат?

Он не заметил, как переглянулись Витька и Эдик.

— А кто дал немцам прикурить у Машука? — продолжал он. — Их же там добрую сотню положили[1]. Я к чему речь веду? К тому, что наш город сопротивлялся и будет сопротивляться. Ну, а мы? Прежде чем искать подпольщиков, мы должны заслужить их доверие.

— Делом заслужить, — сказал Витька.

— Правильно. Прежде всего надо раздобыть оружие.

— Один автомат у нас уже есть, — не утерпел Эдик. — Немецкий, между прочим, с рожком. Мы его в пещe...

Под колючим взглядом Витьки Эдик прикусил язык.

— Говори, чего же замолчал? Все секреты разводите, — обиделся Юра.

Но Лева остановил его:

— Ты дашь договорить?.. Я еще вот что хотел сказать: надо потихоньку, не в лоб, потолковать с другими ребятами. Кому мы верим.

— С Колотушкой, например. Всю жизнь в одном доме живем, — сказал Мурат. — С Васькой Лисичкиным.

---

[1] Ребята не могли знать, что на Машуке тоже действовали курсанты танкового училища. О подвиге курсантов рассказала «Комсомольская правда»: «Двадцатилетний комсомолец лейтенант Дубовик сумел задержать немцев у Пятигорска, куда прорвались вражеские танки с десантом автоматчиков. Лейтенант организовал летучий отряд из комсомольцев и занял рубеж на горе Машук. Под началом у лейтенанта было 14 человек».

А в первом номере журнала «Пионер» за 1943 год Самуил Яковлевич Маршак напечатал свою «Балладу о пятнадцати». Вот строки из нее:

Четырнадцать храбрых
Сражались с десантом —
Винтовкой, гранатой, штыком.
Пятнадцать их было
С лихим лейтенантом,
Шестнадцать — с горой Машуком.
Немецкие каски
Усеяли склоны,
Дороги у ног Машука,
Пока занимали рубеж обороны
Кавказские наши войска.

— Витьку Колотилина я знаю, — подтвердил Лева. — Он тоже в ремесленном учился. У него старший брат погиб, а двое — воюют. Парень надежный. Между прочим, хорошо рисует. Это может пригодиться. Для листовок, например. Нам бы еще приемник раздобыть.

— Стоп, — сказал Эдик. — Есть один парень, в нашем доме живет, — Юра Качерьянц. Мастер на все руки. Мы с ним, правда, не очень дружили.

— Почему?

— Он постарше нас, комсомолец. Я с ним потолкую.

— Договорились. — Лева припечатал ладонь к столу. — Где собираемся в следующий раз?

— Да хоть у меня, — предложил Юра.

— Ладно. Завтра у тебя, в пять. А теперь по одному на улицу. Надо посмотреть, что в городе.

* * *

Юра Бондаревский шел по родному городу и не узнавал его. На главной улице, Советской, стояли немецкие полевые кухни. Возле них толпились загорелые солдаты в коротких — выше колен — штанах и в рубашках с засученными рукавами. Они ели из плоских котелков, разглядывали прохожих, перебрасывались шутками.

В аллее парка, которая называлась Цветником, полуголые солдаты обливались из ведер минеральной водой — день был жаркий. Со всех магазинов были сбиты замки. На тротуарах сверкали осколки витрин. Кое-где мостовые были белыми, словно выпал неурочный снег. Этот «снег» поскрипывал под подошвой. «Сахарный песок», — догадался Юра.

И всюду — флаги, красные с белым кругом посредине полотнища, а в кругу — черная, режущая глаз свастика. И всюду, куда ни глянешь, приказы, приказы, приказы, на заборах, на стенах домов. За каждой строкой их стояла Смерть. Смертная казнь — за хранение огнестрельного оружия и военного имущества, за укрытие партизан, коммунистов, военнослужащих Красной Армии, за появление на улице после восьми часов вечера.

В Цветнике, в двухэтажном доме, на застекленной веранде уже было открыто кабаре. «Für Offiziere», — прочел Юра на вывеске. Из распахнутых настежь окон доносились патефонные вздохи певца-эмигранта:

Мадам, уже падают листья,
И осень в осеннем бреду,
Уже виноградные кисти
Желтеют в забытом саду...

На плечо Юры легла чья-то рука. Он обернулся и увидел высокого сероглазого парня лет семнадцати. Лицо его было Юре знакомо, но он не мог вспомнить, где видел этого человека.

— Как поживает Нина Елистратовна? — спросил парень.

— Н-ничего.

— Я учился у твоей матери. Меня зовут Спартак. Спартак Никитин... Ты что здесь делаешь?

— А ты?

— Да вот знакомлюсь с новым порядком.

— Ну и как?

Спартак неопределенно пожал плечами.

— Послушай, — сказал Юра. — А почему у них флаги красные?

— Они тоже величают себя социалистами.

Юра разинул рот.

— Они что же, строят социализм?

— Ага. На костях других народов, — понизив голос, ответил Спартак. — И партия Гитлера называется Национал-социалистская немецкая рабочая партия. Рабочая, заметь. Это чтобы народ околпачивать. И ведь околпачили, да еще как! — Он кивнул в сторону гогочущих полуголых солдат. — Ишь, как радуются, словно в сказку попали. Или во сне все это видят. Только вот... пробуждение для них будет тяжким.

Спартак замолчал. Серые глаза его сузились. А на скулах вспухли желваки.

— Слушай, Юра, — сказал он. — Ты скажи Нине Елистратовне: мол, Спартак Никитин хочет с ней кое о чем посоветоваться.

— Когда ты зайдешь? — спросил Юра.

— Сегодня вечером, можно?

— Хорошо. Я передам.

ПРИКАЗ ГИТЛЕРОВСКОГО КОМАНДОВАНИЯ — 002060

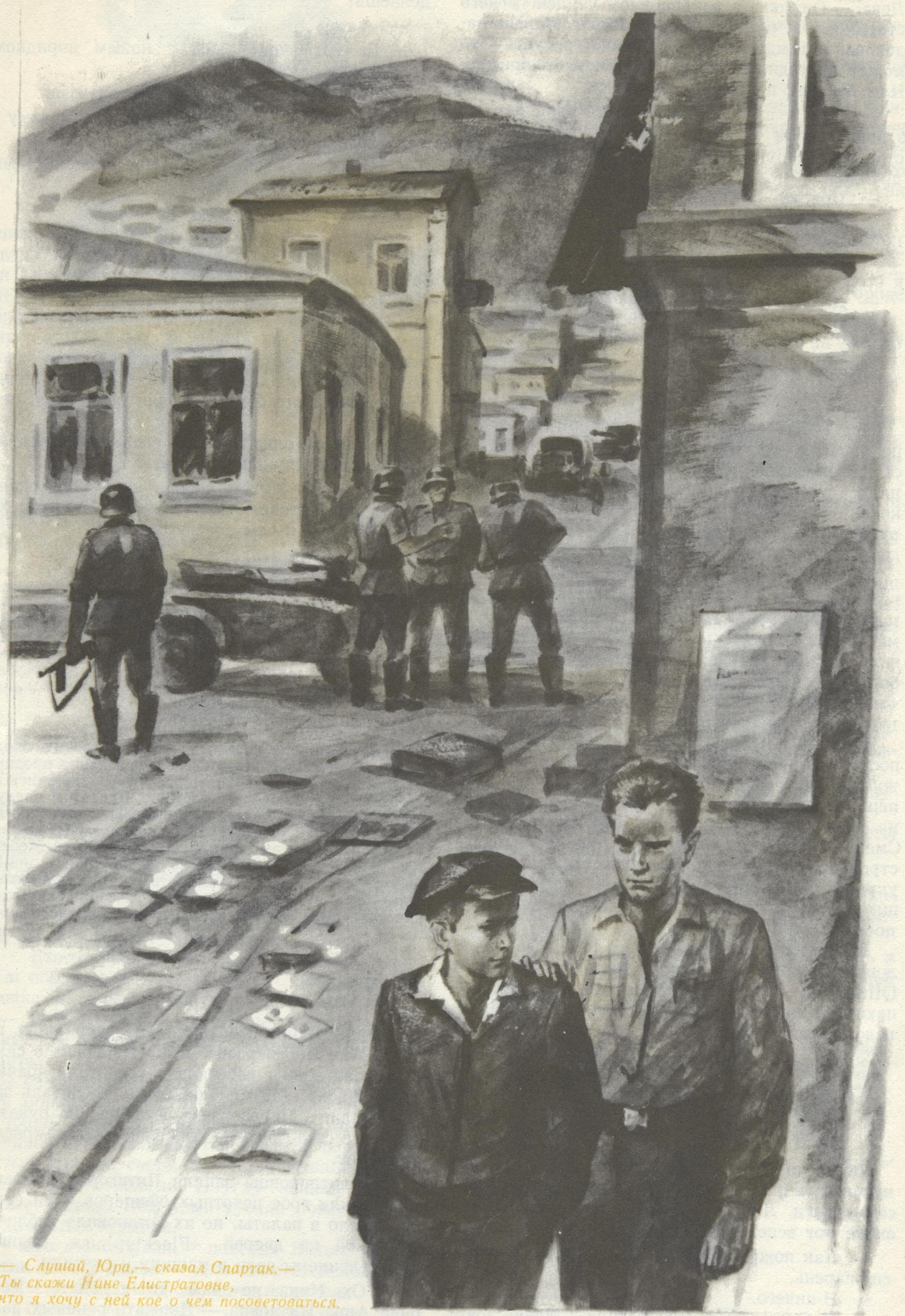
«Чтобы в корне подавить недовольство, необходимо по первому же поводу незамедлительно предпринимать наиболее жесткие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей... При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости. В качестве репрессии за жизнь одного немецкого солдата должна применяться смертная казнь пятидесяти — ста коммунистов. Способ казни должен усиливать степень устрашающего воздействия».

Встречи

У Нины Елистратовны сидела давнишняя подруга Аня Переверзева. Анна Ивановна с самого начала войны работала в госпитале врачом. Когда фронт стал приближаться, госпиталь эвакуировали, а Переверзева осталась: на руках у нее было два десятка тяжелобольных красноармейцев.

Едва гитлеровцы заняли Пятигорск, в госпиталь зашли трое пехотных офицеров. Они сунулись было в палаты, но их остановила табличка на одной из дверей «Flecktyphus» (сыпной тиф). Офицеры сели в машину и укатили.

— Ох, Нина, не знаю, что и делать, — говорила Анна Ивановна. — Держать раненых даль-

*— Слушай, Юра,— сказал Спартак.—
Ты скажи Нине Елистратовне,
что я хочу с ней кое о чем посоветоваться.*

ше опасно. Каждую минуту может нагрянуть гестапо. У меня все сердце изболелось. Где мне их спрятать?

— Переправить через линию фронта...

Анна Ивановна усмехнулась:

— А одежда? А документы?

— Одежду найдем. Я могу четверых одеть.— Нина Елистратовна кивнула на платяной шкаф.— Алеша-то мой в чем был ушел. И насчет документов тоже надо прикинуть. Ох, Аня, не думали мы с тобой, не гадали, что дождемся такой беды. Эти фашистские рожи я видеть не могу, с души воротит. Надо нам что-то делать.

— Надо,— согласилась Анна Ивановна.

— Для начала хочу встретиться с Никитиной. Ты ее знаешь?

— Жену Никитина, председателя краевой партизанской комиссии?

— Да. Думаю, у нее должны быть какие-то связи...

В коридоре послышались быстрые шаги. Нина Елистратовна умолкла. Дверь распахнулась, и вошел Юра.

— Здравствуйте, Анна Ивановна!

— Здравствуй, Юрик. Вон ты какой вымахал. А я помню, когда тебе от роду было...

— Лет пять?

— Нет,— засмеялась Анна Ивановна.— Когда тебе было две минуты... Ну, Ниночка, я пошла.

— Я провожу тебя...

Когда Нина Елистратовна вернулась, Юра ходил по комнате из угла в угол. Вид у него был озабоченный.

— Ты мне хочешь что-то сказать? — спросила Нина Елистратовна.

— Понимаешь, ма... Ну, одним словом, мы с ребятами хотели бы собраться. Завтра у Левы Акимова день рождения. Можно у нас?

Нина Елистратовна подошла к сыну.

— У Левы ведь день рождения в январе, а сейчас август. Зачем ты так? Если вам необходимо встретиться, я не возражаю. В котором часу они придут?

— В пять. А сегодня к тебе собирался Спартак Никитин.

— Никитин? — обрадованно переспросила Нина Елистратовна.

— А почему это так тебя взволновало?

— Знаешь, удивительное совпадение. Мы с Анной Ивановной только что говорили о его матери, Екатерине Александровне.

* * *

Спартак пришел около шести. Поздоровавшись, он сказал:

— Нина Елистратовна, мне нужно поговорить с вами наедине. Юра, ты извини...

— Ладно. Я пока схожу за Игорьком. Он у Вити Громыко? И Юра ушел.

В глубине души он был обижен: так бесцеремонно его выставили.

«Ну и пусть,— думал он.— У вас свои секреты, у нас — свои».

Витя Громыко жил по соседству. Еще в раннем детстве у него стало плохо с ногами, и он ходил на костылях. Говорили, что его болезнь неизлечима. Но Витя не унывал, и товарищи любили его за ровный и веселый нрав.

Юре он обрадовался:

— Ну, что нового в городе? В центре был? С ребятами виделся?

Юра выложил все по порядку. Не утаил он и разговора на чердаке, правда, об этом пришлось рассказывать на ухо, потому что рядом вертелся восьмилетний Игорек.

— Обидно,— сказал Витя, взглянув на свои костыли.

— Да брось ты, и тебе дело найдем. У тебя ведь хороший почерк.

— Все равно обидно... Слушай, а что это за пальба была, когда немцы вошли? Говорят, наши танки стреляли.

— Не танки, а бронированный трактор, на нем пулемет был. Его подбили и сожгли вместе с экипажем. Больше я ничего не слыхал...[1].

Когда Юра с Игорьком вернулись домой, Спартака уже не было.

— Садитесь, буду вас кормить,— сказала мать и, напевая, стала собирать на стол. Давно, с самого начала войны, Юра не видел ее такой веселой и улыбчивой.

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ 1943 ГОД.

«В Пятигорске на Машук-горе, в старых каменоломнях, открыто и опознано около трехсот трупов граждан русской национальности. Сюда немцы привозили из тюрем мужчин и женщин, иногда полуживых от ужасных пыток.

Главными организаторами и непосредственными участниками злодеяний в городе Пятигорске были: капитан Винц — начальник гестапо «СД-12», бывший работник германского посольства в СССР; оберлейтенант Фишер, заместитель начальника гестапо по следственной работе, и полковник Монц — начальник полевой жандармерии».

В пятигорском гестапо

Гауптштурмфюрер СС Генрих Винц считал, что родился под счастливой звездой. Во-первых, природа создала его чистокровным арий-

---

[1] Подробности этого боя стали известны лишь после освобождения Пятигорска. Утром десятого августа в центр города ворвался трактор «Комсомолец», закованный в броневые листы. Машина с десантом прошла по Советскому проспекту до самого вокзала, уничтожая растерявшихся гитлеровцев.

Командовал десантом Герман Алексеевич Пестов. Во время третьей вылазки на Базарной площади снаряд попал в шаровую установку. Трактор загорелся. Пестов был смертельно ранен, но сумел перебросить свои документы через забор. Их подобрали жители Пятигорска. Сейчас одна из улиц города носит имя лейтенанта Пестова.

цем. Рослым, белокурым и голубоглазым. Во-вторых, она наградила его отменным здоровьем — за свои тридцать восемь лет он ни разу серьезно не болел. И, наконец, господь бог дал Генриху Винцу все, чем должен обладать представитель «высшей» расы: собранность, целеустремленность, хладнокровие и трезвую расчетливость. И еще — тонкое чутье.

Генрих Винц какое-то время приглядывался к нацистам и, приглядевшись, раз и навсегда решил, что они единственная реальная сила, на которую стоит делать ставку. Он поставил и не проиграл. То же чутье подсказало Винцу, что место его — в разведке. Он закончил специальную школу (русский отдел) и был направлен на дипломатическую работу в Москву. Здесь Генрих Винц продолжал упорно штудировать русский. Язык этот не из легких — как говорит пословица, сам черт ногу сломит,— но Винц одолел его. Чутье не подвело и тут. Словно кто-то во сне подсказал ему, что скоро придет время, когда знатокам России цены не будет...

Гауптштурмфюрер Винц взглянул на часы: без двух минут девять. В приемной уже слышалось осторожное покашливание. Винц подошел к двери.

— Прошу, господа.

В кабинет вошли офицеры: штурмбанфюрер Пфайфер, унтерштурмфюрер Фишер и следователь СД[1] Бибуш. Все расселись за столом, покрытым зеленым сукном, и зашуршали бумагами.

— Попрошу доложить об обстановке,— заговорил Винц.— Начнем с вас, Фишер.

Фишер встал.

— Никаких контрдействий в городе за текущие сутки не зарегистрировано. Полиция расклеила необходимые указы. На днях начнет работу биржа труда. Из местных людей, пострадавших от Советов, создается городская полиция.

— Кого вы поставите во главе нее? — перебил Винц.

— Вопрос пока остается открытым. На этот счет имеются соображения у господина штурмбанфюрера.— Фишер кивнул в сторону Пфайфера.— Можно продолжать?

— Продолжайте.

— Военная комендатура приступила к работе. Вывешен приказ о сдаче оружия, трофеев, установлен комендантский час. Идет выявление коммунистов, советских работников и их семей. У меня все.

Фишер сел.

— Что у вас, Бибуш?

— Захвачено четверо русских, но они знают не больше нашего. Думаю, возиться с ними не имеет смысла.

Винц, закурив, сказал:

— Ну, что же, начало положено... Я хотел еще спросить о здании, в котором мы расположились.

— Это бывший центр коммунистической пропаганды, господин гауптштурмфюрер! Русские его называли Дом политического просвещения.

Винц поперхнулся табачным дымом и рассмеялся:

— Барабаны судьбы! А что, помещение удобное?

— Так точно. В этом же дворе есть еще одно здание, с выходом на противоположную улицу. В подвалах будет «профилакторий». А в доме рядом мы разместили команду СС.

Винц, казалось, остался доволен.

— Все свободны,— сказал он.— А вас, Пфайфер, я попрошу задержаться.

Оставшись наедине, они немного помолчали. Потом Винц спросил:

— Так вы полностью доверяете этому Колесникову?

Пфайфер пожал плечами:

— Он спас мне жизнь, хотя совсем не был убежден, что я выполню свои обещания. Он рисковал...

— Я разведчик, Роберт, — перебил его Винц. — Случай, можно сказать, из ряда вон выходящий. Командир батареи, с двумя захваченными в плен немцами бежит в Пятигорск. Хм... В Чека у них работают тоже не дураки.

— Откуда чекистам знать, что некий штурмбанфюрер Пфайфер по собственной глупости попадет в плен к русским?

— Вы правы, Роберт,— согласился Винц,— и все же. И все же, как говорят русские, береженого бог бережет. Мне хотелось бы побеседовать с ним. Я, знаете ли, немного психолог и физиономист.

— Он здесь. Позвать?

Через минуту Пфайфер вернулся с коренастым молодым человеком. Винц поднялся и протянул ему руку.

— Слышал о вас. Рад познакомиться.— Он жестом показал на стул и сел сам.— Можно задать вам несколько вопросов?

— Пожалуйста.— Синие слегка навыкате глаза Колесникова смотрели на Винца.

— Скажите, почему вы перешли на нашу сторону?

— Хотел выжить.

— Любой ценой?

— Как говорится, шкура не шуба — другой не сошьешь. Вы победили. Что ж, победителей не судят.

— Им служат, не так ли? — подсказал Винц.

— Я согласен служить.

Колесников смотрел на Винца открыто, даже немного нагловато, и это убедило гауптштурмфюрера, что Колесников не лжет. Ведь он говорит просто и ясно: да, я шкурник. Нуждаетесь во мне? Берите таким, каков я есть.

— Я оставляю вас при себе,— удовлетворенно сказал Винц, протягивая Колесникову пачку сигарет.— При оперативной команде «СД-12» создается русское гестапо — полиция безопасности. Вы возглавите третий отдел — оперативный.

---

[1] Schutzdienst — служба безопасности.

Когда Колесников вышел, Винц сказал Пфайферу:

— Этот далеко пойдет. Поверьте моему чутью... [1].

ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

«...В Железноводске — курорте, равного которому по медицинскому оборудованию и комфорту не было в Европе, немцы устроили мясокоптильни; в великолепных санаториях, отделанных драгоценным деревом и мрамором, они сложили печи и пять месяцев дымили салом и свиной копотью в разбитые окна дворцов, и в январе — при бегстве из Железноводска — взорвали все санатории и дома отдыха».

СООБЩЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ГАЗЕТЫ
«ПЯТИГОРСКОЕ ЭХО».

«Сейчас в городе работают два театра — театр оперетты и бывший Ленинградский театр драмы под руководством Радлова. Зрители могут смотреть «Сильву» и «Жрицу огня», «Без вины виноватые» и «Гамлета».

«Как культурно ведут себя на спектакле немецкие офицеры и солдаты. А ведь они не знают языка».

«День рождения» и первые листовки

Пластинка была заигранной и поэтому все время «буксовала» на одном и том же месте.

— Люба-Любушка, Любушка-голубушка,
Я тебя не в силах позабыть,
Люба-Любушка, Любушка-голубушка...

Ребята, девять человек, сидели за столом и молча пили чай. Кроме тех, кто был вчера на чердаке, пришли еще соседи Мурата: Вася Лисичкин и Витя Колотилин, Юра Качерьянц и Витя Громыко.

Дверь открылась, и в комнату вошла Нина Елистратовна.

— Не помешаю вам, ребята? Вижу, день рождения у вас не получился. Юра, сними пластинку. Давайте поговорим.

Нина Елистратовна села за стол и обвела взглядом ребят. Она знала их едва ли не с пеленок. Лева Акимов — огненно-рыжий, со щедрой россыпью веснушек на лице. Он сдержан и чуточку угрюм. На первый взгляд тугодум, но это не так, просто привык взвешивать каждое свое слово и никогда не спешит с выводами.

Витя Дурнев — горяч, задирист, говорлив, любит атаманствовать, но ребята, к его великому огорчению, предпочитают слушаться Леву. Один Левин жест значит для них куда больше, чем все пылкие Витины речи.

[1] На этот раз пресловутое чутье подвело Винца. Скользкая дорожка, по которой пошел предатель и палач Колесников, в конце концов привела его на скамью подсудимых. Долгие годы и под разными личинами скрывался он от возмездия, и все-таки оно настигло его. В 1967 году он был арестован, и суд военного трибунала Северо-Кавказского военного округа приговорил Колесникова к расстрелу.

Вокруг листовки толпились люди.

Эдик Попов. Решителен и смел до отчаянности. Способный, но лодырь в классе и организатор всяких похождений, вплоть до набегов на чужие сады и огороды.

Юра, ее сын. Вот он сидит перед нею — белобрысый, глазастый, книжник, физически самый слабый из всех своих друзей. Однако это никогда не мешало ему участвовать в рукопашных схватках, когда пятигорские мальчишки удальства ради сходились «улица на улицу».

— Я знаю вас всех, мальчики,— начала Нина Елистратовна. Все вы комсомольцы и пионеры, отцы ваши воюют. Вы тоже помогали Красной Армии, как умели. Но теперь в нашем городе враг, и каждый из вас может многое сделать для своего города.

Нина Елистратовна говорила спокойно, и ее уверенность передавалась ребятам.

Для начала было решено: достать одежду раненым и вывести их поодиночке из города. Написать и распространить первые листовки. Добывать оружие, где только можно,— пригодится для партизан. Срывать со стен приказы и газетенки оккупантов.

— Помните только одно,— тихо сказала Нина Елистратовна,— враг умен и хитер. Нужна осторожность и еще раз осторожность. Погибнуть легче, чем выжить и помочь своему народу. Без совета со мной ничего не предпринимать. И еще: мы собираемся в первый и последний раз. Избегайте встреч и разговоров на улице. Кто с кем и когда должен встретиться, узнаете у Юры или Левы Акимова. Хорошо бы нам подыскать еще одну квартиру...

Мурат Темирбеков, как в классе, поднял руку:

— Нина Елистратовна, есть у меня хороший знакомый. Володя Рыжков. Живет совсем один, на Октябрьской.

— Почему один?

— Помните только одно,— сказала Нина Елистратовна,— враг умен и хитер. Нужна осторожность.

— Он жил вместе со старшей сестрой, она с семьей эвакуировалась, а Володя не захотел уезжать. Мы тогда с ним вместе окопы рыли. Ну он и говорит мне: «Чего мы драпать будем? Нам и здесь дело найдется. Может, еще немцев не пустят в Пятигорск». Парень он что надо. Веселый такой — недаром его Артистом прозвали.

— Я его тоже знаю,— подал голос Качерьянц, смуглый молчаливый юноша лет семнадцати.— Он на моторемонтном работал.

Нина Елистратовна повернулась к нему:

— Слушайте, Юра. Мне сын говорил, что вы можете собрать приемник.

— Могу.— Качерьянц улыбнулся, тряхнув смоляным чубом.— Дня за три сделаю. Куда принести?

— Об этом вам скажет Эдик... А теперь, ребята, приступим к делу.— Нина Елистратовна принесла стопку чистых ученических тетрадок, копирки и карандаши.— Пишите крупно, без ошибок и обязательно печатными буквами.

* * *

У базарного навеса, где торговали всякой всячиной, толпился народ. На фанерном щите, поверх приказа городского управления полиции, были наклеены две тетрадные странички. На одной из них было написано:

«Дорогие товарищи!

Не верьте фашистским гадам! Немцы получают здоровые оплеухи от Красной Армии. Пятигорск скоро снова станет советским. Вражеская пропаганда лжет. Победа будет за нами!»

На другой красовалась внушительная фига под носом у Гитлера, а ниже шли стихи:

Рады фрицы, Гитлер рад —
Дорвалися до Кавказа.
Но не взять вам Сталинград,
Там вы сгинете, заразы!

Вокруг листовки толпились люди.

— А ну, р-разойдись! — раздался вдруг зычный голос, и сквозь толпу протиснулся мордастый парень. На нем был австрийский френч, на круглой бритой голове чудом сидела маленькая пилотка с орлом, державшим в лапах свастику.

Люди стали расходиться, тихонько переговариваясь:

— Кто этот бритый?

— Волубуев, из Железноводска.

— Говорят, он вчера собственноручно шестерых наших пленных расстрелял. У Машука, где Лермонтов убит.

— И не боится, скотина. Ишь, орла нацепил. И пилотку-то, наверно, с мертвого снял.

— Ты потише, язык-то не распускай. Не ровен час...

— Наплевать. А Гитлер-то как вылитый — и фига под носом. Накося выкуси...

Эти разговоры слышал Эдик Попов, и на сердце у него было радостно. В разных концах города люди читают листовки и разглядывают карикатуру. Нарисовал ее Витька Колотилин, а стихи сочиняли все вместе.

Эдик пересек базарную площадь и вошел в часовую мастерскую, где учеником работал Качерьянц. Но Юры на месте не оказалось.

— Пошел чего-нибудь из еды добыть,— сказал мастер, хмурый старичок с вислыми запорожскими усами.

Качерьянца Эдик нашел у одной из бесчисленных лоточниц, торговавших капустными пирогами, ватрушками, коржиками и прочей снедью. В ходу уже были оккупационные марки, но и советские деньги еще принимались: десять рублей за марку. Юра торговался с рыхлой бабой в засаленном сарафане.

— Повыползали, живоглоты,— сказал он подошедшему Эдику.— Как мокрицы в сырость. А ты с чем пожаловал?

— Нина Елистратовна велела спросить...

— Помню. Вечером зайдешь ко мне. Я кончаю в шесть.

— Неужто сделал?

— Да вроде работает. А куда мы его?

— К Артисту. С ним уже говорили. Он, знаешь, как обрадовался,— один-то и у каши загинешь, а все вместе мы — сила. Ну, мне пора.

Эдик в самом деле спешил. Ему нужно было забежать в госпиталь и передать главврачу Переверзевой узел с одеждой. Кроме того, Нина Елистратовна разрешила рассказать Анне Ивановне о лейтенанте Маркове. Правая нога у лейтенанта сильно распухла, и дело могло обернуться заражением крови.

ИЗ КНИГИ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

«Если население неполноценно с точки зрения расы и свойств человека, то все лица, заподозренные в помощи красным, должны быть расстреляны, скот и продукты конфискованы, деревни сожжены дотла».

Рейхсфюрер СС Гиммлер

В пещере у Маркова

На улицах Пятигорска появились люди с нашитой на груди желтой шестиконечной звездой. Это были евреи. Им запрещалось посещать магазины, появляться в общественных местах и выезжать из города.

Анна Ивановна и Эдик шли по притихшему Пятигорску к Подкумку. На окраинной улочке их остановил патруль — двое солдат, одетых в обычную общевойсковую форму. Но на рукавах у них были нашиты коричневые ленты с буквами «FP», а на груди на металлических цепочках висели бляхи в виде полумесяца с личными номерами. «FP» — означало «Feldpolizei», полевая полиция.

— Ausweis? [1] — протянул руку один из жандармов.

Анна Ивановна подала ему свой паспорт. Солдат внимательно посмотрел на фотографию, потом ткнул пальцем в Эдика.

[1] Удостоверение?

— Не бойся,— сказал лейтенант Марков.— Это свой.

— Und deiser Kerl? [1].

— Er ist mein Sohn.— Анна Ивановна, подыскивала в памяти немецкие слова.— Wir gehen zu meiner Schwester. Sie wohnt im Dorf. Sie ist krank [2].

Жандарм молча заглянул к ней в сумку, но, кроме полотенца и каких-то таблеток, ничего интересного не увидел.

Патруль ушел.

— Ф-фу,— перевела дух Анна Ивановна.— Как я испугалась. Боялась, тебя обыскивать станут.

— Не дотумкали. А то бы крышка...

За голенищем сапога у Эдика был спрятан сверток с бинтами, хирургическими щипцами и скальпелем.

Полчаса спустя они уже пробирались по старой тропке сквозь заросли желтой акации и орешника.

— На границе тучи ходят хмуро.

Край суровый тишиной объят,— запел вдруг Эдик.

— Ты что, с ума сошел? — дернула его за рукав Анна Ивановна.

— Это сигнал... Вы меня у входа подождите...

У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят!

Узкая расщелина, ведущая в пещеру, была почти незаметна. Эдик бесшумно проскользнул в нее и оторопел: Марков был не один. Рядом с ним на расстеленной плащ-палатке сидел какой-то человек. При тусклом свете коптилки Эдик не смог его рассмотреть.

— Не бойся,— сказал Марков.— Это свой. Вы ведь знакомы?

— Немного.— Только сейчас Эдик узнал Спартака, лучшего спортсмена с моторемонтного завода. В прошлом году Спартак приходил к ним в школу на вечер дружбы.— Ты как сюда попал?

— Так же, как и ты.

— Тебе пароль Нина Елистратовна сказала?

Эдик был обескуражен. Тайна, которую они с Витькой не доверили даже самым близким друзьям, стала известна постороннему человеку. А может, не постороннему? Не станет же Нина Елистратовна посылать к лейтенанту кого попало. Немного успокоившись, Эдик сказал:

— Я привел врача.

Марков не удивился: видимо, его уже предупредил Спартак.

— Вот и славно,— сказал он.— Только здесь темновато. Помогите-ка мне лучше выбраться наружу.

При дневном свете кожа на лице лейтенанта казалась голубой. Щеки ввалились и поросли густой русой щетиной.

— А я почему-то представлял вас старой дамой и в очках,— сказал Марков, здороваясь с Анной Ивановной.— Ей-богу.

Маркова уложили на плащ-палатку. Эдик достал сверток с инструментами, и Анна Ивановна стала протирать их спиртом.

— Вы пока погуляйте,—сказала ребятам Анна Ивановна.

Они спустились вниз по тропинке и сели на поваленное дерево. Стояла такая тишина, что было слышно, как падают первые осенние листья.

— Будто и войны нет,— задумчиво сказал Спартак.

Сверху до них донесся негромкий голос Анны Ивановны:

— Рана запущенная, но ничего... Так, выходного отверстия нет. Это хуже. Придется потерпеть. Анестезию я вам сделать не могу — нечем.

— Я потерплю,— сказал Марков.— Видно, на излёте угодила.

— Потерпите, голубчик. Вот так... Ага, вот она, в мякоти засела. Сейчас, сейчас мы ее... Нате, держите на память.

— Спасибо, доктор.

— Не за что, лейтенант. Сегодня ночью ждите пополнение. А я к вам еще наведаюсь.

Когда ребята вернулись к пещере, Марков уже сидел с забинтованной ногой и болезненно улыбался.

— Мне надо идти,— сказала Анна Ивановна Эдику.— Ты не провожай.

— Я Нине Елистратовне обещал доставить вас туда и обратно. До свидания, товарищ лейтенант.

— Спасибо, Эдик. Не знаю, как и благодарить вас. Из-за меня ведь рискуете.

— Ничего, перезимуем, — отмахнулся Эдик.— Пока.

— Погоди.— Спартак полез за пазуху и достал толстый пакет.— Это листовки. Обращение крайкома партии.

---

[1] А этот парень?
[2] Это мой сын. Мы идем к моей сестре. Она живет в деревне. Она больна.

— Откуда?!

— Наши с самолета сбросили. Бери. Расклейте в людных местах, только осторожно. И без лихачества. А то прошлый раз, знаете что они учудили? — Спартак повернулся к Маркову. — На дверях немецкой казармы свои самоделки расклеили. Спрашивается, зачем?

Марков, нахмурившись, покачал головой.

— Ребячество, — сказал он. — Эдик, передай Нине Елистратовне, чтобы она строжайше запретила подобные выходки. Это не смелость, а глупость. Понял?

— Понял, — буркнул Эдик, радуясь, что в пещере полутемно и не видно, как краска заливает ему лицо. Листовку на дверь казармы приклеил он...

Когда Анна Ивановна с Эдиком ушли, Марков сказал:

— Ну что ж, продолжим разговор. Кто эта Полина?

— Жена парторга колхоза имени Тельмана, Лисоволова ее фамилия. Папа до войны был хорошо знаком с ее мужем. Да и мама говорит, что Полина Федоровна — наш человек.

— Значит, партизаны к ней заглядывают?

— Бывает. Они хотят наладить связь с городским подпольем.

— Каким образом?

— Пришлют в Пятигорск своих людей. Полина Федоровна предлагает временно поселить их у своих родственников Корабельниковых. Митя Корабельников дружит с нашими ребятами.

— Ты поговори с ним, Спартак. Остальных ребят не посвящай. Если связники придут, пусть знает о них один Митя. А дальше — поглядим. Возможно, с ними придется встретиться Нине Елистратовне или твоей матери. Кланяйся им обеим. — Марков протянул Спартаку руку и крепко пожал ее. — Ну, а теперь ступай.

ИЗ БЕСЕДЫ П. И. ДЕНЬГУБОВА С УЧАСТНИКОМ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДМИТРИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ КОРАБЕЛЬНИКОВЫМ.

«В 1942 году мне было 14 лет. Мать умерла, отец ушел на фронт, и жил я с бабушкой. Друзьями моими были: Дурнев Виктор (мы звали его «Шагораш»), Виктор Колотилин, Вася Лисичкин («Лиса»), Бондаревский Юра, Попов Эдик — учились в 17-й школе, где сейчас Дом пионеров. Да, и еще парень по кличке Артист. Все они были ребята боевые, как говорится, сорвиголовы. Особо дружил я с Бондаревским, Дурневым и Лисичкиным.

После ухода наших войск в доме моей двоюродной сестры Полины, проживавшей тогда на хуторе имени Тельмана в восемнадцати километрах от Пятигорска, появился знакомый участковый уполномоченный. Он когда-то работал вместе с дядей Ваней, мужем Полины, а теперь был в партизанах.

В середине августа я приехал к ней на велосипеде за продуктами. Полина познакомила меня с двумя мужчинами. Фамилий их она не знала, одного звали Федором, а другого Анатолием. «Их надо переправить в город, — сказала Полина, — забери их с собой, пусть они некоторое время поживут у бабушки».

Пошли мы с ними глухой дорогой, через мясокомбинат, мимо соленых озер. Я сказал бабушке, что этих двух товарищей просила приютить тетя Поля, последнюю она очень уважала».

В городе

— Эх, ложка узка — берет два куска, развести б пошире, чтоб брала четыре, — проговорил Анатолий, вылезая из-за стола. — Спасибо, Агафья Никитична. Давненько я так не едал. Вот если б еще закурить, то и помирать не страшно.

— А чего помирать, — откликнулась старуха. — Сейчас пошарю.

Она сходила в горницу и принесла пачку «Беломора».

— Вот, от Митиного отца еще остались. Кури, милый, хоть мужиком в доме запахнет, а то дух-то стал вовсе нежилой. И все эта война проклятущая. Ты сам-то откуда?

В разговоре она обращалась к одному Анатолию, а перед Федором, видимо, робела: он был не по годам серьезен и неразговорчив.

— Да мы, бабуся, здешние, из Ставрополья.

— Я не про то, — сказала старуха. — Идешь-то откуда?

— Из окружения.

— На окруженца ты не больно похож. Ишь, одежка-то на тебе будто из магазина. Ну, да дело не мое.

— Правильно, бабуся: меньше знаешь, крепче спишь.

— Я вам в горнице постелила, — сказала Агафья Никитична.

— Это нам в самый раз: подушка под ушко — и прощай заботы...

Митя спал как убитый. Разбудил его Анатолий. Лицо у него было свежее и румяное, в белокурых волосах блестели капельки воды.

— По-одъем, — сказал он и, приставив к губам ладони, «сыграл» побудку.

— Дядя Федя где? — спросил Митя.

— Федор наш — ранняя пташка, его уж и след простыл.

— Куда он пошел? Он же не знает города.

— Авось не заблудится, — уклончиво ответил Анатолий.

Наскоро перекусив, Митя и Анатолий тоже отправились в город. Шли не торопясь. Анатолий с безразличным видом поглядывал по сторонам и чуть щурился, когда ему на глаза попадались вывески немецких учреждений. Мимо дома 19 по Университетской они прошли несколько раз. В этом здании разместилась городская полиция.

— Слушай, — вдруг сказал Анатолий, — у тебя есть друзья?

— Конечно.

— А такие? — Анатолий показал большой палец. — Я имею в виду — настоящие.

— Есть и такие. — Митя сразу подумал о Бондаревском и Дурневе, но, помня наказ Спартака не называть никаких имен, промолчал.

— Мне не нужно знать, кто они, — словно угадав Митины мысли, продолжал Анатолий, — ты им только передай, что они могут здорово помочь...

— А чем?

— Да как тебе сказать. Видишь, сколько везде легковушек. И все без охраны. Немцы пока еще ведут себя беспечно: в машинах — оружие и, главное, документы, на бортах грузовиков и бронетранспортеров эмблемы всякие и номера. Что, скажем, означает белый круг, перечеркнутый желтым крестом? Или эти скрещенные шпаги? Или бурый медведь, или слон? Для нас с тобой — темный лес, а для людей знающих — наименования воинских частей и подразделений. Это, брат, сведения о передвижениях вражеских войск, и сведения очень важные, я бы сказал, стратегического порядка. Понял?

— Чего ж тут не понять, — отозвался Митя.

— Только ты учти: действовать в одиночку нельзя. В крайнем случае вдвоем, с подстраховкой, и лучше выбирать раннее утро или сумерки. Теперь темнеть начинает еще до комендантского часа. Ну, а если... — Анатолий замялся, — если кто, не дай бог, попадется, то должен стоять на одном: дескать, хотел украсть что-нибудь из еды, голод-то не тетка, пирожка не подаст. И в слезы: больше, дяденька, не буду, нужда заставила.

С Ниной Елистратовной Спартак встретился в условленном месте — в кинотеатре «Глория». Шел германский фильм «Ева». Сюжет его был слащав до тошноты: молодой фабрикант как рабочий трудится на собственном предприятии и влюбляется в красивую девушку из бедной семьи. Любовь, естественно, кончается счастливым браком.

Спартак и Нина Елистратовна смотрели на экран, но слушали только друг друга.

— Я принес чистые бланки документов. Держите, — прошептал Спартак.

— Ты молодец. У меня камень с души свалился: теперь начнем переправлять людей к Маркову...

— Пришли связные из отряда, живут у Мити Корабельникова.

— Боюсь провокации...

— По маминым сведениям, исключено. Но на всякий случай она сначала встретится с ними сама.

— Ладно. Теперь вот что: листовки, которые ты передал, сегодня же пустим в дело. И второе: начала работать биржа. Завтра идем туда и по-

Спартак и Нина Елистратовна смотрели на экран, но слушали только друг друга.

ступаем на моторемонтный. Не спорь. Так надо. Там мы найдем нужных людей. На бирже ко мне не подходи. На заводе тоже: мы с тобой незнакомы.

— Ясно. А что с приемником?

— Приемник уже у Артиста.

Они договорились о следующей встрече и разошлись.

ОБРАЩЕНИЕ КРАЙКОМА ВКП(б) К НАСЕЛЕНИЮ СТАВРОПОЛЯ, ТЕРЕКА И КУБАНИ

«Дорогие братья и сестры ставропольцы, терцы и кубанцы!

Вы временно подпали под иго чужеземных захватчиков. Русский человек всегда любил свободу и независимость, и теперь он не потерпит порабощения. Каждый метр нашей родной земли усеян трупами немецких солдат и офицеров. Поганая кровь коричневых зверей потоками течет теперь в предгорьях Кавказа и у стен Сталинграда.

Славные партизаны нашего края, помогая Красной Армии, нещадно уничтожают фашистскую нечисть. Впереди решающие бои. В успехе этих боев исключительная роль принадлежит вам, советским патриотам, находящимся во временно захваченных немцами районах. Каждый из вас может оказать громадную помощь Красной Армии и славным партизанам в их священной освободительной борьбе!

Для этого необходимо:

Наносить решительные удары по коммуникациям врага, пускать под откос поезда с войсками и военными грузами, уничтожать автотранспорт, обозы.

Вражеские войска и танки, когда они находятся в эшелонах, бессильны и могут быть уничтожены небольшой группой советских патриотов.

Связь телеграфная, телефонная и радио играют большую роль в боевых операциях. Чтобы подорвать силы вражеской армии, лишить ее возможности быстро действовать, ослабить ее боеспособность, необходимо:

разрушать связь, уничтожать все средства связи противника.

Каждый советский патриот в тылу врага может и должен быть активным бойцом великой освободительной борьбы народа против фашистских поработителей. Смерть немецким оккупантам!

Август 1942

Секретарь
Орджоникидзевского крайкома
ВКП(б) М. Суслов».

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Сергей МИХАЛКОВ

КОМСОМОЛ

ПЕСНЯ

Обойди все страны света,
Все равно к тому придешь,
Что у нас, в Стране Советов,
Всех дружнее молодежь!

— Кто пример дает в работе?
— Комсомол, Комсомол!
— Кто в пехоте и на флоте?
— Комсомол, Комсомол!
На заводах, в шахтах, в поле,
И в мужской и в женской школе,
В городах и на селе,
В облаках и на земле —
Комсомол!

Обгоняя даже время
И во всем стремясь вперед,
Молодое наше племя
На глазах у всех растет.

Постигая все науки,
Мы не любим унывать,
Нам на то и книги в руки,
Чтобы счастье добывать!

Мы к труду имеем волю;
И недаром говорят:
Для того, кто в Комсомоле,
Право слово, нет преград!

— Кто пример дает в работе?
Комсомол, Комсомол!
— Кто в пехоте и на флоте?
— Комсомол, Комсомол!
На заводах, в шахтах, в поле,
И в мужской и в женской школе,
В городах и на селе,
В облаках и на земле —
Комсомол!

1949 г.

Вперед, тимуровцы!

Шумят на ветру своей кроной высокие сосны под Леплявой у железнодорожной насыпи, где стоит будка путевого обходчика. Шумят, как тридцать семь лет назад, в тот памятный осенний день 26 октября. Тогда они были помоложе, но так же, как и сегодня, тянутся ветви к солнцу... О чем шумят сосны? О чем их тихий, неторопливый разговор с ветром и птицами? Может быть, о том, как у моста через Днепр, на переправе, грохотали зенитки и падали в воды Днепра тяжелые бомбы? Может быть, о том, как строчил ручной пулемет в жарком бою у лесопильного завода по наступавшему врагу, или о тихой партизанской песне у догорающего костра в лесу под Леплявой? Сосны... Они выросли, эти молчаливые свидетели того, как ранним утром 26 октября 1941 года беспокойную и тревожную тишину разорвала пулеметная очередь и пуля попала в сердце Гайдара, успевшего предупредить товарищей: «Ребята, немцы!»

Прислушайся к бесконечному сосновому шуму, и ты услышишь песню без слов — песню о мужестве и геройстве, о храбрости и отваге. Ты услышишь песню о Гайдаре.

И захочется тебе снова взять в руки его книги и страницу за страницей перечитать повести и рассказы, вместе с героями пройти трудную, суровую школу жизни и еще крепче полюбить и всегда верно беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной. За эту страну сражался Гайдар на лихом коне с шашкой в руках, пером писателя, автоматом бойца Действующей армии. Сражался и погиб, как солдат.

А подвиг солдата вечен. Его слава бессмертна.

В канун героического подвига Гайдара, 26 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА, перед его 75-летием со дня рождения, которое мы будем отмечать 22 ЯНВАРЯ 1979 ГОДА.

Всесоюзный Штаб Тимура

тебе, всем тимуровцам страны, всем отрядам и командам

дает задание:

1. Провести в эти памятные и знаменательные дни торжественные линейки и сборы, литературные вечера, встречи с писателями, ветеранами гражданской и Великой Отечественной войн, с тимуровцами военного времени, разучить песни и стихи о Гайдаре и тимуровцах. У памятников и мемориальных досок писателю-патриоту выставить почетный караул.

2. Повсеместно провести очередные тимуровские акции, трудовые десанты, вручить вашим старшим друзьям памятные сувениры.

3. Провести среди ребят викторины по книгам Гайдара, конкурсы на лучший рисунок по его произведениям, сочинение на тему «Чему я учусь у Гайдара и героев его книг».

О ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАНИЯ ДОЛОЖИТЬ 10 НОЯБРЯ 1978 ГОДА И 1 ФЕВРАЛЯ 1979 ГОДА.

Всесоюзный
Штаб
Тимура
сообщает:

В связи с подготовкой к 75-летию со дня рождения Аркадия Петровича Гайдара и началом подготовки к очередному Всесоюзному слету тимуровцев, конкретные сроки проведения которого будут определены Центральным Комитетом комсомола и Центральным Советом Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, при журнале «Пионер» создана рабочая группа, куда вошли члены Штаба Тимура и редколлегия журнала. Она приступила к работе, участвовала в традиционных гайдаровских чтениях в г. Каневе Украинской ССР.

Всесоюзный
Штаб
Тимура
предлагает:

Всем тимуровцам и всем тимуровским командам активно начать подготовку ко II Всесоюзному слету тимуровцев, бороться за право быть участником слета, предложить и провести новые тимуровские акции и операции, встретиться с делегатами I Всесоюзного слета тимуровцев в «Артеке» в сентябре — октябре 1973 года, узнать, как они выполнили полученные наказы. Постоянно докладывать Всесоюзному Штабу Тимура о ходе подготовки к очередному слету.

Всесоюзный
Штаб
Тимура
советуется:

ГДЕ проводить II Всесоюзный слет тимуровцев — в Каневе и Лепляве, где сражался и погиб Гайдар,— или в другом месте — Всесоюзном пионерском лагере «Артек», Всероссийском лагере «Орленок», в Арзамасе, где проходила юность писателя? Каково ваше мнение, тимуровцы?

КОГО и КАК избирать делегатом слета, за КАКИЕ дела?

КАКИЕ вопросы тимуровской работы в наши дни обсудить на слете, КАКИЕ предложить новые начинания тимуровцев всей страны?

С КАКИМИ почетными гостями слета — писателями, ветеранами ратного подвига, тимуровцами разных лет—хотели бы вы встретиться на слете?

КАКОЙ вы видите всю программу слета, что интересного, по-настоящему гайдаровского, вы предложили бы для слета и его участников?

В очередных номерах «Пионера» будут публиковаться материалы навстречу II Всесоюзному слету.

Всесоюзный Штаб Тимура ЖДЕТ ваших писем с предложениями, пожеланиями, донесениями по адресу: 101459, ГСП-4, МОСКВА, А-15, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, 14, 11-й ЭТАЖ, ТЕЛЕФОН — 251-10-88.

На конверте не забудьте написать слова: «Салют Гайдару!»

Всесоюзный Штаб Тимура

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Н. ГАРЦУНЕНКО,
инженер

НАШЕ ИМЯ — КИЕВСКИЕ ТИМУРОВЦЫ

Рисунки В. ДУДКИНА

На второй день войны на вокзале я увидел три товарных вагона, в них прямо на полу на соломе лежали раненые красноармейцы. Помню, меня поразила эта картина.

До меня не сразу дошло, что эти бойцы ранены всего несколько часов назад, вывезены прямо с поля боя и что время теплых, чистых постелей ушло в далекое «до войны» вместе с нашим беззаботным детством.

Вечером и ночью тяжелые взрывы сотрясали все вокруг. Рушились дома, на улицах горели деревья и падали люди.

Так началась для меня война.

Мальчишки нашего и соседних двух домов, собравшись вместе, стали думать: чем мы можем помочь взрослым?

Кто-то предложил рыть окопы. Тяжело? Ничего. Женщинам и старикам не легче. Не берут ребят младше шестнадцати? Ерунда. Кто станет сейчас спрашивать у нас документы? Так мы оказались на строительстве оборонительных рубежей на южной окраине Киева, недалеко от Голосеевского леса, где потом шли долгие кровопролитные бои.

Рвы рыли глубокие. Устанавливали в них тяжелые сосновые стволы. Спали в шалашах из веток или просто под кустами. Вражеские самолеты-разведчики обстреливали нас из пулеметов, сбрасывали мелкие бомбы, листовки.

Спустя несколько дней мне удалось съездить домой. У входа в детский кинотеатр «Смена» я увидел объявление: «Ребята! При кинотеатре «Смена» организовывается тимуровская команда. Запись у директора кинотеатра».

Вот это здорово! Вот то, что нам надо! Что такое тимуровская команда, мы знали прекрасно. Читали повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда» в «Пионерской правде». С упоением по нескольку раз смотрели фильм. Я бегом бросился в кинотеатр.

Директора кинотеатра Марию Теофиловну Боярскую мы все хорошо знали и любили. Она участвовала в наших играх, вместе с ней мы пели перед началом сеанса. В детский кинотеатр ее направил горком партии.

Я ворвался в ее кабинет и громко выпалил:

— Я тоже хочу.

— Чего хочешь? — спокойно спросила Мария Теофиловна.

— В команду!

Она обняла меня ласково за плечи и сказала:

— Приходи завтра в девять.

Я успокоился, осмотрелся и увидел... На Марии Теофиловне была военная гимнастерка, а в углу кабинета стояла железная койка, безукоризненно заправленная серым байковым одеялом. Значит, ночью она оставалась здесь дежурить. Война...

На следующий день мы собрались ровно

в девять. Сто пятьдесят—двести ребят. Мария Теофиловна говорила с нами о войне, о Красной Армии, о том, что мы можем помочь красноармейцам, заботясь об их семьях. Тут же мы создали тимуровскую команду. Меня выбрали звеньевым. Я стал и членом штаба, в который вошли все звеньевые и еще Володя Остроменский, Люба Петленко, Лиля Альп. А потом меня выбрали еще и Тимуром. Я был неимоверно рад. Но боялся, что не справлюсь, — все же это была в моей жизни первая большая самостоятельная работа.

Мария Теофиловна, видя мое замешательство, обняла меня и сказала: «Ничего, Норик, разберемся». Это «разберемся» меня немного успокоило и подбодрило.

Ребята разыскивали семьи военнослужащих и в меру сил старались помогать им в домашней работе, в уходе за больными. Бойцы в письмах с фронта благодарили нас за эту работу.

На носу была зима, и мы думали о том, как обеспечить семьи топливом. Самое трудное было раздобыть транспорт.

Помню, тимуровцы с Подола никак не могли достать подводу, чтобы привезти дрова в дома на Нижнем Валу, где двое больных стариков и пожилая женщина уже не поднимались с постели, а их сыновья сражались на фронте.

С Володей и Лилей пошли мы в райисполком, просили выделить какой-нибудь транспорт. Нам отказали. Мы отправились в Кировский райком партии. Обстановка там была напряженная. Райком напоминал военный штаб. Однако нас приняли. Выслушали без снисходительной улыбки. Один из товарищей звонил куда-то два или три раза. Потом коротко сказал:

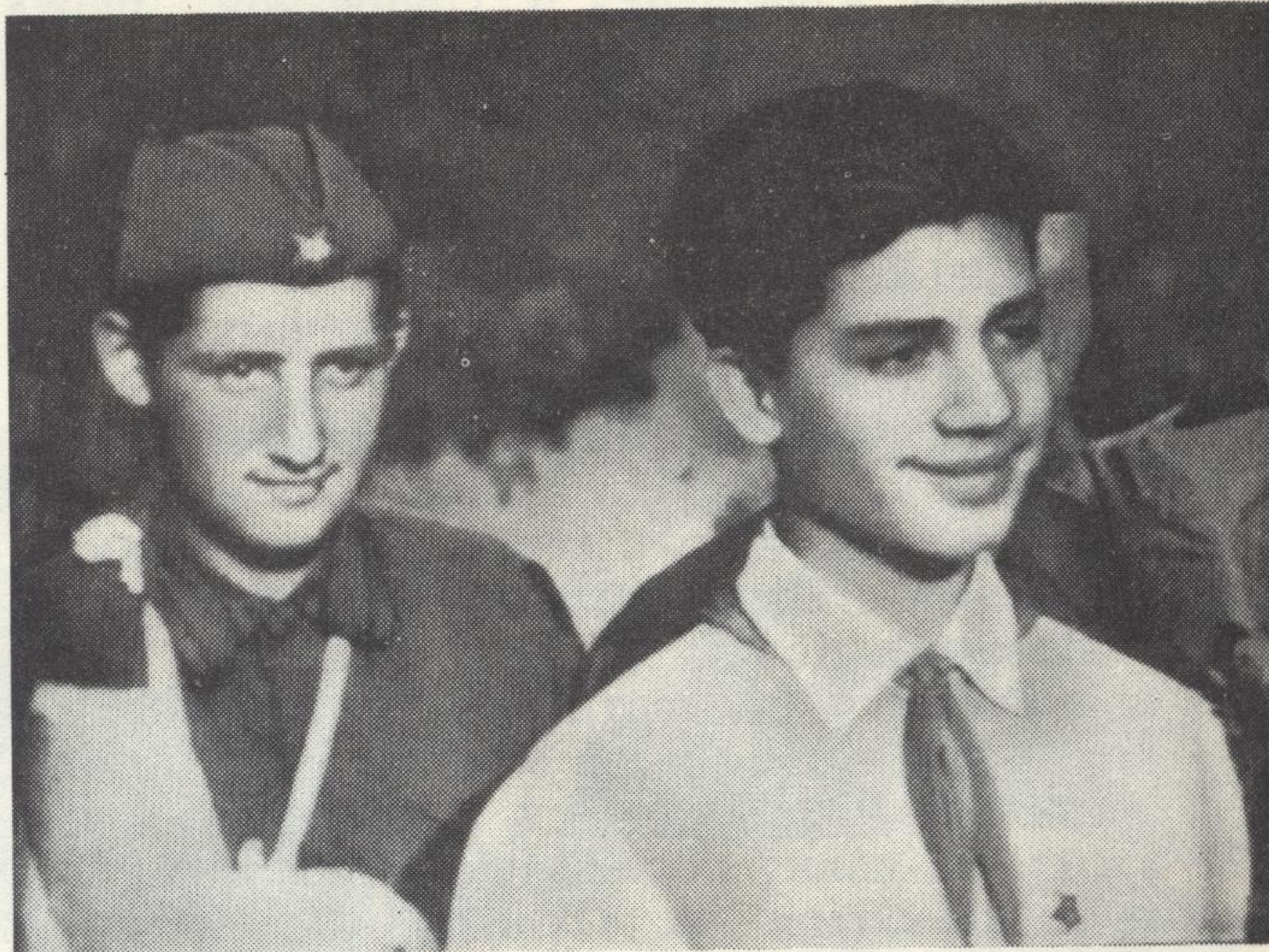
— Транспорт будет. Нужное дело делаете. Молодцы! — и пожал всем нам руки.

Мы были счастливы, а через два дня подольские ребята доложили, что дрова привезли. Это только один из многих случаев добывания дров.

С каждым днем в нашу команду вливались новые и новые ребята. Мы росли быстро, как снежный ком, летящий с горы. Работы с каждым днем прибавлялось. К нам уже обращались с просьбами о помощи. На заседании штаба мы решили создать тимуровские команды на Подоле, на Печерске, а позже и на Соломенке. Команда при кинотеатре «Смена» стала центральной. Штаб направлял и координировал с помощью горкома комсомола работу всех команд.

В штабе всегда дежурил кто-то из его членов. По мере выполнения одного задания ребятами, мы давали им другое.

Фронт подходил все ближе к Киеву. Бои шли уже там, где мы копали противотанковые рвы. Город бомбили фашистские самолеты, подвергали артиллерийскому обстрелу. Были задержаны переодетые в красноармейскую форму шпионы. Во время налета вражеской авиации они ракетами сигнализировали, где находятся важные объекты. Когда город объявили на осадном положении, мы вместе со взрослыми дежурили по ночам в подъездах и на чердаках. Тушили песком «зажигалки».

1941 год.
Тимур Киевской команды
Норик Гарцуненко (справа).

1973 год.
Новомир Маркович Гарцуненко
на Первом Всесоюзном
слете тимуровцев.

На углу Крещатика и Прорезной, перед гостиницей «Спартак», всегда стояли часовые. Здесь был штаб одного из воинских соединений, обороняющих Киев. Напротив ювелирного магазина изо дня в день стоял мужчина в темно-синих очках и продавал цветные карандаши. К нему привыкли, и на него никто не обращал внимания.

Но как-то неожиданно полил дождь. Старик положил коробки с карандашами в карман пиджака, снял с левого локтя палку и, ощупывая ею тротуар, направился вверх по Прорезной. Дождь лил все сильней и сильней, скоро он превратился в ливень. И вдруг старик оглянулся и, не заметив ничего подозрительного, остановился, поспешно снял очки, сунул палку под мышку и быстрым шагом направился на Пушкинскую, юркнул в подъезд. Он не предполагал, что за ним осторожно, перебегая от подъезда к подъезду, от одного каштана к другому, неотступно следовал мальчик. Это был Володя Остроменский, наш тимуровец. О мнимом слепом было доложено в один из штабов. Мнимый слепой оказался фашистским шпионом.

В Киеве появилось много беженцев из районов, занятых фашистами. Эвакуировать их сразу на восток не представилось возможным: железнодорожный транспорт был загружен военными перевозками, эвакуацией заводов, фабрик, научных учреждений. Всех этих людей надо было накормить, а у большинства из них не было ни денег, ни тем более карточек на хлеб.

Тимуровцы, особенно из Соломенского района, помогали определять беженцев в эвакопункты, где их бесплатно кормили, помогали приобрести одежду и найти крышу над головой. (Эвакопункты расположились в школах, дворцах культуры, концертных залах.) Получить место в поезде можно было только по специальному разрешению горсовета или эвакопункта. И мы помогали эвакуировать семьи командиров Красной Армии.

Наши девочки взяли шефство над госпиталями, они дежурили у постелей раненых, кормили их, помогали прочитать или написать письмо. Самой активной среди девочек была Муся Ткаченко.

Многие наши ребята ходили по домам, собирали деньги в фонд обороны и для подарков бойцам. Деньги, собранные в фонд обороны, мы сдавали в банк, а на остальные покупали одеколон, папиросы, носовые платки, конверты с бумагой, конфеты, печенье. Шили красные и синие коленкоровые кульки (коленкор мы получали в типографии — книг в то время уже не печатали), складывали в них все, что купили, и обязательно свое письмо.

Мы получали много писем. Нам писали воины, благодарили за помощь и просили разыскать их семьи. Переписку с красноармейцами вела группа ребят. Возглавляла ее Лилия Альп. Каждое письмо мы подписывали «Тимур» и рисовали пятиконечную гайдаровскую звездочку с тремя лучами, такую же, какую рисовал Гайдар.

Один раз мы получили письмо от сержанта или старшины, точно не помню. Он просил разыскать его семью. Его семья жила в Святошине, в дачном пригороде Киева. Там уже проходила линия фронта. Поехали туда я и Николай Кочергин. Доехали на трамвае № 6 до Киевской киностудии, дальше трамвай не шел... Здесь стоял прифронтовой постзаслон. Гражданских не пропускали. Сколько мы ни убеждали часовых, показали им письмо — ничего не помогло. Отойдя в сторону, мы увидели полуторку с боеприпасами. В кузове сидел краснофлотец, он слышал о нашей команде, и это нам помогло. Краснофлотец разрешил нам залезть в кузов и лечь между ящиками с патронами. Так мы добрались до Святошина.

Сошли с машины, стали искать нужную улицу. Вышли к лесу и замерли: улочки не было. Иссеченные осколками бомб сосны, воронки вместо домов, одинокие опаленные печные трубы, обгорелые бревна и горький-горький запах гари запомнились мне на всю жизнь.

Что мы могли ответить нашему сержанту?

Однажды в штаб пришла пожилая учительница и попросила зачислить ее в тимуровцы. Она предложила создать при кинотеатре пошивочную мастерскую. Предложение было дельное, и мы охотно согласились. Учительница принесла свою швейную машинку. Ма-

Рушились дома,
на улицах горели деревья
и падали люди.

*Бои шли уже там,
где мы копали противотанковые рвы.*

рия Теофиловна посоветовала нам пойти в Русский драматический театр имени Леси Украинки, в костюмерную мастерскую и попросить еще швейные машинки — театр уже не работал.

Я, Вова Остроменский, Лиля Альп и Люба Петленко пошли в театр. Машинки нам дали, но их не на чем было привезти. Мы решительно направились в Ленинский райком партии, где нас уже хорошо знали. Через два дня нам доставили на автомашине 10 машинок. Мы расставили их в малом фойе, и работа закипела. Наша мастерская шила белье для госпиталей и войсковых частей, помогала семьям военнослужащих. Работали в ней и взрослые женщины и наши девочки.

Рядом с мастерской находился наш тимуровский детский сад. Матери, уходя на заводы и фабрики, приводили сюда своих детей, и наши девочки о них заботились. Детские садики были созданы в Подольском и Печерском районах.

Кинотеатр «Смена» продолжал работать, хотя зрителей было мало. Как-то мы заметили, что рослый парень лет семнадцати, неопрятно одетый, приходит в одно и то же время в кинотеатр, просиживает в нем по два-три сеанса. И всегда на одном и том же месте. Мы стали присматриваться к парню. Поставили посты у выхода. Однажды Володя Остроменский подошел к нему в полутемном фойе и доверительно шепнул: «За тобой хлопцы следят».

Парень рванул вниз по лестнице, к выходу. Мы пытались его задержать, но он вырвался и побежал по Крещатику. Мы — за ним. Навстречу с улицы Ленина шел лейтенант. Увидел бегущего, подставил подножку. Мы навалились на парня. И вдруг лейтенант сказал парню:

— Ну и ну! Мы ведь задерживали тебя на передовой, только ты сбежал.

Мы отвели парня в штаб обороны города. Его обыскали и в козырьке картуза под подкладкой обнаружили папиросную бумажку, очевидно, шифровку. На следующий день Мария Теофиловна передала нам благодарность от контрразведки штаба обороны Киева за поимку фашистского лазутчика.

В ночь на восьмое августа канонада была особенно яркой. Беспрерывно кружили над Киевом вражеские бомбардировщики и истребители. Мы узнавали их еще издалека по звенящему гулу. Зенитки вокруг яростно огрызались. Ночь была очень напряженной.

Утром я, как всегда, побежал в штаб. Ребята, ответственные за переписку, писали ответы бойцам. Пришли женщины-швеи. Застрекотали машинки. Жизнь шла своим чередом. Только Мария Теофиловна казалась необычно бледной, и сапоги ее были в грязи. Мы к ней:

— Что с вами, Мария Теофиловна?

Она устало улыбнулась:

— Все в порядке.

Только в конце дня я узнал, что ночью фашисты пытались овладеть Киевом, штурмовали наши позиции со стороны Голосеевского леса. Гитлеровцев отбросили на исходные позиции, но среди наших было много раненых и убитых. И Мария Теофиловна со своей помощницей Галиной Нечепуренко всю ночь выносили из-под огня раненых.

Через несколько дней после этих событий Марию Теофиловну и меня вызвали в штаб обороны Киевского укрепрайона. Там

нам сказали, что гитлеровцы могут предпринять новую попытку овладеть Киевом, возможно, снова в Голосеевском лесу. Он находился сравнительно недалеко от центра города. На всех вероятных направлениях прорыва были построены баррикады, поставлены противотанковые ежи. Но на чердаках многоэтажных домов могли оказаться пулеметчики, вражеские диверсанты. И нам, тимуровцам, дали задание особой важности: прочесать чердаки всех домов на Крещатике, от Бессарабки до улицы Кирова. Делать это нам посоветовали под видом проверки пожарной безопасности. Кроме ребят, которые займутся этим, никто ничего не должен знать. Обнаружив подозрительное, немедленно доложить в штаб.

Я был горд: меня посвятили в военную тайну — и сразу почувствовал себя взрослее и серьезнее.

На следующий день восемь мальчиков и девочек, вооружившись керосиновыми лампами «летучая мышь», пошли на задание. Многие чердаки были заперты, и нам приходилось хитрить с дворниками, просить их открыть. Кое-где нас просто прогнали.

Задыхаясь от духоты и пыли, мы пробирались между завалами старой утвари, осматривали углы, каждое слуховое окно, но так ничего и не нашли. Оставался последний трехэтажный дом на пересечении улиц Кирова и Крещатика. Напротив Дом обороны, где размещался штаб обороны города. У слухового окна, смотрящего на площадь, куча хлама: старые книги, какие-то тюфяки.

На следующий день восемь мальчиков и девочек, вооружившись керосиновыми лампами «летучая мышь», пошли на задание.

Мы с Володей Остроменским и Николаем Кочергиным устало и лениво разбрасывали этот хлам. И вдруг... Ствол пулемета, незапыленный, чистый. И рядом — диски, стреляные гильзы, пустые консервные банки, куски хлеба...

Я взял с ребят слово, что они ничего никому не скажут, и мы помчались в кинотеатр «Смена». Марии Теофиловны не оказалось на месте. Мы побежали в Дом обороны к знакомому командиру.

Через несколько дней Мария Теофиловна Боярская передала нам благодарность Маршала Советского Союза товарища Буденного, который в то время был командующим Юго-Западным фронтом. Оказалось, мы обнаружили диверсантов.

О нашей команде писали в республиканских и армейских газетах. Во многих войсковых соединениях знали о нашей команде, нашу подпись «Тимур» и гайдаровскую звездочку с тремя лучами. А однажды отец, который был в то время старшим лейтенантом, политруком, написал в своем письме о том, что его благодарили перед строем за сына.

Я был счастлив.

Как-то в начале августа Мария Теофиловна пришла улыбающаяся и сообщила:

— Гайдар в Киеве!

Гайдар? Вот здорово!

Мария Теофиловна сказала, что живет он недалеко от «Смены», в гостинице «Конти-

«Старик» не предполагал, что за ним неотступно, перебегая от подъезда к подъезду, следовал мальчик.

ненталь» вместе с другими военными корреспондентами. Мы, конечно, немедленно отправились в гостиницу, чтобы пригласить Гайдара к нам. Но застать его в «Континентале» было не просто, и свое приглашение мы передали через поэта Александра Безыменского.

Гайдар пришел неожиданно, в два часа дня, когда в кинотеатре, к сожалению, было всего человек двадцать. Многие были на заданиях.

Аркадий Петрович вошел в фойе. Большой, широкоплечий, в военной форме без знаков различия. На боку у него висела полевая сумка. Вместе с ним был поэт Безыменский.

Аркадий Петрович широко улыбался, жал нам руки.

Но вот мы сели полукругом, и смущение наше и робость быстро прошли. Гайдар спрашивал о нашей жизни, работе, о родных. Обрадовался, когда мы ему рассказали, что по нашему примеру тимуровские команды созданы в Одессе, Харькове, Днепропетровске и мы с ними переписываемся. Он вынул из своей сумки общую тетрадь в черном коленкоровом переплете и что-то туда записал.

Беседовали мы долго. Ребята, которые возвращались с заданий, присоединялись к нам. Рассказали, как задержали двух диверсантов, как помогаем семьям фронтовиков. Кто-то спросил, как он добыл трофейный «шмайсер». Он ответил коротко:

— Добыл в бою под Трипольем.

Ребята стали расспрашивать, как это произошло.

— Это была разведка боем.

— Аркадий Петрович, не мешало бы и нам свое оружие иметь.

Аркадий Петрович подумал и сказал:

— Попробуем.

Потом он беседовал о чем-то с Марией Теофиловной в ее кабинете. А через несколько дней нас вызвали в горком и дали записку в истребительный батальон, который располагался в Театре юного зрителя. Там нас повели в большую глухую комнату, где штабелями стояли ящики с патронами, гранатами, бутылки с горючей смесью и привязанными к ним фосфорными палочками. В углу мы увидели новенькие винтовки ТОЗ. Начальник сказал: «Берите».

Нас было трое. Каждый из нас взял по винтовке. Нам указали на стопку ящиков с патронами. Ну, думаем, возьмем хотя бы два ящика. Но тут же поняли, что нам не под силу даже один. Вдвоем с трудом подняли ящик, а третий взял две винтовки. Из этих винтовок мы потом учились стрелять на площадке позади кинотеатра.

Через несколько дней «Пионерская правда» и республиканская газета «Советская Украина» напечатали обращение Гайдара ко всем ребятам страны. Здесь же была песня тимуровцев, которую написал Безыменский.

События на фронте развивались самым трагическим образом. Вскоре мы узнали, что вражеское кольцо вокруг нашего города замкнулось.

Мария Теофиловна сказала мне:

— Норик, тебе, наверное, придется уезжать. В Киеве оставаться нельзя. Пусть мама приготовит тебе котомку и положит туда самое необходимое.

В тот же вечер мать пришила к поясу моих брюк, с внутренней стороны, карман, положила туда метрическую выписку (паспорта я еще не имел), немного денег и зашпилила карман английской булавкой. Из матрасной материи в синюю полоску сшила котомку и положила в нее шерстяной пуловер, пару белья, носки, мыло, полотенце, немного сухарей. Я втиснул туда еще общую тетрадь со своими довоенными стихами и рассказами.

Мы вместе со взрослыми дежурили по ночам в подъездах и на чердаках. Тушили песком «зажигалки».

Было тяжело расставаться. Мы узнали, что в лесах за Вышгородом базируются партизаны. Туда мы с Николаем Кочергиным и решили идти.

Но мы оставались тимуровцами, и каждый из нас участвовал в борьбе с фашистами.

В мае 1945 года Володя Остроменский написал общее наше имя на стенах рейхстага — «Киевские тимуровцы».

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

КОГОТЬ ДИНОЗАВРА

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ДУДКИНА.

ПЕЧАТАЕТСЯ В СОКРАЩЕНИИ. ПОЛНОСТЬЮ КНИГА ВЫЙДЕТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА».

Работник комсомольской газеты Василий Григорьевич Алейников получил задание вылететь в Монголию, чтобы написать очерк о дружбе советской и монгольской молодежи, которая строила завод в дикой степи.

Бывший моряк, он видел многие земли, но о командировке в страну, по которой ходили когда-то наши славные путешественники Пржевальский и Козлов, где вел свой поиск наш современник палеонтолог и писатель Ефремов, он мог только мечтать!

Правда, к основному заданию прибавилось еще одно — доставить в Улан-Батор на слет монгольских пионеров нашу пионерскую делегацию. Делегация была небольшая: Света—маленькая певица из Еревана, Коля — староста исторического кружка, победитель физических олимпиад Генка и юная, немного хмурая гимнастка Вика.

Дорога сдружила всех, и, когда на улан-баторском аэродроме ребят встретили их руководительница Людмила Ивановна и веселый Церендорж — вожатый монгольских пионеров, Алейникову не захотелось расставаться со своими новыми друзьями.

Радостным был праздник монгольских ребят, вместе с ними выступали и наши ребята, вместе поднимались к памятнику героям Халхин-Гола.

Но вот Церендорж сказал, что он хочет познакомить советских ребят со своей страной. Нужно было только решить, куда они хотят поехать.

В одном из залов музея ребята увидели гигантский скелет древнего ящера — тираннозавра.

— Так это же здесь! — воскликнул Коля.— Здесь их нашла экспедиция Ефремова!

И путь был выбран: к динозаврам! В пустыню Гоби!

Самолет летел над пустыней, над новыми поселками и старыми караванными путями. Постепенно засыпали ребята. И монгольские и советские. А бывший моряк, который по традиции взял с собой в путешествие свою тельняшку, не мог оторвать глаз от песчаных волн пустыни.

Правда, не спал еще один человек — монгольский мальчишка. Он то заглядывал в кабину пилота и тут же изображал пилота за штурвалом, то показывал, как летит орел за иллюминатором, то подражал стюардессе.

Но вот мальчик изобразил, как самолет «пошел на снижение». Василий Григорьевич глянул в иллюминатор и увидел аэродром, а на нем человека в такой же, как у него, тельняшке.

— Это наш шофер Бата! — крикнул Церендорж.

Когда самолет приземлился, Церендорж таинственно предложил пионерской экспедиции заглянуть в маленький домик на краю поселка.

Домик из серого кирпича

В музее, небольшом доме из серого кирпича, ни один порядочный динозавр не мог расположиться. Стоило ли путешественникам терять время здесь, когда впереди их ждали такие чудеса!

Коля пожал плечами:

— Да тут, наверное, какие-нибудь мелочи...

И все-таки Людмила Ивановна сказала:

— Ну ладно! Зайдем!

— Пошли! — сказал Генка и первым бросился вперед.

В маленьком помещении трудно было повернуться. На полу, на подоконниках, на стендах лежали тысячи предметов, в существование которых невозможно было поверить.

На полу, оскалив зубы, смотрел пустыми глазницами череп какого-то гиганта, рядом с ним лежал камень с отпечатком древнего папоротника. Из-под стола выглядывала окаменелая черепа-

ха, а маленький окаменевший крокодил все еще пробовал хлестнуть кого-то каменным хвостом!

Между ножками стола громоздилась могучая кость, на которой обозначились зубы древнего хищника. На стендах лежала куча каких-то ядер, местами покрытых остатками то серой, то рыжей, как глина, скорлупы.

— Что это? — спросил Генка.

— Яйца динозавров, — спокойно ответил Церендорж.

Маленький домишко был набит динозаврами! Из этих яиц 70 миллионов лет назад могли вылупиться невиданные гиганты птеродактили!

Коля и Светка разглядывали цветные камешки. Какие это были камни! На каждом из них виднелись сколы, зазубрины — для скребка, для стрелы, сделанные в пещере рукой первобытного человека, и Коля взволнованно прошептал: «Неолит, верхний неолит!»

К стене была прислонена громадная плита известняка, на ней был виден метровый трехпалый след динозавра. Да ради одной этой плиты стоило построить целый павильон!

— И все это нашли здесь? — спросил Василий Григорьевич Церендоржа.

— Все! — довольно сказал Церендорж. — Но, наверное, что-нибудь еще и осталось...

Нет! Больше ждать было невозможно. Каждому хотелось совершить открытие. Вперед, на поиски в Гоби! Все поспешили к машине и увидели Вику. Она сидела в углу, обняв руками колени.

— Эх ты! — крикнул Генка. — Такое упустила!

Василий Григорьевич, подумав, показал ей на сиденье рядом с водителем: «Будешь вперед-смотрящей!» А сам пристроился на ее месте. Все ждали рулевого.

Наконец из дома вышел Бата, уложил между сиденьями ружье и патронташ, пристроил топор и лопату. Постукал еще раз ногой по баллонам — хорош! И, крикнув что-то по-монгольски, дал газ.

— Что он сказал? — спросила Людмила Ивановна у Церендоржа.

— «Полный вперед!»

Нэмэгэту? Баин Дзак? Цаган Улу?

Домики поселка в одну минуту словно бы оторвались от земли, закачались корабликами на волнах зноя и уплыли куда-то в пески. Все впереди волнилось. Камни и травы мягко колыхались, как на морском дне.

«Газик» быстро одолевал расстояние, будто летел с волны на волну, и было совершенно неудивительно, что у него на борту сидели люди в тельняшках. И каждый из них надеялся вот-вот увидеть след динозавра.

Но впереди над песками качались только какие-то тощие кустики.

Церендорж, кивнув на них, сказал:

— Хурмык! Осенью пудет ягода! Вкусная!

Вдруг Вика подскочила: между кустами подпрыгнул и, поднимая пыль, пробежал толстый сурок...

— Тарбаган! — засмеялся Церендорж. — Лови!

Бата резко крутанул руль и свернул с дороги, но тарбаган, смешно подпрыгнув, провалился в нору, оставив на песке лишь след от толстого брюха...

А следов динозавров все еще не было видно.

— Где же мы будем их искать? — спросил вдруг Генка. Он жаждал деятельности.

Бата быстро посмотрел на Церендоржа и сказал:

— Нэмэгэту? Баин Дзак? Цаган Улу?

Ребята переглянулись. А Василий Григорьевич подсел ближе к Бате. Он уловил, что водитель назвал места знаменитых палеонтологических экспедиций Ефремова. Именно здесь ученые обнаружили скелеты ящеров.

Бата показал глазами на север и стал с азартом о чем-то говорить по-монгольски с Церендоржем. Тот с удивлением слушал Бату, то поднимая, то опуская брови, потом сказал:

— Там, на севере, нашли большой дракон, десять машин можно поставить в ряд. Такой длинный. Говорят, ходил по воде, хуп, хуп, хуп!

— Анкилозавр! — догадался Коля, и глаза его радостно блеснули. Он видел в книге этого болотного ящера, который прятал в воду свое огромное тело от хищников.

Людмила Ивановна посмотрела на него с гордостью, а Церендорж сказал:

— Еще были. Один с клювом, другой — с рогами. А самый польшой весь в костяном панцире — как танк!

— Рогатый стегозавр! — улыбнулся Коля.

— Ка-а-кой ужас! — вздрогнула Светка.

— Это же у него для защиты, как у коровы! Он же травоядный!

И вдруг Генка, выглянув из машины, закричал:

— Стойте! Стойте!

Все бросились к окну.

— Что? Следы? — спросил Коля.

— Стойте! — крикнул еще раз Генка.

Следов не было. Он увидел на дороге камень необычной формы. Бата сам остановил машину, потому что впереди, на взгорке, поднимался островерхий пик, сложенный из камней.

Церендорж выпрыгнул из «газика» и сладко потянулся. Василий Григорьевич последовал за ним, и вдруг они оба рассмеялись, схватили друг друга за плечи и стали бороться.

Неужели начинаются чудеса?

На камне не было ни сколов, ни насечек, сделанных рукой первобытного человека. Но его острый край был обожжен космическим пламенем, бушевавшим вокруг камня на тысячах звездных километров...

— Что там? — спросила, приблизившись на цыпочках, Светка и усмехнулась: — Обыкновенный булыжник!

— Да замолчи ты... — сердито посмотрел на нее Генка. Конечно, дилетантам эта находка ничего не говорила.

— Подумаешь, — пробормотала Светка.

Генка хотел кого-нибудь окликнуть и показать находку, но глаза уже не могли оторваться от поля, сплошь усеянного камнями. Может быть, камни падали на этот пустынный космодром звездными дождями тысячи лет и никто их не подбирал и не видел...

Между тем Церендорж показал на каменный знак и сказал Василию Григорьевичу:

— Обо!

Коля уже стоял рядом с Церендоржем и рассматривал шелестевшие на ветру ленточки с какими-то письменами. Из-под камней выглядывали козьи рога, кусочки материи, шерсти.

— Зачем это?

— Чтоб было видно, что прошел человек. Прошел благополучно через горы — положил камень. Шел из храма — положил ленту. Нет ленты — положил косточку. Тысячи людей прошли — получилось обо. Люди шли, караваны шли. Польшая здесь дорога была. Давно... — сказал Церендорж и посмотрел вдаль.

И вдруг Бата ткнул в землю каблуком и сказал:

— Чингисхан шел!

— Где?! — Коля повернулся к нему. — Здесь?

— Да, — сказал Бата. — Вел свои туймены, гнал пленных!

Ничего не надо было раскапывать, искать: вот, прямо у твоих ног, лежала дорога, по которой когда-то текло страшное войско Чингиса. Скрипели повозки, щелкали бичи, трусили рысцой черные туймены, и среди дыма костров раскачивались на копьях черные конские хвосты!

Легкий ветер поднял вдали пыльное облачко, и казалось, что и там, далеко, идет караван...

— Гена, — позвал он. — Ген!

Но Генка не смотрел на дорогу. Он сжимал в руке удивительный, пропахший пустыней небесный камень и собирался найти хотя бы еще один такой же среди обо.

Но Людмила Ивановна спросила:

— Ну, что там у тебя?

— Метеорит! — сказал Генка.

— Ну да? — усомнилась Людмила Ивановна.

— Не верите? Смотрите, вот этой стороной он летел к земле...

— А это что? — спросила Светка, протягивая руку. У нее на ладони, облепленный кусочками глины, лежал халцедон. Он весь светился, а внутри у него крохотным озерком, может быть, уже тысячи лет, переливалась непонятно как попавшая туда вода, и в ней плавала красная травинка...

— А ну-ка, — сказал Василий Григорьевич, — что тут у вас? — И, присмотревшись к халцедону, воскликнул: — Потрясающе!

Камень с неба, озерко с древней водой, дорога, по которой шел Чингис!

Да, это уже начинались чудеса!

И хотя Генке жаль было покидать эти места, он крикнул:

— Едем! К динозаврам!

Он подтолкнул Свету в машину, пропустил остальных, сел сам, захлопнул раскаленную дверцу. И строгий Бата погнал машину-катерок мимо древнего обо навстречу зною.

Лошадок надо погонять!

«Газик» бежал быстро, легко — по бокам уже заколыхались покрытые жесткой зеленью холмы. Василий Григорьевич показал Церендоржу глазами на Бату:

— Молодец. Где плавал?

— Еще только собирается! — рассмеялся Церендорж.

— Куда?

— На озеро Хубсугул, где же еще можно здесь плавать?

Он назвал самое большое в Монголии озеро.

— Хороший моряк выйдет! — сказал Василий Григорьевич. В этом деле он знал толк.

Покосившись на него, Бата улыбнулся и засвистел.

Светка вдруг спросила Генку:

— А кем ты будешь? — Глаза ее смотрели с ехидством.

— Радиоастрономом. Физиком.

— Так зачем тебе динозавры? — удивленно спросила она.

— Во-первых, интересно. А во-вторых, найди сейчас хоть один только коготь динозавра, и я скажу, когда он погиб.

Вика бросила на него иронический взгляд.

— Гадать будешь?

— Ага. Радиоактивным способом!

— Может, мы откроем загадку быстрой гибели динозавров. Почему они вымерли так быстро? Что произошло? Изменился состав воздуха? Вспыхнула где-нибудь сверхновая звезда и убила их своим излучением? Или сместились магнитные полюса Земли?

Это был настоящий разговор. Людмила Ивановна удовлетворенно кивала головой, как будто хотела сказать: «Вот что значит победитель физической олимпиады». И Коля, который был на класс старше товарища, посмотрел на него с уважением.

— Человек все знать хочет. До космоса далеко, а он хочет в космос, — задумчиво сказал Церендорж.

— Космос рядом, — возразил Генка и подбросил в руке камень. — Только знаем мы еще с гулькин нос. Мы еще не имеем представления о том, какие существа посылают нам на Землю космические сигналы. А если думать, что очень много знаешь, тогда остается пальцы на животе сложить и пузогрейством заниматься!

Церендорж вдруг рассмеялся.

— Ты что? — спросила Людмила Ивановна.

— Сопсем как ламы когда-то делали! — сказал Церендорж. — Насыплют холм, посадят на нем деревья, сделают маленькое озеро и лежат вокруг. Руки на животе сложат, в небо смотрят, будто в рай попали.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Фантазировать хорошо, — сказал Генка. — Только этого мало. Делать надо!

— А что? — быстро к нему повернулся Василий Григорьевич. — Делать — это же прекрасно! Человек все должен уметь делать и думать тоже. Принимать решения, работать для всех и со всеми! А ты что думаешь об этом? — спросил он Колю.

Коля вдруг растерянно замигал, оглянулся на Людмилу Ивановну.

— Я тебя спрашиваю, а не Людмилу Ивановну, — настойчиво сказал Василий Григорьевич, заметив, что Коля оглянулся, надеясь на поддержку.

— Я не думаю, я смотрю, — растерянно сказал Коля.

— А кем собираешься стать?

— Ну, наверное, историком, — ответил Коля.

— Тогда должен думать! — сказал Василий Григорьевич. — Обязательно думать! Вот перед тобой дорога. Пока не думаешь — камень, песок. А подумал — не просто дорога, а история! Но историю не только надо знать...

— Историю нужно двигать! — подхватил Генка. И постукал камнем по лбу. — Лошадок надо погонять!

Продолговатое Колино лицо округлилось в улыбке. Он не обиделся. Слушая Генку, он почувствовал, как хотелось бы так же быстро думать, и думать самостоятельно, без оглядки на кого-нибудь. И вдруг ему стало приятно оттого, что до этого он сам додумался. Коля улыбнулся.

— Ты чего? — спросила Светка.

— Лошадка побежала, — ответил Коля.

И все засмеялись.

Под колесами хрустел горячий щебень, в окна машины ударял горячий воздух, и перед стеклами взлетали облака пыли.

Холмы сблизились, стали выше и резче, словно их края кто-то обрисовал тонкой кисточкой. И дорога побежала по ущелью рядом с запекшимся дном пересохшей речушки.

Сказки Церендоржа

Бата слегка нахмурился, сдвинул брови: на такой дороге надо быть внимательным.

— В Гоби все может быть, — посмотрев на Светку, сказал Церендорж. — Главное, чтобы рядом с человеком всегда были добрые духи! — И он движением рук показал на небо.

— Зачем это? — наконец спросила Светка.

— Угощаю добрых духов, — простодушно сказал Церендорж. — Если хочешь, чтобы добрые духи были добрыми, их нужно угощать! Но в пути могут попасться разные духи, — объяснил Церендорж. — Как узнаешь, где злые? Они хитрые, переоденутся добрыми, станут льстить, заманивать. Надо их угощать, — сказал он невероятно серьезно.

— Ха! Сказки! — отмахнулась Светка.

— Сказки! — легко согласился Церендорж. — Но какие! Хочешь, я тебе расскажу сказку?

Светка секунду подумала: армянские она знала, русские тоже, а монгольские, конечно, нет...

Свету опередила Людмила Ивановна:

— Расскажи, Церендорж!

Он немного подумал.

— Ну, вот, скажем, такая: «Едет по дороге на «газике» человек, а ему навстречу на такой лохматой лошадке...» — начал он.

В это время на дороге появилось стадо овец.

Пастушок

За стадом на невысокой лохматой лошадке ехал пастушок, то и дело покрикивая и хлопая кнутом. Солнце раскалило горы, но на мальчике был потертый кожушок, подпоясанный кушаком, сбитые о камни сапоги...

Остановив машину, Бата выглянул и сказал:

— Сайн байну!

Мальчик придержал лошадку, заглянул в машину и с достоинством кивнул:

— Сайн байну!

— Куда гонишь? — спросил Бата.

— К отцу! — сказал мальчик. — Он погнал большой скот, а я этот. Триста голов!

— Отец далеко? — спросил Бата.

— Утром погнал, — сказал мальчик, поглядывая на гостей исподлобья, — догонять надо.

— Сколько мальчику лет? — спросила Людмила Ивановна.

Бата перевел вопрос.

— Семь будет! — с достоинством сказал мальчик. — В этом году пойду в школу.

Ребята протягивали ему значки. Мальчик улыбнулся, сказал «баирла», с беспокойством посмотрел на стадо, столпившееся за «газиком».

— Как зовут мальчика? — спросил Василий Григорьевич, доставая блокнот.

Пастушок натянул уздечку, сказал:

— Пасынджав. — И вдруг ударил лошадь в бока: — Некогда! Скот уходит.

Бата что-то крикнул ему вслед. Пасынджав, обернувшись, показал нагайкой в сторону дальних холмов и поскакал за облаком пыли, поднятым отарой.

Ребята в машине переглянулись.

— Такой маленький, — вздохнула вдруг Светка и сказала: — Даже неловко, что мы на машине, а он такой маленький. Волки кругом.

— Мужественный парень, — согласился Василий Григорьевич.

Но Церендорж, пожав плечами, возразил:

— И я такой был. Овец пас, коней пас, песни пел. — И он затянул протяжную монгольскую песню.

Немного погодя он продолжал:

— И Бата был! Все в Монголии раньше были пастухами, каждый монгол был. Девочки зимой в пургу сутками не спали, выносили на руках ягнят. Ветер гудит, а девочки в степь идут!

«Газик» свернул с дороги, пополз по мягкому холму к облакам. Все откинулись назад.

Когда машина въехала на холм, увидели чистенькую юрту, похожую на белую тюбетейку, возле которой поднимался к синему небу легкий дымок.

Возле юрты горел тихий костерок, над ним висел котел. От котла исходил густой молочный запах. Неподалеку ходил стреноженный конь. У входа в юрту стояла сухонькая старушка. Все на ней блестело. Блестел голубой халат — кэле, блестели тоненькие седые косички. И глаза мягко лучились морщинками, как два тихих добрых солнышка.

Было так хорошо, что казалось, будто все это возникло из какой-нибудь доброй монгольской сказки.

Старушка открыла дверь, приглашая гостей. В войлочной юрте было прохладно. Правда, ничего сказочного в ней не было. У одной стенки темнел комод, у другой — деревянная кровать, а на полу лежала кошма, посреди нее на возвышении стояли чашки, сухой сыр, сахар.

А чуть подальше у комода — рядом с патефоном — поблескивал новенький радиоприемник.

Старушка усадила гостей и принесла поднос, на котором дымились пиалушки.

— Сутэцай! — похвалил Церендорж, прихлебывая чай с овечьим молоком и солью.

А хозяйка подошла к патефону:

— Завести?

Но Генка сказал:

— Лучше приемник.

Старушка огорченно развела руками и стала что-то говорить, вертя на указательном пальце серебряное колечко. Казалось, поверни его, произнеси волшебное слово, и получишь все, что ты захочешь. Но старушка говорила, говорила, а колечко не работало. И Церендорж перевел:

— Приемник нельзя. На старом стойбище говорил, а здесь молчит...

— Надо проверить! — предложил Генка.

Старушка посмотрела на него с изумлением. Вика бросила укоризненный взгляд: «И чего попусту хвастать?» Но Церендорж рассудительно кивнул: «А что? Пусть посмотрит».

Генка быстро пристроился с приемником у входа в юрту, открыл заднюю стенку, сунул голову в ящик, а старушка, привстав на цыпочки, внимательно наблюдала, сама все время вертя серебряное колечко на пальце.

— Так. Питание в порядке. Динамик нормальный. Ага, контакты. Во время переезда лошадка, видно, споткнулась. Паять надо!

Старушка перестала вертеть колечко и вопросительно взглянула на Генку: «Что?»

— Олово надо,— деловито объяснил Генка. — И паяльник!

Вика усмехнулась. Старушка замигала глазами, не понимая, что он сказал. А Бата без единого слова пошел к машине и через минуту протянул Генке жестяную банку от зубного порошка, пристроил маленький медный паяльник в костер.

— Вот это дело,— обрадовался Генка и, открыв банку, передал ее Вике, потому что только у нее одной руки были свободны. — На, подержи!

Выхватив паяльник из огня, он опустил его в банку, и старушка снова, волнуясь, привстала на цыпочки и завертела колечко.

Из банки потянулся ароматный дымок канифоли, Генка наканифолил провода. Потом под паяльником на месте серого комочка вдруг ожила и задрожала серебристая капля металла. Генка подхватил ее уголком паяльника, быстро соединил два зачищенных проводка и посадил каплю на них. Потом он еще раз прошел паяльником по проводкам, вставил аппаратуру на место и удовлетворенно сказал: «Все».

— Что все? — недоверчиво спросила Вика.

— Все! — Генка повернул включатель, и из динамика потянулась протяжная монгольская песня.

Старушка отпустила колечко, всплеснула руками: «Ой-я!» И весело, прикоснувшись к Генкиной голове, запричитала: «Ой-я, ой-я!» Поискав что-то в сундучке, протянула Генке расшитые кожаные рукавицы.

— Вот еще! — смутившись, замигал Генка. Он хотел было отказаться от подарка, но, увидев осуждающее лицо Церендоржа, — разве можно обижать?! — взял рукавицы, поклонился: «Баирла!» — и, полюбовавшись ими, вложил в руки удивленной Вике.

— Зачем мне? — сказала Вика, краснея. — Отдай лучше Светке.

— Зачем мне? — вспыхнула Света. — Что у нас в Ереване холодно, что ли? Это тебе в Москве как раз!

Старушка слушала монгольские песни, вертела по привычке кольцо и, к удовольствию Вики и всех ребят, кивала:

— Пасынджав будет рад. Любит радио!

Но вот, взглянув на часы, Генка повернул

Напившись чаю, все вышли из юрты и окружили Церендоржа, который разговаривал со старушкой. Она наливала в термос сутэцай для внука.

Церендорж спросил что-то у нее, старушка кивнула утвердительно, сделала страшные глаза, и руки ее стали рисовать в воздухе какие-то большие и длинные фигуры.

— Баин Дзак, — сказала она и показала рукой куда-то за горы.

— Баирла! — сказал Церендорж.

— Баирла! — крикнули ребята и, услышав в ответ то же слово, пошли к машине.

«Газик» уже пыхал у юрты. И как только экипаж забрался в него, тронулся с места.

А старушка отвязала коня, ловко вскочила в седло и, помахав вслед машине, поскакала в степь.

ручку, загорелся зеленый глазок индикатора, и где-то далеко-далеко женский голос сказал:

— Московское время семь часов сорок минут. Здравствуйте, ребята. Слушайте «Пионерскую зорьку».

И в знойный воздух понесся чистый звук пионерского горна.

В пустыне Гоби в маленькой юрте звучал горн Москвы! Он поднимал на учение, на работу, на боевые пионерские дела. В Москве только начиналось утро.

Радио передало вести из пионерских дружин; потом диктор рассказывал об Артеке и о празднике монгольских пионеров, на котором была советская делегация... А делегаты сидели в юрте, отхлебывали из пиал дымящийся солоноватый сутэцай.

Генка повернул переключатель, и в юрту влетел сильный голос певицы, исполнявшей известную оперную арию.

Новые фокусы Церендоржа

Три часа дня. Все вокруг замерло от жары. Но в душе у каждого участника экспедиции звенел утренний горн Москвы и призывал к действию. Генка повернулся к Церендоржу и спросил:

— Ну что, скоро динозавры?

Но в ответ Церендорж в изумлении повел головой:

— Какой быстрый! В один день хочешь уехать на миллионы лет назад!

Машина медленно шла на подъем, справа возвышались горы. На минуту Бата притормозил и тихо сказал:

— Архары!

На скале стоял горный баран. Его силуэт

четко вырисовывался на фоне неба, рога будто поддерживали горячее небо.

— Хорошо прыгают! — сказал Церендорж. — Бросаются со скалы в пропасть вниз головой, думаешь, убился, а он упал на рога, вскочил — и побежал!..

Машина взбиралась на крутую и голую, как потертый верблюжий бок, сопку.

— Держись! — крикнул Бата. «Газик» качнулся, все охнули, но машина уже одолела высоту, подпрыгнула и покатилась по равнине.

Ребята привстали. Теперь ехали по твердой, высохшей равнине, и по ней катились барханы, мелкие, как рябь на воде. Над барханами курились волны зноя, и то тут, то там в песке белели какие-то кости.

Генка присвистнул:

— Никаких ориентиров! Хотя бы один милиционер.

— Еще заблудимся! — сказала Света.

Но Церендорж, взглянув на Бату, улыбнулся.

— Монгол заблудится в пустыне? А?

Бата запел песню о прохладном монгольском море, по которому он мечтал поплавать:

— О Хубсугул, о Хубсугул...

И словно бы на его призыв из пустыни покатились синие волны.

Сначала Бата спокойно держал свой штурвал. Но через некоторое время, открыв дверцу, стал все чаще выглядывать из кабины и смотреть по сторонам.

Пустыня исчезла! Машина плыла по серебристым волнам, море плескалось впереди и набегало с боков, а вдали то поднимались, то исчезали контуры какого-то белого города...

Людмила Ивановна, сидевшая впереди, поправила очки, спросила:

— Что это?

— Мираж! — неуверенно сказал Генка. Уж очень явными были черты вырастающего впереди города.

Василий Григорьевич придвинулся поближе к окну и с удивлением всматривался в совершенно ясные городские очертания. Он видел разные миражи, но такой картины ему никогда не доводилось наблюдать.

Вон впереди чуть колеблется высокий отель... За ним белая зубчатая крепость. А вот что-то темное, похожее на памятник. А там, дальше, купол Капитолия. Нет, тут обмана быть не могло!

— Похоже на Гавану! — потрясенно сказал Василий Григорьевич. Но через некоторое время, недоумевая, предположил: — А может быть, на Бомбей...

Видения менялись одно за другим. Как будто гениальный архитектор никак не мог решить, какой город строить на этом зыбком берегу, и, изнывая от жары, предлагал один за другим свои проекты...

Машина проезжала сквозь летучие города, по бокам ее катились волны, а впереди на пробке радиатора плясал дымок.

Потом вдалеке появились горы. У их подножия прямо по воздуху прозрачный легкий наездник гнал легкого конька. А вот на вершине сопки появился орел и замахал крыльями.

Бата встряхнул головой и чуть замедлил ход. Людмила Ивановна, вздохнув, заметила:

— Чудеса да и только! — И засмеялась. — Не хватает совсем немногого.

Церендорж улыбнулся:

— Пионерской работы? Можно сделать! Сделаем? — спросил он у Баты.

Тот пожал плечами:

— Запросто! Если хотите.

Машина тем временем приблизилась к сопке, на которой сидел орел, объехала ее, и под колесами оказалась настоящая дорога. Вскоре они подъехали к красному транспаранту со словами «Добро пожаловать!».

А дальше под сопкой стоял палаточный городок. Белели тонкошерстные юрты, стояли разноцветные домики, а высоко в небе на штоке мачты полоскался красный флаг.

Людмила Ивановна близоруко прищурилась и посмотрела на Церендоржа. Церендорж рассмеялся от всей души. Это было волшебство, к которому он действительно имел самое прямое отношение!

Видение среди Гоби

Едва экспедиция въехала под голубую арку, как возле юрты вспыхнули золотом трубы и грянул туш. На выложенной из камушков линейке выстроилась пионерская дружина. Сверху блестела черная полоска стриженых голов и косичек, посередине была дорожка из свежих белых рубашек, а по ней бежал алый огонек пионерских галстуков.

Машина остановилась. Похожий на Бату молодой человек со значком мастера спорта скомандовал: «Лагерь, смирно!»

На какой-то миг Людмила Ивановна опешила, но вдруг, прищурив глаза, весело повернулась к ребятам: «Делегация, на выход!»

В полминуты делегация построилась.

Начальник лагеря, вскинув в приветствии руку, отрывисто рапортовал, что пионеры гобийского лагеря построены для встречи с советскими друзьями. Людмила Ивановна отсалютовала и произнесла горячую — на всю Гоби! — речь, вручила барабан лучшему барабанщику лагеря, и на месте недавних видений среди юрт и палаток заплескалось, зашумело озерко смуглых лиц, улыбок, галстуков. Замелькали открытки, значки, адреса.

А начальник лагеря, улучив минутку, бросился к смущенному Бате, обнял и... стал сердито за что-то ему выговаривать.

У них были одинаковые лица, одинаковые глаза. Казалось, Бата ругает Бату!

— Пионерский дарга ругает младшего брата, — пояснил Церендорж. — Как не стыдно! Целый год не был дома! Все работа и работа!

Правда, вскоре старший брат спохватился и воскликнул:

— У нас большая программа!

— Большая некогда, — возразил Церендорж. — Дорогая большая! Немного можно.

— Сначала обед... — начал пионерский дарга.

— Какой обед? — всплеснула руками Людмила Ивановна. — Они недавно завтракали.

— Тогда, — сказал начальник, — сначала знакомство с лагерем, потом — концерт, потом — кумыс.

Встреча

Василий Григорьевич ходил меж юрт, заглядывал в них и удивлялся, как аккуратно застелены койки, опрятно белеют столы, как много на них книг... Любовался каскадом фонтанов.

Куда бы он ни глядел, везде все занимались своим делом: Людмила Ивановна осматривала линейку, Вике и Светке новые подружки показывали свои вышивки на гутулах, мальчишки с упоением натягивали монгольские луки. Но скоро всех пригласили в большую юрту.

В прохладной полутьме сидели ребята.

В центре стояла свободная скамейка — ждала гостей.

Ребята шумели, о чем-то переговаривались.

— Спорят, — сказал Церендорж, — кто начнет программу, мальчик или девочка.

Но в круг вошли девочка и мальчик и, взявшись за руки, стали читать стихи про дружбу Монголии и Советского Союза. Им громко аплодировали. Церендорж стал переводить, но Светка сказала:

— Зачем? Все понятно!

— Ну и хорошо! — улыбнулся он.

Потом все хлопали лагерным акробатам и танцорам с луками.

Вдруг, расставив руки, как снижающаяся птица, на сцену выбежал невысокий лобастый мальчишка, он сделал круг, хлопнул себя ладонью в грудь, и зрители в юрте восторженно зааплодировали.

Начальник лагеря, войдя в круг, объявил:

— Выступает Калыртэн.

Калыртэн что-то произнес — в юрте примолкли. И вдруг он зарычал, махнул несуществующим хвостом, и всем стало ясно: на прогулку вышел сильный и грозный хищник.

Калыртэн разыгрывал басню о том, как грубый зверь обижает в округе всех, и больших и малых. Его все боятся... И вдруг кто-то, самый маленький, скорее всего зайчишка, смелостью и умом одерживает над ним победу.

Руки мальчика то извивались, льстиво плыли навстречу властелину — мальчик становился лукавым подпевалой, — то он превращался в волка, угрожающе заносил лапу, чтобы раздавить, смять, уничтожить. Но когда он — этот маленький храбрец — победил тирана и отшвырнул в сторону шкуру поверженного врага, ликованию аудитории не было предела. Поделом!

Это было фантастично! Перед глазами прошло столько персонажей, разыгралась драма. И все это изобразил один маленький Калыртэн!

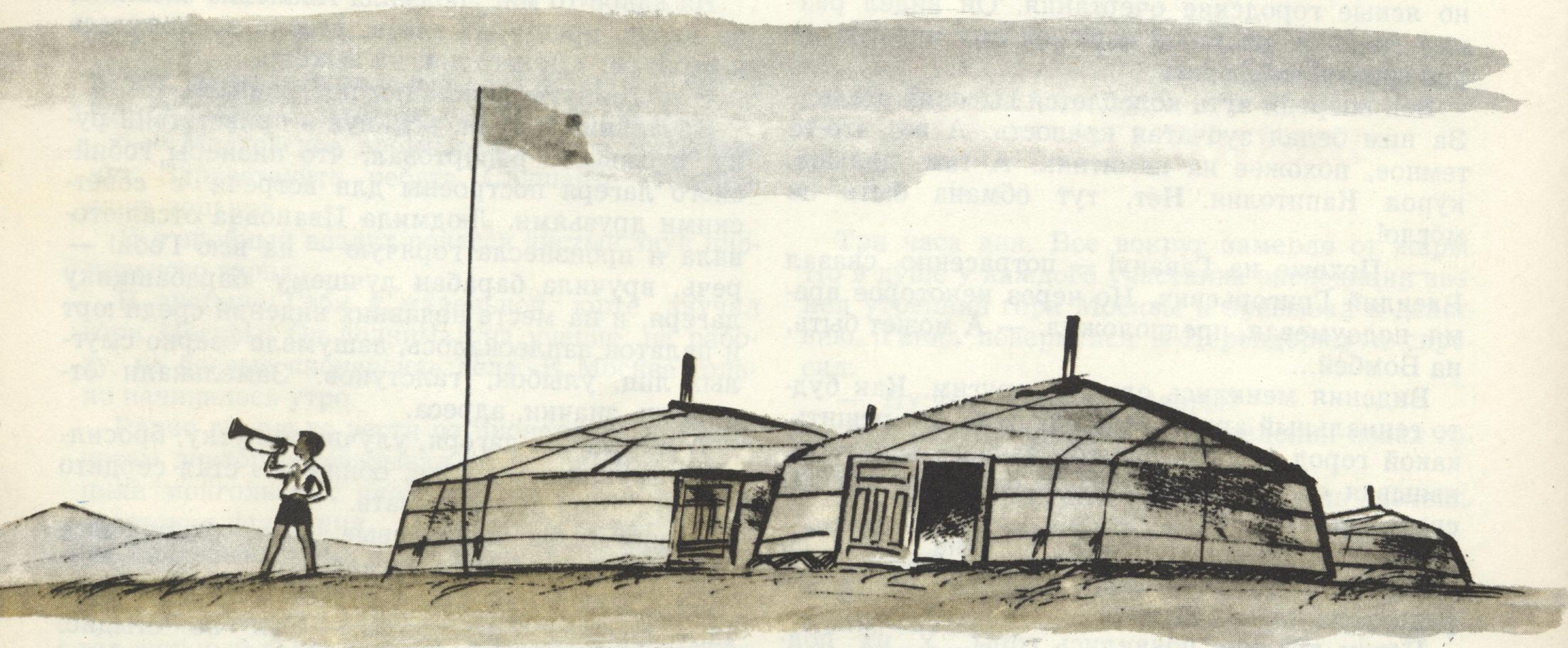
Зрители требовали артиста на сцену. Василий Григорьевич твердил:

— Гениально! Настоящий артист!

— Артист! — поддержал Церендорж.

— У него, наверно, и родители артисты? — предположил Коля.

— У него нет родных, — сказал Церендорж. — Папа был шофер — погиб. Случилась

беда. Умерла мама. Вырастили его добрые люди и народная власть... Талант!

Василий Григорьевич тоже вырос без отца и матери. И ему хотелось сказать маленькому артисту что-нибудь хорошее, и он направился к нему, но увидел, что Калыртэн лукаво смотрит в его сторону. А Церендорж, отирая с лица пот, сказал:

— Сейчас будет сцена «Калыртэн летит со слета».

Теперь Василий Григорьевич вспомнил, как они летели в самолете, вспомнил и то, что сейчас изображал Калыртэн. Вот он раскинул руки и показал, как самолет полетел. Вот пассажиры жуют конфеты, потом головы упали на ладони, они заснули. Вот прошествовала по салону стюардесса. Калыртэн поднялся из кресла и на цыпочках пошел в кабину пилота.

Из кабины он увидел, как широко раскинулись внизу пески, переливались барханы, а вдалеке возвышались горы...

Когда мальчик вернулся в салон, все спали, кроме одного человека, с полосками на груди. Калыртэн показал на Василия Григорьевича, и все, обернувшись, засмеялись, только он один смотрел на Калыртэна прищуренными глазами.

Мальчик один создал целый спектакль. И Василий Григорьевич вдруг подмигнул ему и раскинул руки — продолжил рассказ в лицах, Калыртэн подхватил, закружился волчком на сцене — самолет пошел на посадку.

Василий Григорьевич бросился в круг. Ему хотелось поблагодарить и обнять мальчишку. Но Калыртэн исчез. Тогда встал Церендорж и объявил, что сейчас будет выступать моряк и журналист Василий Алейников.

Этого Василий Григорьевич совершенно не ожидал. Но он стал рассказывать, как встретил в Гаване девочку, которая с пулеметом на плечах прошла с повстанцами, с Фиделем через всю Кубу, как в Индии играл с мальчишкой, который спас от акулы друга, и как в Африке подружился с голодным мальчуганом, который кусок хлеба делил со своими друзьями.

— А сегодня я видел маленького пастуха, который гнал огромную отару. Вместе с вами только что видел прекрасного артиста! Много я видел ребят в разных странах, — сказал Василий Григорьевич, — и всегда думал: хорошо, что на земле такие хорошие дети. И если вы будете делать друг для друга только хорошее, то какой прекрасной будет наша земля!

Светка вдруг спросила:

— Можно я спою?

— Еще бы! — воскликнул Церендорж. — Про ласточку?

И в юрте наступила такая тишина, что стало слышно, как тихо и легко где-то в горах Армении летает добрая труженица-ласточка.

Светка пела, пела про свою прекрасную землю. И вдруг ей помешали: Людмила Ивановна взволнованно крикнула:

— Генка и Калыртэн дерутся!

И вся делегация, Церендорж, Бата и пионерский дарга бросились из юрты.

Все это злые духи

У самого входа, подпрыгивая, хватаясь за рубахи и штаны, Генка и Калыртэн таскали друг друга из стороны в сторону.

— Ребята, что с вами? — крикнула Людмила Ивановна. — Этого еще не хватало.

Но подоспевший Церендорж крикнул:

— Не надо! Пусть дерутся! Это очень хороший драка — монгольский национальный борьба!

Но мальчишки уже отпустили друг друга, и Калыртэн, заправляя рубаху, обиженно сказал:

— Он попросил — я показал.

Церендорж умиротворенно махнул рукой. А начальник лагеря сказал:

— Концерт хороший, встреча хорошая. Теперь обед хороший!

Церендорж покачал головой:

— Какой обед? Надо ехать! Время!

— Куда ехать? — спросил начальник.

— За динозаврами! — сказал Церендорж.

А Бата махнул на запад, в сторону, где начинали синеть покрытые снегом вершины далеких гор.

— Зачем так далеко?! — сказал начальник. — Вот здесь, за лагерем, когда-то нашли вот такие отпечатки, — он развел руки. — Нашли, отрезали и увезли.

Это была сногсшибательная новость! Динозавры бродили когда-то по территории пионерского лагеря! И вся экспедиция в одно мгновение разлетелась по окрестностям. А Бата и Церендорж, пошептавшись с начальником лагеря, двинулись дальше.

Но вскоре все возвратились. Василий Григорьевич отряхивал пыль с чуба и брюк. Вика иронично усмехалась. А Светка, Генка и Коля пожимали плечами. Динозавры давно ушли. Следы уехали.

Оставалась надежда на одного Церендоржа. Уж он-то что-нибудь да сделает. Не может же он обмануть ожидания экспедиции!

И скоро из-за кухни появился Церендорж. Он в самом деле изо всех сил тянул длинную веревку, как будто сзади упирался по крайней мере средней величины тираннозавр.

— Ну, пошел! — крикнул Церендорж. И из-за юрты выбежала средней величины коза, которую подталкивал Бата.

— А где же динозавр? — съехидничала Людмила Ивановна.

— Ха! — всплеснул руками Церендорж. — Не поверишь. Злые духи. Все злые духи! Вот, — показал он, — вел динозавра, пришел, смотрю, сделали козу!

В дела экспедиции начали вмешиваться злые духи! Надо было торопиться.

— А может быть, задержитесь? — тревожно посмотрев на юг, сказал начальник лагеря. Но Бата обстукал баллоны и махнул рукой: «В дорогу!»

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

НЕ ЗАБЫВАЕТ НИ О КОМ ИЗ ВАС

А. ДЕРКАЧ,
первый заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Сейчас вся наша страна, все советские люди как большой всенародный праздник отмечают 60-летие Ленинского комсомола.

Ты, твой отряд, твоя дружина долго готовились к этому юбилею. Старались как можно лучше учиться, радовали окружающих полезными, нужными всем делами, заботились о том, чтобы не остался забытым никто из тех людей, которые много лет своей жизни отдали и отдают комсомолу.

Всюду и всегда вместе с тобой и с твоими товарищами были ваши вожатые, пионерские комиссары.

Поздравим их с праздником!

Пожелаем успехов в их важном и ответственном деле — воспитании юных граждан Советской страны!

Скажем большое пионерское спасибо за то, что они все свои силы, знания, сердце отдают вам, юным ленинцам!

А теперь, когда сказаны слова любви и благодарности, давайте еще раз все вместе и каждый в отдельности подумаем: сколько с нами забот у нашего вожатого, сколько проблем ставит перед ним каждый наш пионерский день, как это не просто — быть пионерским комиссаром.

Я расскажу тебе о **Юлии Васильевне Толкачевой,** старшей вожатой 470-й московской школы, председателе совета вожатых Красногвардейского района. А ты вспомни своего вожатого, постарайся лучше понять его, подружиться с ним.

Несколько лет председателем совета дружины 470-й московской школы была Марина Булкина. Хорошим председателем. Старшая вожатая Юлия Васильевна Толкачева говорит, что день ото дня работать ей становилось все легче, с Мариной они понимали друг друга с полуслова. Но вот Марина кончила школу, и во главе дружины встал новичок — шестиклассник Олег Панферов.

— Олег, в одном из отрядов ребята сорвали сбор звена. Как поступить? — спросила вожатая.

Оказалось, у многих в этот день были занятия секции легкой атлетики в спортивной школе. Звеньевой этого не учел, знал же он, что в его звене почти все спортсмены, а тренер у них строгий. Да и ребята не правы, что не настояли перенести сбор на другой день.

Вожатому надо научить Олега внимательно выслушивать товарищей. Любую ситуацию анализировать! Искать причину неудачи и только тогда принимать решение, как поступать. В данном случае Олег поговорил с ребятами, объяснил ошибку звеньевому. Предложил провести анкету: что в звене хорошо, что плохо? Гово-

рить с товарищами спокойно, тактично — этому тоже надо Олега научить.

— Олег, в одном из отрядов политинформация проходит скучно. В чем дело?

Говорят, Шишкин виноват. Несерьезный он человек. Ничего ему поручить нельзя. Если говорить честно, Олег и сам не знает, что тут делать: не хотят в этом отряде пионеры оставаться на политинформацию.

Олег подготовился сам: выбрал интересные материалы из газет и журналов, где рассказывается о так называемых «горячих точках планеты». Сделал небольшой политстенд — на нем фотографии, политические карикатуры, плакаты. Пригласил знакомого, который вернулся из заграничной поездки.

Ребята остались довольны, а старшая вожатая Юлия Васильевна хоть и похвалила Олега, все же сделала замечание. Конечно, иногда и самому нужно подать пример, показать, как лучше выполнить задание. Но всех подменять, за всех работать неправильно. Надо научить Андрея Шишкина вести политинформацию интересно. Шишкин тоже должен почувствовать себя нужным товарищам человеком. Нельзя позволить Андрею оставаться на всю жизнь вялым, пассивным, безразличным. И Юлия Васильевна учила Олега строить свои отношения с Андреем Шишкиным, помогать ему завоевывать интерес к себе своих товарищей. И когда они добились своего — это была настоящая победа!

— Олег, проведи занятия в школе пионерского актива.

— Олег, организуй поход в соседнюю школу — у них уже есть опыт создания разновозрастных отрядов.

— Олег, поговори с Сережей, с Таней, с Колей...

Олег да Олег, где ему все успеть?! И не знает Олег, что у вожатого тоже есть свои хитрости. Юлия Васильевна пока поручает ему только те дела, которые, она уверена, у него получатся хорошо. Новый председатель совета дружины должен завоевывать авторитет.

А мне Юлия Васильевна сказала:

— С такими, как Олег, мне проще. Что ни попросишь, все сделает. Но есть и такие ребята, которые от любого дела стараются увильнуть, от всякого поручения отказываются. И пока такие пионеры есть в дружине, на душе у меня не может быть спокойно...

Постарайся это понять. Партия, комсомол поставили перед твоим вожатым ответственную задачу: воспитать активную жизненную позицию у каждого пионера — будущего строителя коммунистического общества. И ты должен помочь своему пионерскому комиссару выполнить эту нелегкую задачу.

Я веду с тобой взрослый, серьезный разговор. Мне хочется, чтобы ты научился уважать труд своего вожатого, чтобы помогал ему во всем.

— Воспитать любовь к Родине, к труду, к людям, мне кажется, лучше всего на деле, — говорит Юлия Васильевна. — Мы стараемся находить такие дела, которые приносили бы людям радость, пользу, а ребятам были интересны.

Микрорайон 470-й школы — новостройка. Жилые кварталы поднимаются один за другим, и жэкам нужно помогать: приводить улицы в порядок, сажать деревья, строить спортивные и детские площадки. В новых домах люди еще плохо знают друг друга, кому чем помочь — тут без тимуровской разведки не обойтись. В каждом доме — свой разновозрастной отряд. Работой совета командиров руководит совет дружины.

Дело для 470-й школы новое, пока еще не все ладится, но всем нравится — разновозрастные отряды уже действуют. К 60-летию комсомола они уже многое успели сделать в своем микрорайоне.

— Но главный успех всякого дела, — говорит Юлия Васильевна, — когда, выполнив его, люди становятся лучше.

Было время, Оксана Варюхина отказывалась от любого поручения. Сейчас она самый активный экскурсовод в музее боевой славы. Как-то в понедельник пришла в пионерскую комнату, рассказывает: ездила с родителями в Дубосеково на прогулку. Шли лесами, полями. Увидели среди поля братскую могилу, которую, видно, никто давно не убирал. Варюхины очистили вокруг траву, положили к подножию цветы, Оксана настояла, чтобы поехали в ближайшее село — поговорить с пионерами, тимуровцами.

Оксана, которая прежде ни в чем не хотела участвовать, сама проявила инициативу, стала организатором — это победа!

Лена Губанова — теперь лучший горнист в районе — это тоже победа! Лена, которая срывала сборы, уроки, дралась и безобразничала! Как это получилось у них? Я думаю, потому, что вожатая Юлия Васильевна учит их думать о каждом человеке, видеть его сильные и слабые стороны, находить путь к его сердцу не окриком, не наказанием, а добрым и умным словом, тактичным поступком, через дело, которое человеку нравится.

Не знаю, задумывался ли ты когда-нибудь, почему в нашем народе овеяно такой любовью и почетом это особое звание — комиссар.

Наши прославленные боевые комиссары были первыми помощниками командиров, помогали им увидеть и решить главные задачи. А еще комиссары, решая большие и важные дела, не забывали о каждом человеке в отдельности, о каждом без исключения. И вот теперь, сколько бы лет ни прошло, любовь, уважение и память, которые хранило сердце каждого, передаются из поколения в поколение.

Пионерский комиссар тоже находит и решает свои важные задачи и при этом не забывает ни о ком из вас. И все вы всегда можете прийти с любым делом и с любым вопросом к своему вожатому, вашему старшему товарищу, комсомольцу.

Рисунок С. ТРОФИМОВА

САМЫЕ ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Не так давно вы смотрели по телевизору и слушали по радио только детские передачи. Теперь вы вместе с родителями смотрите и слушаете программу «Время», «Новости», «Последние известия». По утрам листаете пионерские газеты и журналы. Многие ребята, мы знаем, читают «Комсомольскую правду», журналы «Ровесник» и «Вокруг света», «Наука и жизнь» и «За рубежом»... Как разобраться в огромном потоке информации? Как все правильно понять, не пропустить главное? Можно поговорить с родителями. Задать вопрос учителю. Очень интересно и с товарищами обсудить то, что тебя волнует.

О том, как проводить в отряде политинформацию, рассказывает начальник дружины «Штормовая» Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» Борис МАКАРЫЧЕВ.

Кому поручить?

Конечно, тем вашим товарищам (одному или нескольким), которым интересно этим заниматься. Наверняка среди вас есть такие ребята, которые всегда хорошо знают обо всем, что происходит в нашей стране и в мире, разбираются в происходящих событиях, умеют выделить для общего разговора главное, ясно и толково отвечать на вопросы. Им и поручите быть политинформаторами.

Не страшно, если на какой-то ваш вопрос политинформатор не сможет сразу ответить. К следующей встрече он посмотрит журналы, книги, поговорит со взрослыми — подготовит необходимый для ответа материал.

Чтобы те ребята, которым вы хотите поручить вести политинформацию, могли проверить свои знания, составьте анкету с помощью старшего пионервожатого или комитета комсомола. Вопросы в анкете могут быть примерно такими:

Какие важные события произошли в нашей стране и в мире за последний год?

Какие «горячие точки» планеты ты знаешь?

Как молодежь и пионеры нашей страны борются за мир?

И многие другие вопросы.

О чем рассказывать...

Но вот все в отряде у вас решено. Политинформатором поручили быть тебе. Перед тобой свежие номера «Пионерской правды», журналов «Пионер», «Костер», республиканские пионерские газета и журнал. А еще и «Комсомольская правда» и журнал «Ровесник»... Газеты и журналы — первые твои помощники. Прежде всего выбери те материалы, которые рассказывают о делах и планах нашего народа, нашей молодежи, пионеров. Начинай с самых главных событий. Скажем, сейчас, в октябре, таким огромным событием будет празднование 60-летия Ленинского комсомола.

Сообщения о съездах, фестивалях, праздниках лучше строить в форме дневника: как проходил первый день, как второй...

Рассказывая о событиях за рубежом, особое внимание удели так называемым «горя-

чим точкам» планеты, где в данный момент наиболее напряженная обстановка. Например, Ближний Восток, Юг Африки.

Новости науки, искусства, спорта тоже необходимо сообщать ребятам.

Такая политинформация называется **обзорной.** Можно провести и **тематическую** политинформацию, посвященную одной проблеме или одному событию. Предположим, участию детей в борьбе за мир. Можно рассказать о разных детских пионерских и демократических организациях, вспомнить, в каких международных акциях участвовали советские пионеры и ребята других социалистических стран (зарабатывали деньги на строительство Дворца пионеров в Ханое, посылали подарки детям Анголы, боролись за освобождение Анджелы Дэвис, Луиса Корвалана, Джона Харриса). Рассказать, как пионеры вашего города, вашего КИДа участвуют в борьбе за мир.

Какую бы ты политинформацию ни проводил, обзорную или тематическую, у тебя под рукой должна быть политическая карта мира. Непонятные слова, незнакомые политические термины заранее выпиши на доске и объясни ребятам, что они означают. Уже три года «Международный пресс-центр журнала «Пионер» печатает политический словарик «От А до Я». Из него ты узнаешь значение многих необходимых тебе слов.

...И что показывать

Хорошо, если во время выступления политинформатор показывает своим товарищам фотографии, карты и планы, схемы, политические рисунки, карикатуры. Чтобы все ребята могли их как следует рассмотреть, можно сделать специальный стенд.

На таком стенде можно поместить подборку материалов о каком-то одном событии, о новостях искусства и спорта.

Как сделать, чтобы слушали?

Нужно постоянно думать о том, чтобы ваши встречи проходили по-разному. Можно пригласить тех, кто побывал за рубежом в командировке или в туристской поездке. Можно устроить пресс-конференцию, вечер вопросов и ответов.

Однажды ребята «Орленка» решили как-нибудь необычно провести разговор о том, чем живет наша страна сегодня. Дело было летом. Каждый день газеты и радио сообщали о ходе уборочной страды. И темой политинформации стала уборка урожая. А провели ее в форме игры-путешествия «Агитпоезд».

В этом поезде были вагон-редакция, штаб «Комсомольского прожектора», агитдесант, группа, выпускающая плакаты, агитбригада.

«Главный редактор» получал от «корреспондентов» сообщения, как убирают урожай совхозы и колхозы Кубани, края, где находится наш лагерь. «Редакция» выпустила номер газеты.

«Комсомольский прожектор» нашего «поезда» призывал: «Ни минуты простоя, ни грамма потерь!» Очень важно, чтобы урожай был убран не только в срок, но и без потерь. Если на каждом квадратном метре полей страны оставить только один грамм зерна, страна потеряет 1 миллион 314 тонн хлеба.

Звено «художников» сделало несколько плакатов и предложило ребятам принять участие в конкурсе плакатов, посвященном уборочной страде. Язык плаката — броский рисунок и подпись-призыв — доступен и понятен всем.

Агитдесант подготовил беседу о новой Конституции СССР. Агитбригада показала концерт.

Такое «путешествие» и вы можете совершить по ударным комсомольским стройкам страны или по стройкам вашего города.

С кем посоветоваться

В некоторых школах ребята создают совет политинформаторов, куда входят все информаторы пионерских отрядов и комсомольских групп. Старшие ребята, комсомольцы, учат младших проводить беседы, оформлять политстенды, устраивать игры-путешествия, организовывать агитпоезда. То, что политинформаторам кажется трудным, непонятным, можно обсудить с преподавателем истории, с заместителем директора по воспитательной работе, пригласить их на заседание совета.

Совет политинформаторов вместе с советом дружины, комитетом комсомола и клубом интернациональной дружбы может провести в школе конкурс политплакатов, конкурс рисунков на асфальте, конкурс политической песни. Политинформатору одного отряда это не под силу.

Чем чаще ты будешь проводить политинформации в классе, тем лучше твои одноклассники будут ориентироваться в международных событиях, в общем потоке политической и научной информации.

ПРИВЕТ

Роберт БАБЛОЯН

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Рисунки В. КОСТИЦЫНА

Хотите верьте, хотите нет, но спортом я стал заниматься, чтобы... лучше учиться в школе. Многие ребята из нашего класса стараются хорошо учиться, чтобы им разрешили заниматься спортом.

Хотите верьте, хотите нет, но спортом я стал заниматься, чтобы... лучше защитить себя, если кто-то обидит. Я очень переживал, обижался, когда ребята дразнили меня: «Руки коротки!» «Руки коротки!» Ко мне это не относилось, потому что как раз руки у меня были длинные, только немного тонкие. Может, силы в них маловато?

Я пошел к ВВС. Так мы звали Веремеенко Владимира Семеновича, тренера из общества «Трудовые резервы», который жил в нашем доме.

— Владимир Семенович, можно мне записаться к вам в секцию борьбы? — выпалил я с ходу, едва переступив порог.

Он посадил меня в глубокое кресло и, застегнув «молнию» на своем синем свитере, сел напротив меня.

— А что это вдруг? — спокойно спросил он.

Я рассказал, как однажды у Станкоинструментального техникума на меня напали два хулигана и отняли игрушку — здоровенного медвежонка, которого я нес своему другу Борису Петрушову. Как мне тогда было стыдно, что силенок мне не хватило, чтобы постоять за себя! И я попросил:

— Можно, чтобы наши ребята об этом не знали?

ВВС обещал, что никому ничего не скажет. Спросил:

— Ты в каком классе?

— В седьмом.

— Как учишься?

— Двоек нет.

— Одни тройки?

Я промолчал. Я не стал объяснять, что хочу заниматься спортом, чтобы лучше учиться.

— Ну вот что, — поднялся ВВС, — приходи в воскресенье на занятия. В двенадцать ноль-ноль. Только запомни: чтобы стать хорошим спортсменом, надо научиться во многом себе отказывать. Быть дисциплинированным, волевым человеком. И отметки в школе иметь не ниже четверок. Понятно? И еще: удача, если она придет, не должна вскружить голову, а поражение не должно подрезать крылья. Ясно?

К первому занятию я готовился как... турист к путешествию, как летчик к первому полету. Я даже надел свой парадный коричневый костюм. Бабушка сунула мне в карман свежий носовой платок и крикнула вдогонку:

— Иди не спеша. По сторонам не глазей... Смотри под ноги... На мосту вниз не смотри...

В спортзале мне сначала не понравилось: воздух тяжелый и слишком много народу. Но когда все ребята надели борцовскую форму, стало веселее, словно на физкультурном параде на Красной площади.

— Ты какой борьбой хочешь заниматься? — спросил ВВС.

Я задумался.

— А Иван Поддубный какой занимался?

— Иван Поддубный? — ВВС улыбнулся. — Сначала он был известен как лучший борец на поясах. А однажды ему пришлось выступать в соревнованиях по джиу-джитсу. Со знаменитым японцем...

— И выиграл?

— И выиграл. Поддубный никогда никому не проигрывал... Ну, так чем ты будешь заниматься? Самбо? Вольной?

— А вы кого тренируете?

— Я классической борьбой занимаюсь, — ответил ВВС.

— Я хочу к вам.

Первое занятие показалось мне неинтересным: приседания, пригибания, бег на месте, бег по кругу — одним словом, разминка. И так целый час! А мне не терпелось поскорее надеть форму, тапочки-борцовки и выйти на ковер. И сразу же положить на обе лопатки противника. А вечером похвастаться перед Сережкой-Чубом, а он, можно было не сомневаться, растрезвонит по всему дому. И тогда, наконец, о моих успехах узнает Ирка Николаева.

Но ВВС, снимая свитер, объявил:

— Новички, одевайтесь — и по домам!

Я почувствовал себя уставшим. По дороге домой мне встретился Генка-Комиссар. Он ехал на новеньком красном велосипеде и почему-то переваливался то влево, то вправо — в зависимости от того, на какую педаль нажимал. Он подъехал ко мне и, покосившись на мой сверток, спросил:

— Эй, Вобла, откуда дровишки?

— Из лесу, вестимо, — ответил я.

Генка спрыгнул с велика и пошел рядом.

— Хочешь прокатиться?

— А перчатки дашь? — спросил я.

— Перчатки не дам!

Перчатки у него были отменные: из темно-красной кожи, коротенькие, сверху кругленькие дырочки. Мечта!

— Почему не дашь?

— Потому что они чешские.

— Откуда ты знаешь?

— Мой старший брат купил их в Чехословакии.

— Гм, а может, они вовсе и не чешские? — Я пытался хоть чем-то ему насолить. — Он мог там купить и шведские, и английские, и советские перчатки.

Генка не ответил. Молча сел на свой велик и укатил.

Вечером я гулять не пошел. Сел за уроки. И потом я так поступал всегда: в день тренировок вечером гулять не ходил. Ребята злословили: ему, мол, репетитора наняли... Другие говорили: влюбился в девочку. Ездит к ней на свидание на окраину Москвы. Кто-то даже выдумал, что я во фруктовой лавке грузчиком устроился: на мотороллер себе зарабатываю...

ВВС сказал:

— Чем скорее поправишь свои дела в школе, тем раньше допущу тебя к соревнованиям.

Я изо всех сил занимался. И ждал. Наконец пришел долгожданный день.

Мне выдали новое трико, черные борцовки на тончайшей белой подошве... За два часа до начала соревнований я пошел взвешиваться.

— Будешь выступать в полулегком весе, — сказал тренер.

У меня испортилось настроение. «Полулегкий» — не понравилось мне это «полу». Помните, у Пушкина есть эпиграмма на человека, которого он не любил и не уважал: «полу-милорд, полу-купец, полу-мудрец, полу-невежда». Нет, не понравился мне этот мой «полувес»! Словно это слово подчеркивало мою неполноценность.

— Командам выйти на построение! — раздался голос в рупор.

Встреча была товарищеская. Новички общества «Динамо» пробовали свои силы, соревнуясь с нами, «резервистами» — так называли спортсменов из общества «Трудовые резервы».

Передо мной должны были выступать ребята, которые легче меня по весу. И я пока сидел в зале, как на скамье подсудимых: ерзал, почесывал за ухом (так я всегда делаю, когда волнуюсь), проверил, хорошо ли прошнурованы борцовки, подергал резинку на плавках («вот интересно будет, если лопнет!»).

Я знал, что выиграю. Точнее, надеялся. Кавказ дал много выдающихся борцов мирового класса. Чем я хуже?

Я подумал: если выиграю, сразу напишу в Ереван, оповещу всех родственников. Сережке позвоню сегодня же вечером. Утром о моей победе будет знать весь класс, может быть, даже вся школа. И Ира тоже...

Ко мне подошел ВВС, отозвал в сторону:

— Послушай, орел, у тебя длинные руки, не забывай быть активным в стойке. Если противник окажется худеньким, тащи его «на бедровой». В партере старайся свалить «перекатом». Не попадись на «замок»: шея у тебя тонкая, боли долго не выдержишь... Ну, беги!

Я вышел на ковер. Растопырил ноги циркулем, чтобы казаться грозным, насупил брови. Зная, что руки тонкие, спрятал их за спину и стал дожидаться команды.

— Вперед! — объявил судья.

Я почесал за ухом, подошел к противнику, поклонился в знак приветствия, сделал шаг назад, и схватка началась.

Передо мной запрыгало большое темное пятно. Это был мой противник. Его во что бы то ни стало надо было свалить на ковер, да так, чтобы он... Пока я об этом подумал, он сам несколько раз кинулся ко мне. Один раз пытался схватить меня за голову, другой раз — за пояс... Но не тут-то было! Я успевал отходить.

Я ничего вокруг не видел, никого не слышал.

Я должен был его побороть.

Я заметил, что свою правую руку мой противник свободно держит впереди себя, в то время как левой все время делает обманные движения. Его правая рука была очень близка к моей левой. Я прицелился и... раз — схватил своей левой его правую руку, и... два — согнулся и влез под него, и... три — перебросил его через плечо. Хотел было навалиться на него, вдруг слышу свисток судьи. Конец! Неужели?! Фу ты, черт!

Судья указал подбородком на углы ковра, и мы, борцы, молча ему повиновались.

Перерыв. Через несколько секунд судья снова вызвал нас на середину ковра и почти сразу же взметнул вверх мою левую руку: победа! Первое выступление и первая победа. Сегодня же дам телеграмму маме!

Кто-то громко крикнул «ура», кто-то захлопал в ладоши, кто-то свистнул.

У гардероба ждал ВВС. Он похлопал меня по плечу:

— Молодец, орленок! В душ — и марш одеваться!

Выяснилось, что среди болельщиков в зале была Ирина. Был и Генка. Может, она ради него пришла? Чтобы на раме его велика прокатиться? Были и Стас-Профессор, и Спичка, и Жирный, и Нина-Воображалка, у которой отец за границей работал.

Все они подошли ко мне, и каждый поздравил с победой. Оказалось, их пригласил Владимир Семенович, чтобы и у меня были болельщики.

С этого дня началась моя спортивная карьера. И мне стали мерещиться Париж, Лондон, Сингапур, блестящие медали...

Поздно вечером, как только бабушка заснула, я накинул на плечи пальто — за окном стоял ноябрь — и вышел на улицу. Ноги привели меня к Станкоинструментальному техникуму.

Вокруг ни души. Пустые машины-такси долго и назойливо приглашали меня гудками. Я ждал встречи. С тем самым хулиганом, который медвежонка у меня отнял. Но он не появлялся. А мне так хотелось проверить свои силы!

Я старался не вспоминать слова тренера: «Помни, победа не должна вскружить тебе голову...»

Я благополучно перешел в восьмой класс. Всего с одной тройкой! И родители отправили меня на лето в Ереван, к родственникам. Должен сказать, что к этому времени я уже одержал семь побед, получил третий спортивный разряд среди мальчиков и хранил газету, в которой упоминалась и моя фамилия — наш клуб занял второе место в городских соревнованиях. Газету я вез в Ереван. Я положил ее на самое дно своего чемодана. И прикрыл еще картоном, чтобы не помялась.

...А осенью, когда я вернулся домой, начались отборочные соревнования на Республиканскую школьную олимпиаду. ВВС сказал, что мне достаточно выиграть одну встречу, и тогда в дни зимних каникул я поеду на олимпиаду в Ленинград.

— Марш на весы, — сказал Владимир Семенович и пошел за мной следом.

И тут случилось непредвиденное. ВВС посмотрел на циферблат весов и ахнул:

— О-го-го, орленок! Ну и откормили тебя родственники за лето... Четыреста граммов лишних! Придется работать в легком весе. Осилишь?

— Не знаю, — ответил я, чуть не плача.

— Ну ладно, — сказал ВВС, — не огорчайся. Попробуем похудеть. Надень пару свитерочков, пальто — и вокруг стадиона! Бегом марш!..

После бега, мокрый, запыхавшийся, я скинул с себя одежду и встал на весы.

— Сто граммов все-таки лишних, — спокойно сказал тренер. — Будешь бороться в легком.

Что ж, в легком так в легком! Я сам когдато хотел избавиться от этого неприятного «полу». Мое желание исполнилось.

— Болельщики будут? — спросил я, направляясь в гардеробную.

— Будут, — сказал ВВС, — весь восьмой «а» и еще ребята из нашего дома. — Он помолчал и добавил: — И девочки тоже.

Соревнования проводились в воскресенье, на манеже цирка.

— Смотри, орленок, не попадись на «замок», — напутствовал ВВС. — Старайся набирать очки в стойке. Ну, вперед!

Я встал у края ковра. Погладил правой ногой ковер. Занял исходное положение. Как всегда, раздвинул ноги циркулем и, чтобы казаться грозным, насупил брови. Спрятал ладони за спину — противнику незачем сразу показывать мои тонкие руки.

На другом конце ковра стоял коренастый бритоголовый парень, чуть ниже и намного полнее меня. И руки у него были короткими. И на лбу, будто приклеенный, висел черный треугольный чуб, как у казака, который на картине Репина пишет письмо турецкому султану.

— Вперед, — объявил судья.

Я почесал за ухом, медленно подошел к противнику, поклонился в знак приветствия, сделал шаг назад, и схватка началась.

Снова ничего вокруг не видел и никого не слышал. Передо мной маячила эта бритая голова. Она ослепляла меня. А может, это был свет от телевизионных прожекторов?

Я первым кинулся в атаку. Хотел перекинуть противника через плечо. Ох ты, какой тяжелый! Как будто из чугуна. Попробовал «через бедро». Не получилось.

Зазвучал гонг. В запасе у меня оказалось два очка. Всего-навсего.

Он «сел в партер». Я провел «перекат». Удачно. Он «ушел через голову». Я заработал очко. Но чувствую: тяжело дышу. Еще гонг. Я в «партере».

Бритоголовый меня за пояс, я на живот. Он еще раз меня за пояс, я снова на живот. Он — раз! И каким-то чудом нырнул под мое плечо и сделал «замок».

Я пытаюсь сбросить его руку с моей шеи — тщетно. Нервничаю, потею. Он цепко держит мою голову в железных тисках и с каждой секундой давит все сильнее и сильнее. Как будто я не его товарищ, не такой же, как он, мальчишка, только из другой школы!

Нет, сил больше нет, терпения — тоже.

Я похлопал рукой по ковру: капитуляция. Позор! Поражение!

Судья ударил в гонг.

Я растянулся на ковре, как вратарь после непростительно пропущенного гола.

ВВС похлопал меня по плечу:

— Молодец, орленок, ты сегодня, как никогда, боролся по-бойцовски... Тебе надо «качать шею»... Но в общем неплохо. В душ — и одеваться!

Я вышел на улицу и удивился: было еще светло. А мне казалось, что на всей планете уже наступила ночь. Или по крайней мере солнечное затмение. И надолго. Навсегда.

Тут я увидел Иру Николаеву. Она ждала меня. В одной руке у нее был нотный альбом, другой она держала руль велосипеда. Генинего велосипеда.

Я хотел молча пройти мимо Иры, но она остановила меня:

— Генка просил передать тебе свои извинения. Он не дождался конца поединка и уехал. А велосипед просил отвезти к нему домой.

Я обрадовался: значит, Генка не знает, что я проиграл!

Мы пошли: я по одну, Ира — по другую сторону велосипеда. Долго шли молча. Затем вдруг Ира раскрыла нотную папку, достала оттуда ярко-красные кожаные перчатки с ровными, словно их моль съела, дырочками и протянула мне. Вот они, заветные чехословацкие перчатки! Я надел их и вскочил в седло. Ира молча села на раму. Ее голова оказалась под моим подбородком. От ее волос пахло... ландышем.

Я старался крутить педали как можно медленнее.

У нашего дома Ира спрыгнула с рамы:

— Генка просил велосипед поставить к их двери, а перчатки... оставь себе. Он их тебе дарит.

Я онемел от счастья. Я сегодня проиграл схватку. Это был мой восьмой бой. Мое первое поражение и последнее. Последнее, потому что я решил больше никогда в жизни... не выходить на ковер. Я забыл завет тренера: поражение не должно подрезать мне крылья, а, напротив, должно утроить мои силы, мою волю к победе...

А может быть, тренер прав?

Может быть, послушав его, через несколько лет я стану чемпионом мира? И Ира на своем прекрасном «Шнейдере» сыграет победный марш по случаю моей Большой Олимпийской медали?!

Утром я позвонил ВВС:

— Сегодня будут занятия?

Прекрасна и неповторима каневская земля, чье прошлое и настоящее — славные страницы истории и культуры нашей многонациональной страны. На этой земле в селе Мартыновка родился основатель Польской рабочей партии Людвиг Маринский. В селе Прохоровка бывал великий полководец Александр Суворов, жил первый ректор Киевского университета Максимович, в гости к которому приезжали Шевченко и Гоголь. В Каневе, на высокой днепровской круче похоронен великий Кобзарь — Тарас Григорьевич Шевченко. Рядом — могила нашего любимого писателя Аркадия Гайдара, погибшего под Леплявой осенью 1941 года.

Здесь, в Каневе, сохранилась школа, в которой перед войной учился герой краснодонского подполья Олег Кошевой. Ему поставлен возле школы скромный памятник, вокруг которого всегда растут цветы.

А рядом с городом, утопающим в зелени,— Каневская ГЭС. Героическое прошлое и героическое настоящее живут рядом. И на поклон к людям с горячим сердцем Данко идут все новые и новые тысячи — взрослые и дети,— чтобы воочию увидеть эти дорогие и близкие сердцу места. Со всех концов страны. Со всех концов планеты — из ста двадцати стран.

И никто не проходит мимо необычной библиотеки и необычного музея, носящего имя А. П. Гайдара. Библиотека-музей — это вечно живой памятник бессмертному подвигу Гайдара, подвигу солдата и подвигу писателя.

Он был открыт на средства, заработанные пионерами Украины и всей страны. Ребята сами собирали многие экспонаты музея, они сами проводят экскурсии, встречают гостей — и взрослых и своих сверстников.

Необыкновенная библиотека, необыкновенный музей

Во главе библиотеки-музея А. П. Гайдара долгие годы стоит удивительный по доброте человек, бесконечно влюбленный в творчество Гайдара, активный член Всесоюзного штаба Тимура (в детские годы сам тимуровец) — Василий Афанасьевич Береза.

Это его усилиями библиотека-музей пополнилась редкими экспонатами. Это его беспокойное сердце в каждом разделе экспозиции о жизни и героическом подвиге Гайдара. Это он предложил начать операцию «Сумка Гайдара» — пионерский поиск тайника, куда были спрятаны последние рукописи писателя-бойца.

Более трехсот экспедиционных отрядов побывало в партизанском лесу под Леплявой. Сотни километров прошагали они. И вместе с ними — В. А. Береза. Много кубометров земли перекопали красные следопыты. И вместе с ними копал директор библиотеки-музея А. П. Гайдара. И хотя пока поиск не принес удачи, но зато бесценные находки пополнили музейную экспозицию: проржавевшие каски, пулеметные ленты, гильзы...

О музее, его создании, об интересных поисках и находках и написал **Василий Афанасьевич Береза** очень интересную и нужную книжку, которая называется просто: **«Библиотека-музей Аркадия Гайдара».**

Много удивительных и поучительных фактов из жизни Гайдара узнаете вы, прочитав эту книгу,— о личных вещах Гайдара, о первых изданиях его книг.

Совсем недавно музей пополнился другим уникальным документом наших дней — сын писателя, Тимур Гайдар, подарил музею оригинал свидетельства о присвоении имени писателя одной из малых планет.

Журнал «Пионер» передал Почетный диплом А. П. Гайдара, которым награждаются лучшие повести и рассказы года, опубликованные в журнале.

И ты, наш друг-тимуровец, можешь помочь библиотеке-музею. Сейчас в нем создается раздел «История и сегодняшний день тимуровского движения». Расскажи о работе тимуровцев вашего города и села, о первых тимуровцах, пошли рассказ о них, фотографии в музей. Может быть, сохранились вырезки газет военных лет с материалами о тимуровских делах. Сделайте фотокопию и тоже пошлите по адресу: Украинская ССР, Черкасская область, г. Канев, библиотека-музей Аркадия Гайдара.

И еще об одном. Когда будете разрабатывать свой летний маршрут по гайдаровским местам, обязательно включите в него и город Канев, где живут замечательные пионеры-тимуровцы, где стоит необыкновенная библиотека и необыкновенный музей, о котором так тепло и сердечно рассказал ваш большой друг Василий Афанасьевич Береза.

С. ФУРИН.

і и никого
эта бритая
может, это
торов?
тел переки-
ы, какой тя-
овал «через
оказалось
«перекат».
Я заработал
Еще гонг.
живот. Он

другой он
го велоси
Я хоте
остановил
— Ген
нения.
уехал. А
домой.
Я обра
я проигра
Мы по
рону вел
вдруг Ир
туда ярк
ми, словн

«Кораблик» * Печатает только тебя * Журнал в журнале *

«ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ» — так называется журнал литературно-творческого кружка Московского городского Дворца пионеров и школьников.

Стихи, которые ты прочтешь на этих страницах, были напечатаны в журнале «ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ».

Юра Крашников, 5-й класс, школа № 28.

Окоп

Заросший окоп у села Снигири
Туманной зарей обагрен.
И в тлеющем свете туманной зари
О прошлом напомнит нам он.

Вот ржавые гильзы в окопе лежат...
Когда-то здесь бой смертный шел.
Но выдержал натиск советский солдат,
И враг на Москву не прошел.

Не на жизнь, а на смерть защитник-солдат
За Родину дрался тогда...
И подвиг его люди помнят и чтят.
Он в сердце у нас навсегда.

Таня Гаврилова, 8-й класс, школа № 20.

Химия

А химия, представьте, может быть
И другом человека и врагом.
Она способна отравить, убить
И обернуться лечащим врачом.
Ведь самая хорошая наука
К нам то добром, то злобой повернется,
Смотря в какие, в чьи попала руки,
И кто смотря за химию возьмется.

Саша Путляев, 7-й класс, школа № 28.

Фантазия

Летит фиолетовая тарелка
В сине-лазоревой вышине,
Летит космическая тарелка
Не наяву — у меня в голове!

Чернота космической дали
Привлекает меня к себе,
А галактики так и сияют,
И ракеты несутся во тьме.

Вот лечу я один на ракете...
Подплывает ко мне что-то...
...Оказалось — это учебник —
Надо же делать уроки!

«Пейзаж».* *Ярослав ПОВИТУХИН, 6-й класс.

Зима.
Саша НЮНИНА,
6 лет.

Миша Волович,
5-й класс, школа № 2.

Дорожное

Вехи — телеграфные столбы,
Удаляются с каким-то нежеланьем,
Будто опечалены они
С нашим поездом расставанием.

Не печальтесь, я еще приду,
Я еще приду к вам, одинокие,
А пока постойте в тишине
У дороги вы.

Что ж вы так торопитесь, столбы?!
...Поезд встал, и объявляют прибывание.
И теперь я опечален, как и вы,
С тем же поездом
Таким же расставаньем.

Оля Комарова,.
9-й класс, школа № 104.

Рябина

Тянется рябина
к моему окну,
Желтыми ладошками
водит по стеклу.
Гроздьями усыпана,
красными и сочными,
Может, их рябина
подарить мне хочет?
Под напором ветра
клонится к земле,
Листьями шершавыми
что-то шепчет мне.

Кораблики

Кончилось лето,
снова осень настала,
и с вершины березы
три листочка упало.
Пролетели листочки
над парком,
а потом
над воротной аркой,
словно красные и желтые
кораблики,
пролетели листочки
за фабрикой,
а потом
над фонтаном
и опять
над парком-океаном...
Покружились,
покружились на прощание,
Тихо в речку опустились.
До свидания!

Вожаки комсомола

С. СЛАВИН

Ты уже, наверно, не раз держал книжку, на корешке которой изображен горящий факел и три буквы «ЖЗЛ». Эту серию книг о жизни замечательных людей предложил издавать Алексей Максимович Горький еще в 1933 году. С тех пор вышли сотни книг о замечательных революционерах и полководцах, писателях и художниках, рабочих и ученых, о людях, чьи биографии — достойный пример для подражания. А совсем недавно, в год 60-летия ВЛКСМ, издательство «Молодая гвардия» подарило еще одну интересную книгу, вышедшую уже в третий раз. Называется она **«Вожаки комсомола»**. Эта книга о тех, кто создавал, укреплял Коммунистический Союз Молодежи.

Уже на первых страницах книги ты встретишь слова и выражения, которые сегодня не встречаются в наших повседневных разговорах — «ячейка», «красная повозка», «неделя сухаря», «легкая кавалерия» и многие другие. Все эти слова отражают ту эпоху, когда рос и мужал твой вожатый — Ленинский комсомол. Эпоху творят миллионы людей. Ведут их за собой верные сыны и дочери народа, руководители партии и вожаки союза молодежи. В книге ты прочитаешь рассказ о героической девушке Лизе Пылаевой, одной из организаторов первых ячеек молодежи в Петрограде, о грузине Борисе Дзнеладзе, организаторе комсомола в Грузии, комиссаре, о Рафаэле Хитарове, отважном комсомольце Закавказья, ставшем затем одним из представителей комсомола в международном молодежном движении. В книге ты встретишь такие слова: «Как же это так? Комсомол имеет 42 тысячи ячеек, а пионерских отрядов насчитывается только 26 тысяч! Напрашивается такая задача: на каждую ячейку комсомола — отряд пионеров». Эти слова сказал на VI съезде комсомола секретарь Центрального Комитета РКСМ Николай Чаплин, чья жизнь вся без остатка была отдана служению идеалам Революции.

Одна из глав книги посвящена Гани Муратбаеву, организатору союза молодежи в Туркестане. Нелегко в те годы было вступать в комсомол. Верность ленинским наказам приходилось доказывать не только словом, а порой и жизнью. По Туркестану бродили шайки басмачей. Они жгли школы, убивали учителей, партийных работников. И всегда в гуще схваток с врагами — бесстрашный комсомолец Гани Муратбаев. Вместе с В. В. Куйбышевым он поднимал молодежь на борьбу с детской беспризорностью, заботился о том, чтобы купеческие, княжеские, губернаторские дома и дачи были отданы под детские дома и интернаты для беспризорников.

Многие годы во главе ЦК комсомола стоял любимец молодежи Александр Косарев, простой и скромный человек, инициатор многих замечательных начинаний молодежи в годы пятилеток. Его можно было встретить повсюду — на строительстве Сталинградского тракторного гиганта, в глухом селе, на военном корабле, среди пионеров. Это он, генеральный секретарь ЦК комсомола, 16 августа 1929 года открыл первый Всесоюзный слет пионеров, когда в рядах пионерской организации было четыре миллиона юных ленинцев. Слет всколыхнул всю страну, и через девять лет в рядах пионерии было уже девять миллионов твоих сверстников. Александр Косарев любил ребят. Это по его инициативе стали регулярно проводиться пионерские костры, выставки детского технического творчества, издаваться новые интересные книги. Он был противником того, чтобы ребята говорили по бумажке, чтобы сковывали их ини-

циативу и самодеятельность. Он считал, что в пионерских отрядах надо учить скромности, вежливости, критическому отношению к своим поступкам.

В книге есть рассказ о человеке, который, пройдя славную комсомольскую дорогу, сам стал писать рассказы и повести. Если ты еще не читал повесть Александра Бойченко «Молодость», обязательно прочти ее, и ты узнаешь, как мужали юные сердца в огне революции и гражданской войны.

Вожаки комсомола были людьми с разными характерами, но каждый из них был **личностью.** Каждый из них был предан делу Ленина до конца. Каждый из них стремился всю жизнь учиться, чтобы не отстать от века, ценил дружбу и товарищество превыше всего. «Не тлеть, а гореть» — вот закон их жизни. Их имена — навсегда в истории Ленинского комсомола. Их именами названы улицы и теплоходы, их имена носят пионерские отряды и дружины. Жизнь этих замечательных людей — вожаков комсомола — **продолжается!**

ВСЕГДА С ГАЙДАРОМ

«Я скорее солдатский писатель,— смеялся он.— И псевдоним у меня тоже солдатский. Командовал я полком на монгольской границе, а мне в ту пору и семнадцати лет не было, бегут за мной разведчики-монголы, кричат по-своему: «Гайдар, Гайдар!» А в переводе на русский — это всадник, скачущий впереди. Запало это слово в голову и уже всплыло где-то в двадцатых годах, когда я стал писать рассказы о войне».

Эти слова из рассказа «Солдатская косточка» книги **Владимира Лясковского «Всегда с Гайдаром».**

Об А. П. Гайдаре написано немало и написано с огромной любовью и нежностью. Воспоминания С. Маршака, Р. Фраермана, Б. Емельянова, К. Паустовского, Л. Кассиля, И. Халтурина и многих других, близко знавших писателя, деливших с ним и радость творческих побед и горечь всевозможных поражений и невзгод, воссоздали для нас и для грядущих поколений обаятельный, порой сложный, но всегда кристально чистый образ человека и творца прекрасных книг.

Каждое новое слово о Гайдаре, безусловно, вызывает повышенный интерес, и вам, ребята, будет интересно прочитать книгу «Всегда с Гайдаром», автор которой работал в годы Великой Отечественной войны военным корреспондентом газеты «Комсомольская правда» по Юго-Западному фронту. Корреспондентом «Комсомолки» был и Аркадий Петрович. Личные встречи, разговоры в машине, совместные поездки в самое пекло сражений и стали основой этой книги. Конечно, человеческая память не в силах сохранить все мельчайшие подробности тех далеких лет, многое стирается. Но Гайдар был не только мудрым, но и веселым собеседником, не только журналистом, но и смелым бойцом. Поэтому многие эпизоды книги выглядят как совершенно документальные, хотя и минуло с тех пор почти сорок лет.

Прочитав эту книгу, ты узнаешь о встречах Гайдара с поэтом Александром Твардовским, о том, как воевал и как писал о войне Аркадий Петрович, о судьбе одной из сумок Гайдара, о тех, кто сражался с ним на Юго-Западном фронте, и как имя Гайдара продолжает жить в делах тимуровцев наших дней.

«Я ничего не придумываю, создавая книгу о Гайдаре. Аркадий Петрович прожил такую яркую жизнь, что о ней можно написать десяток книг. Но главное — он оставил нам свои увлекательные произведения, которые будут волновать и воспитывать многие поколения юных граждан нашей страны»,— такими словами заканчивает автор свою книгу. И в этих словах звучит призыв — читайте Гайдара, читайте вдохновенно и вдумчиво! В героях книг Гайдара — сам Гайдар, его отношение к жизни и к людям, его миропонимание, его вера в вас, краснозвездную гвардию нашей страны.
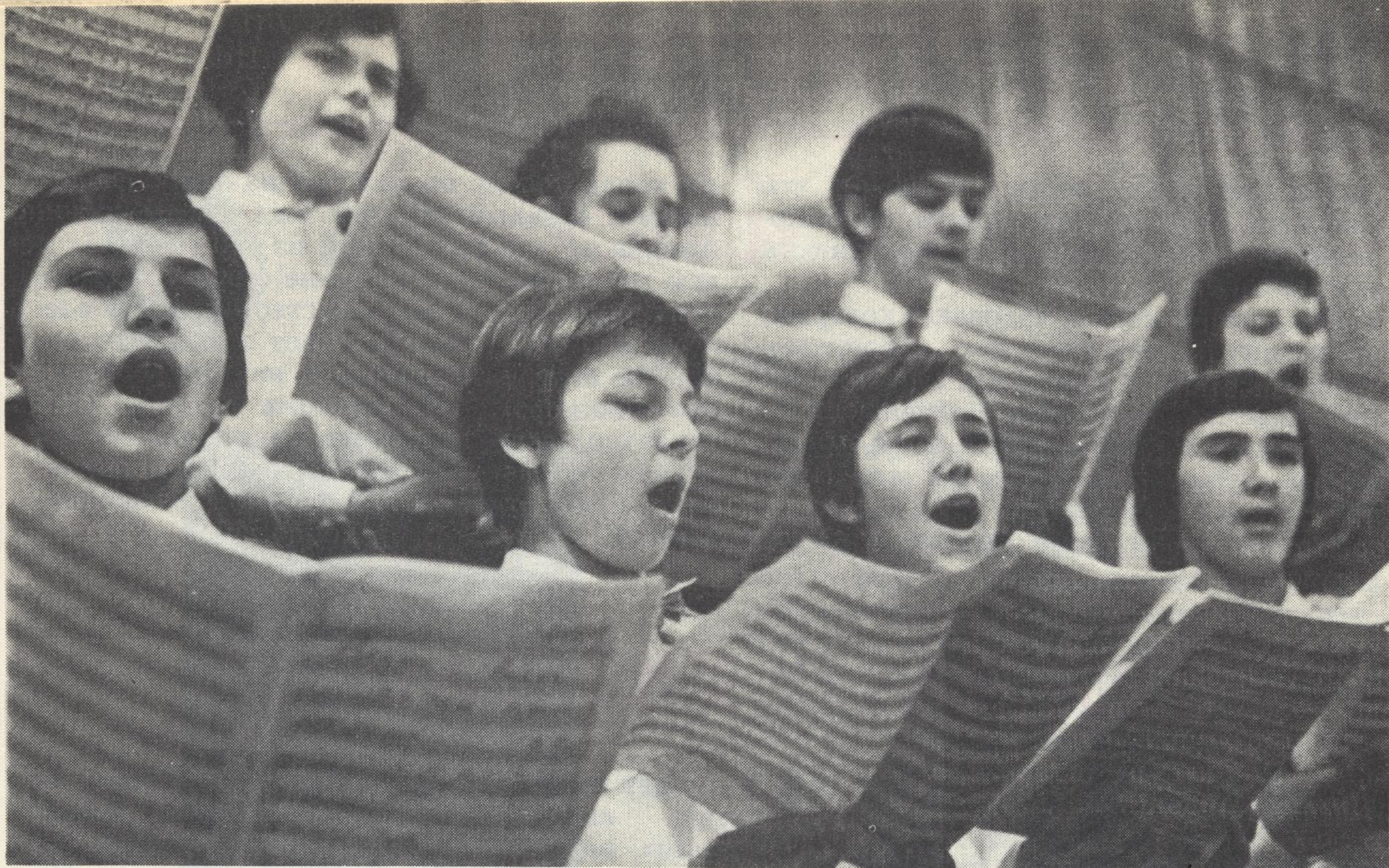
носится усиленный репродук-
топ!» Снова «Стоп!» И режис-
нем ошибка.
х песен длилась четыре ча-
они могут занять минут два-

ь? — протиснулся ко мне

— отвечаю. — Ты-то умаялся?
Это еще ничего, мы репети-
Знаете, мне какая песня боль-
н? «Березонька». Вот эта, где
». Сколько ее пою, и еще

нька» ребята повторяли пятна-

р Сергеевич. Для нас сложные
еобходимы. Творческому кол-
стоять на месте и петь только
Перестает такая работа радо-
мучаешься весь, ребят измуча-

Лауреаты премии Ленинского комсомола

РЕБЯТА, У КОТОРЫХ ЕСТЬ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ, НО НЕ БЫВАЕТ ЛИШНЕГО

**«Ребята все поют красиво,
нежно, плавно,
И на душе от этих песен
славно».
(Из стихов Виталия Николаева,
солиста хора).**

Л. МИНЦ

...Это самая обычная школа — в переулке у
ный пример для подражан Я пришел, как
давно, в год 60-летия ВЛКС поднялся на пя-
«Молодая гвардия» подариулись в крошеч-
тересную книгу, вышедшук ребята и помча-
раз. Называется она «Вож по лестнице —
Эта книга о тех, кто создавашую перемену.
мунистический Союз Молодые, были в этой

Уже на первых страницаались знакомые
тишь слова и выражения, щати пробирался
не встречаются в наших пл его в лицо, но
говорах — «ячейка», «кр
«неделя сухаря», «легкая к сколько раз я
гие другие. Все эти слова в я всегда вклю-
ху, когда рос и мужал твоі выступать эти
нинский комсомол. Эпоху Всесоюзного ра-
людей. Ведут их за собой ве
чери народа, руководители что ехать всем
ки союза молодежи. В книв самых разных
рассказ о героической девуосквой. А сюда,
евой, одной из организатор ют только зани-

«Мы — самодеятельность»

**«...есть дирижер хоров,
Его фамилия Попов,
Хороший это человек.
Мне дядю Витю не забыть вовек».
(Из стихов Виталия Николаева).**

— Наш хор самодеятельный: песни, которые мы поем, могут разучить в каждом доме пионеров, в школе, — сказал мне руководитель хора, заслуженный артист РСФСР Виктор Сергеевич Попов. — Я люблю самодеятельность. Девочку или парня, который занят в самодеятельности, сразу отличу по организованности. Я, конечно, имею в виду серьезные занятия. Мало ли мы знаем ребят, которые мечутся от увлечения к увлечению. Вот он меняет марки, с конвертов сдирает, требует купить ему кляссер. И, высунув от усердия язык, заполняет две первые страницы. На большее терпения не хватает. Пылится потом этот кляссер рядом с гантелями, оставшимися от недельного увле-

чения гимнастикой, и радиопанелью, к которой тяп-ляп припаяна пара деталей. А «коллекционеру» уже не до марок: он в фотокружок записался. В промежутке между увлечениями он не знает, куда девать время.

А теперь представь себе, что во вторник и четверг тебе надо к половине пятого на занятия кружка. Приходишь из школы в два, и уроки надо делать. Чтобы времени на все хватило, надо его организовать. Потом организованность входит в привычку, и оказывается, что времени не так уж мало. Просто ты стал его хозяином.

Когда только создавался наш хор — это было лет восемь назад, — пришлось много ходить по школам: искали «певучих» ребят.

Собрали мальчиков и девочек с хорошим слухом, хорошими голосами. Многим казалось, что дело наше несложное: выучил слова — в песне они легко запоминаются, и пой себе на здоровье. К тому же приятно услышать свой голос по радио или увидеть себя по телевизору.

Но до выступлений было еще далеко... Многие ребята от нас ушли. Знаете, как это происходит? Раз пропустил занятие — в хоккей, скажем, заигрался. Другой раз — очень уж фильм интересный по телевизору. Причин может найтись сколько угодно, иной раз сам поверишь: петь хочу, да обстоятельства так сложились, ничего не поделаешь.

У меня железное правило: с такими мы расстаемся. Даже если у них очень хороший голос.

Теперь наш хор вырос. Только в старшей группе у нас сто пятьдесят человек. Еще есть младшая и средняя школьные, дошкольная — там ребята лет пяти-шести, фольклорная — она поет народные песни. И при фольклорной группе мы создали танцевальный коллектив.

«Мы поем первыми»

— Ой, правда? — обрадовалась солистка Таня Мелехина, когда я сказал ей, что мне очень понравилось, как она запевает «Песенку дрозда».

— Конечно, ты так весело и легко поешь.

— Легко? А вы знаете, сколько мы все готовились? Мы же все-таки не школьный кружок. Мы ведь первыми поем песни. Их вся страна слышит. И потом другие ребята поют, уже когда по радио услышат. Мы, знаете, как занимаемся! Нотная азбука, упражнения разные. Называемся — «самодеятельный хор», а занятий, наверное, не меньше, чем в музыкальной школе.

Мы ведь так должны исполнить, чтобы всем захотелось наши песни петь. Весело и легко. Как вот и вам показалось.

Говорит Виктор Сергеевич. Мы должны в год записать шестьдесят новых песен — по пять в месяц. Иногда даже больше. Кроме того, хор выступает на концертах, озвучивает кинофильмы. Ездят ребята по Советскому Союзу. Были и на зарубежных гастролях: в Чехословакии, в ГДР, в ФРГ. И в Артеке на Международном детском фестивале выступали.

В 1977 году Большой детский хор был удостоен премии Ленинского комсомола. На XVIII съезде комсомола хор исполнил прекрасную песню о пионерах и комсомоле, написанную для нас к съезду композитором Юрием Чичковым.

«Стоп!» Снова «Стоп!»

— Приходите к нам на запись, — сказал мне альт — пятиклассник Гриша Мусинов. — Будем записывать «Четыре русских песни» композитора Рубина. Знаете, какие сложные!

— А разве вы не только пионерские песни поете?

— Что вы! Мы и кантаты Баха поем и классические хоры. Мне классические даже больше нравится учить, потому что труднее. Пионерские полегче, их скорее выучишь. А тут... Вы приходите в воскресенье в Дом звукозаписи.

Было первое солнечное воскресенье года. В городе было тихо и пусто. У входа в Дом звукозаписи Виктор Сергеевич и хормейстеры считали ребят. Сто пятьдесят! Все пришли.

Над записью работает много народу. Самый главный — звукорежиссер. Он сидит в отдельном помещении, отгороженном от зала, слушает через наушники. У него точный слух профессионального музыканта, да еще ему помогает множество приборов. Чуть-чуть выйдет стрелка за красное поле — брак! — запись останавливается.

Над залом разносится усиленный репродуктором голос: «Стоп!» Снова «Стоп!» И режиссер объясняет, в чем ошибка.

Запись четырех песен длилась четыре часа. В передаче они могут занять минут двадцать.

— Понравилось? — протиснулся ко мне Гриша.

— Еще как! — отвечаю. — Ты-то умаялся?

— Да что вы! Это еще ничего, мы репетируем и подольше. Знаете, мне какая песня больше всех нравится? «Березонька». Вот эта, где «люшеньки-люли». Сколько ее пою, и еще хочется.

Песню «Березонька» ребята повторяли пятнадцать раз...

Говорит Виктор Сергеевич. Для нас сложные произведения необходимы. Творческому коллективу нельзя стоять на месте и петь только легкие песенки. Перестает такая работа радовать. А тут — измучаешься весь, ребят измуча-

Внимание — главный закон Виктора Сергеевича на репетициях.

ешь, кажется, что ничего не выйдет, — и вдруг возникает стройное, слитное пение. Вот тогда приходит Радость.

«Вспоминаю я денечки хоровые»

Это строчка из «Баллады о Большом хоре». Написал ее Виталий Николаев, солист хора. Виталий — ветеран, он самый старший из мальчиков. Раньше солировал в «Беловежской пуще», в «Крейсере «Аврора». Но пришло время — вырос. Запевать больше не запевает, но в хоре поет и ходит на все занятия.

— Не могу без хора. Помните, у меня там дальше написано: «те денечки были просто золотые». Это я не преувеличиваю. Видели бы, какая у нас в хоре дружба! Без нее нельзя: если ты сфальшивишь, то все пение испортишь. И стараешься не только за себя, за всех ребят. Когда запись идет, начинаешь сам чувствовать: сейчас режиссер крикнет: «Стоп! Снова!» А сейчас все нормально. Даже без приборов этих. Посмотришь на соседа справа, слева — и видишь: получилось. Все так чувствуют, одновременно. Это зимой мы только на репетициях и концертах встречаемся. А летом, когда едем куда-нибудь в другой город, то все вместе весь день. Круглые сутки вместе — и не надоедает.

Вообще мне в нашем хоре никогда еще не надоедало! Я сейчас в музыкальной школе начал заниматься, да еще обычная школа, времени совсем нет, а все-таки в хор хожу. Просто не знаю, как буду без хора...

Немножко о будущем

— Замечали, каждый год по всей Москве объявления? — говорит Виктор Сергеевич Попов. — Объявляем прием в хор. Ведь ребята вырастают. Девочки поют у нас долго. У мальчиков лет примерно в четырнадцать ломается

Вот сколько аппаратуры нужно, чтобы чисто прозвучала в эфире одна-единственная песня.

голос. Люди привыкают к какому-нибудь нашему солисту и спрашивают: «А где такой-то? Почему мы его не видим на концертах?» Вот и у вас в журнале множество писем про Сережу Парамонова. Помните его? Знаменитый, можно сказать, мальчик. «Песенка крокодила Гены», «Не дразните собак», «Улыбка» — это все в его исполнении впервые прозвучало. Кстати, в его пении были недостатки. Но, когда пел, весь отдавался песне, жил ею. И тогда даже эти недостатки превращались в достоинства, как-то своеобразно окрашивали его пение. Сейчас парню семнадцатый год — сами понимаете, не тот уже возраст для детского хора. Когда он уходил, сказал мне, что без пения, без музыки своего будущего не представляет.

Сережа поступил в училище имени Ипполитова-Иванова на дирижерско-хоровое отделение. Увлекся композицией. Если он понимает: для того, чтобы стать композитором, нужно учиться и учиться, — выйдет из него толк.

А вообще-то я обычно советую: становитесь музыкантами, получайте специальное образование только в том случае, если чувствуете: не могу без музыки. Но кем бы человек ни стал, все равно то, что получил в хоре, останется с ним навсегда. Понимание искусства прежде всего.

«Раз словечко, два словечко, будет песенка»

С солистом Димой Головым мы беседовали в необычной обстановке. Мы пошли смотреть коллекцию восточного оружия, и Дима вел себя точно так же, как любой другой шестиклассник, окажись он среди индийских сабель и турецких ятаганов. Он брал, взвешивал в руке сабли и кинжалы и все удивлялся, что они такие тяжелые. А как же герои любимых книг? Они готовы были целыми днями напролет драться, отражая врагов, да потом еще скакать, спасать прекрасных дам и снова размахивать саблей.

Я знал, что Дима никогда не пропускает занятия хора, участвует во всех концертах — солист как-никак. Знаете — «...Без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями — много»? Это он поет.

Знал я и то, что четверки у него бывают только иногда, а в основном — пятерки. Тот, кто учился в шестом классе, может понять, что это нелегко.

— Слушай, друг, — спросил я его, — когда ты еще читать успеваешь? При такой-то занятости?

Дима удивился:

— Что ж, я один занят, что ли? В нашем классе все ребята чем-нибудь заняты. Кто английский учит, кто спортом занимается. Я сам еще и на плавание ходил. Хор только два дня в неделю, остальные все свободные. Приду из школы, устные выучу, потом еду на хор. Мне ехать полчаса, беру с собой книжку. Письменные делаю вечером. А в воскресенье после часа дня вообще все время свободное.

Иногда только трудно бывает утром в воскресенье. Зима, солнце, снег блестит, на лыжах охота покататься... Или, наоборот, лето, жара, ребята все на улице... А тебе надо вставать пораньше, чтобы к десяти успеть. Зато когда приедешь, вокруг сто пятьдесят человек, и все поют, сразу легко становится.

— А какую песню ты любишь больше всех?

— Трудно сказать. Пока песню готовишь, очень она нравится. А потом когда на всех концертах просят исполнить, то надоедает. Даже очень хорошая песня.

Мне сейчас очень нравится Шаинского «Вместе весело шагать». Вот послушайте:

Спой-ка с нами, перепелка, перепелочка!
Раз — иголка, два — иголка, будет елочка.
Раз — дощечка, два — дощечка, будет лесенка.
Раз словечко, два — словечко, будет
пе-сен-ка!

Этот снимок сделан во время поездки в Чехословакию. Дима Голов пел там с другими ребятами.

Дима вздохнул и добавил:

— Наверное, ее очень часто будут требовать...

У меня оставался последний вопрос, и я даже колебался, стоит ли его задавать. Но все-таки спросил:

— Дима, а тебя часто узнают на улице или в метро?

— Часто. «Мальчик, это не ты пел вчера по телевизору?» Я говорю: «Нет, не я». А то начинается потом «молодец, мальчик» и все такое. А зачем это? Я ведь не для того пою.

Санька взобрался на высокую березу и прыгнул с нее, чтобы доказать, что он не трус.

Б. ЛИТВИНОВ

ПАМЯТЬ ОБ ОТЦЕ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Я не знаю своего отца: он ушел на войну, когда мне было несколько месяцев, и не вернулся. Погиб.

Через год с небольшим после его гибели война окончилась. Осенью сорок пятого мне исполнилось пять лет. Бабушка утверждала, что ее внук как две капли воды похож на отца. Чтобы убедиться в этом, я подходил к большому тусклому зеркалу платяного шкафа и рассматривал себя. Неужели мой отец, глядевший на нас с фотографии (он сидел на стуле в форме летчика с значком «Ворошиловский стрелок» [1] на груди, положив ногу на ногу, обняв коленки большими крепкими руками), был когда-то худым, длинноногим, стриженным наголо мальчишкой с веснушчатым, безбровым лицом? Неужели и он бегал с вечно разбитыми коленками, играл в войну, в лапту, гонял голубей?

Мне так хотелось знать, каким был мой отец. Я старался представить себе его живое лицо, но в воображении моем возникала все та же фотография, висевшая над диваном. Поняв тщетность усилий моей памяти, я ловил каждое слово бабушки и мамы об отце. Я выспрашивал о нем у дяди Павла, отца соседской Люськи, дружившего с отцом. Расспрашивал других соседей.

Я мечтал стать таким, как он.

Однажды дядя Павел рассказал, как Санька (так называл он моего отца) взобрался на высокую березу — она и теперь растет на опушке рощи в конце нашей улицы — и прыгнул с нее. Не из озорства, а чтобы доказать, что он не трус и что он может стать летчиком. Правда, при этом он сломал ногу. В больницу он доковылял с помощью ребят. Ребята видели, он превозмогал страшную боль — бисеринки пота усеяли его белое, как мел, лицо. В кабинете хирурга Санька не пикнул. И потом уверял всех, что ему нисколечко не было больно.

Санька первый в нашем поселке смастерил планер, был лучшим в поселке спортсменом, дольше всех крутил на турнике «солнышко».

Как-то я рассказал бабушке, что в речке, протекавшей неподалеку, видел настоящую акулу. Она улыбнулась, провела по моей голове своей натруженной, шершавой рукой и сказала: «Самолет...»

— Что? — переспросил я. — При чем здесь самолет?

— Я вспомнила про твоего отца. Он, когда был такой, как ты, очень на небо любил смотреть.

— А часто самолеты летали?

— Они и сейчас-то редко над нами летают, а тогда и вовсе не летали, — ответила бабушка. — Фантазия, внучок, у него была. И ты, как Саша, все мечтаешь...

Отец бредил авиацией. Мама рассказывала: бывало, только вернется с полета, не успеет дома побыть, и снова на аэродром его тянет. Все мечтал он о самолете, который бы звук обгонял и на котором можно было бы без посадки вокруг земного шарика облететь.

Я многое узнал об отце. Но порой я смутно ощущал, что в его жизни было что-то очень и очень важное, чего я не знаю и без чего память от отце, наверное, не могла прожить во мне долго.

Как-то в канун праздника Октября я, готовясь идти с мамой на демонстрацию, сидел дома и вырезал флажок из красной материи, чтобы приколоть его завтра к пальто. Наступили сумерки. Пришла с работы мама, поставила чайник. Бабушка достала праздничные чашки и нарезала хлеба.

Хлопнула входная дверь, кто-то назвал нашу фамилию и постучался в комнату.

— Здравствуйте, товарищи Сугробовы! — сказал человек в военной форме и поставил чемодан на пол. Он был невысокого роста, коренаст, с широким, гладко выбритым лицом. Он снял фуражку, и из-под нее поднялась копна кудрявых русых волос.

— Ванин, Петр Сергеевич, — представился незнакомец. — С вашим папкой вместе летали... Вот какие дела... Все собирался к вам залететь, да не получалось: из Берлина сразу на Дальний Восток перебросили, а потом... служба в общем.

Он снял шинель, пригладил волосы.

— А ты, брат — Павлик, чувствую. Я тебя сразу узнал — один к одному Санька, — сказал он, обращаясь к бабушке и маме.

Они, как по команде, радостно закивали, а я не знал, куда деваться от счастья.

— Мы, Павлик, друзья с твоим папкой были, боевые друзья. А это знаешь, что такое? Это когда не то что в воду — в огонь вместе. И летали в огонь. Вот какие дела...

Он заметно волновался и, вероятно, поэтому, говорил слишком громко. Голос у него был звонкий, зычный. Позже я узнал, что в армии такой голос командирским называют. Ванин и был командиром. На золотых погонах между двух голубых линий поблескивала звезда.

---

[1] Значком «Ворошиловский стрелок», названным так в честь легендарного командарма гражданской войны Климентия Ефремовича Ворошилова, награждались те, кто отлично стрелял из пистолета, винтовки и других видов стрелкового оружия.

— Майор я, Павлик, — сказал он, увидев, что я заинтересовался погонами.

— Такой молодой и уже майор! — удивилась бабушка.

— Какой же я молодой — двадцать семь стукнуло! Был бы жив Саня, он тоже был бы майором, а может, и подполковником, — сказал Ванин задумчиво.

И я представил себе: вот было бы здорово, если бы папка не такой сосредоточенный, как на фотографии, а веселый, смеющийся сидел бы вместе с Ваниным за нашим столом.

— Да я ж вам гостинцев привез, — сказал Ванин и стал извлекать из чемодана коробки, кульки, банки.

Мы все сидели молча, как будто еще чего-то ждали, а чего и сами толком не знали. Может, вспыхнула надежда, что отец не погиб, что жив он. Вспыхнула и тотчас погасла. Ванин, поняв наше молчание, помрачнел, его цепкие карие глаза увлажнились, погрустнели, лицо майора сделалось жестким.

— Погиб Саня, старший лейтенант Александр Васильевич Сугробов... В начале сорок четвертого... Настоящий был летчик и человек Саша. На своем Р-5 он ночью возвращался из партизанского отряда: доставил туда боеприпасы и лекарства и взял на борт самолета детей, отбитых партизанами у фашистов, и раненых. Полет подходил к концу, как вдруг невдалеке от линии фронта его обнаружили вражеские прожекторы, шарившие по небу.

Ударили зенитки. Самолет загорелся. Сашу ранило. Дым и огонь заполнили пилотскую кабину, заслонили штурвал и приборы. Загорелся комбинезон. Но он продолжал вести машину. Уже над самой линией фронта передал на аэродром: «Иду на вынужденную. Зенитки слегка потрепали...»

У Саши был парашют, он мог оставить самолет. Но не таким человеком был Саша. Не прыгнул он: ведь в самолете были дети и раненые. Из последних сил довел машину до наших, посадил ее мастерски, по всем правилам. А потом, истекая кровью, сбивая огонь с комбинезона, бросился спасать ребятишек и раненых партизан. Всех, кто был в горящем самолете, спас и потерял сознание.

Мы мстили фашистам за нашего Сашу до самой Победы... Саша мечтал о мире и хотел летать в разные города и страны в светлом небе... Помни об этом, сынок! Крепко помни!

Майор достал из кармана небольшую жестяную коробочку и протянул ее мне:

— Это боевые награды твоего отца. Орден Ленина — за то, о чем я только что рассказал. Орден Красной Звезды — за шестидесятый полет в тыл врага. Медаль «За отвагу» — это самая первая его награда — за посадку У-2 на таком лесном пятачке, где, как шутили партизаны, и двум подводам не разъехаться. А он умудрился самолет посадить.

Боевые награды отца... Я смотрел на них и плакал.

В тот день я твердо решил быть пилотом.

Петр Сергеевич нет-нет да и «залетал» к нам в гости. Мы подружились, он много рассказывал мне об авиации, многому научил меня...

Я поступил в летное училище.

И наконец настал день, когда я сам должен был сесть за штурвал самолета.

— ...Ну что, Сугробов, как себя чувствуешь? Готов? Сейчас ведь сам полетишь, — сказал мне инструктор Валерий Силыч Борзунов. В училище его все уважительно звали Силычем. Он всего на шесть лет был старше меня, но уже опытный летчик. Многих курсантов научил летать.

— Не волнуйся, Павлик, — успокаивает Силыч. — Отлично слетаешь.

— А я и не волнуюсь, — отвечаю я, облизывая сухие губы, и чувствую, как какая-то ледяная, щекочущая волна подкатывает к самому сердцу.

...Взлетел. Чувствую, взлетел. Все идет нормально. Переговариваюсь с диспетчером, выполняю все команды инструктора.

Щекочущая волна исчезла. Машина слушается меня беспрекословно. Умная машина!

Набрал высоту. Лег в горизонтальный полет. Ни с чем не сравнимое ощущение, когда паришь в небе. Оно будто обнимает меня своей бездонной голубизной, отороченной легкими облаками. Душа пилота во время полета поет.

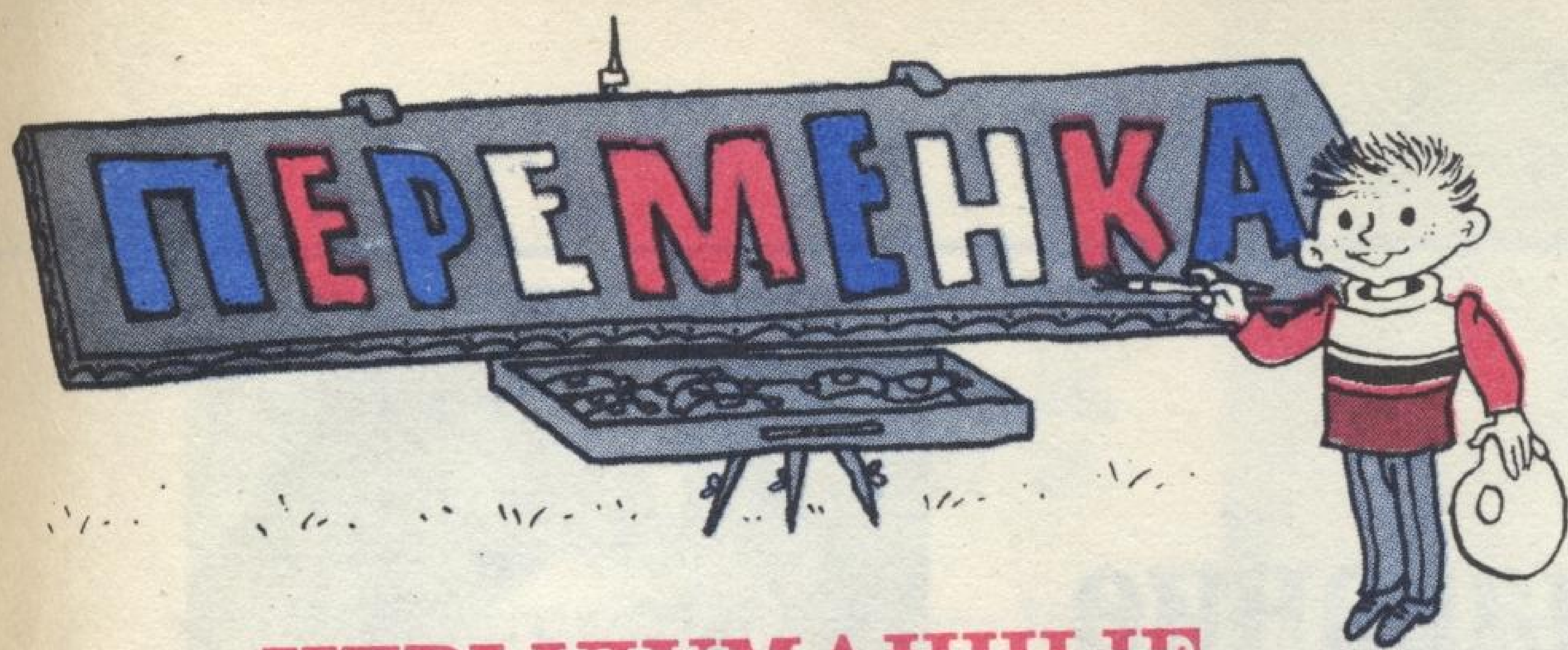
Подо мной рязанская земля. Перелески, овражки. От всего этого, сотни раз исхоженного и увиденного теперь с воздуха, не оторвать глаз... Понимаешь, почему Юрий Алексеевич Гагарин, первым увидевший Землю из космоса, воскликнул: «Красота-то какая!»

Первый самостоятельный полет продолжался всего двадцать минут, но эти двадцать коротких мгновений моей жизни запомнятся, как одно из чудес, населяющих удивительно звонкий и трогательный мир нашей юности.

Вечером, вернувшись в курсантскую казарму, я достал из тумбочки коробку, когда-то привезенную майором Ваниным, долго смотрел на ордена и медали, вспоминал своего отца. Я храню его награды как святыню, как напоминание о том, что настоящие люди не умирают. Они живут в нашей памяти. Они помогают нам делать нашу жизнь светлой и прекрасной.

Рисунок Б. ГУРЕВИЧА

НЕВЫДУМАННЫЕ ДИАЛОГИ

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Что мы называем первобытнообщинным строем?

Ученик. Это когда все люди живут в одной пещере.

Света Шакурина,
г. Ярославль

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Что называется прямой речью?

Ученик. Прямая речь — это слово или предложение в кавычках.

Оля Якушева,
с. Сосновка,
Пензенская область

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учительница. Что мы наблюдаем при кипении воды?

Ученик. Пузырьки.

Учительница. Правильно. Что в них находится?

Ученик. Вареные микробы.

А. Никитенко,
г. Владимир

Из школьных сочинений

«На столе стоял кувшин с молоком и бутербродами».

«Нагрянули тучи на облака».

«Спортсмены бежали, отталкиваясь задними ногами».

«Глаза у него были голубые, темные, слегка волнистые».

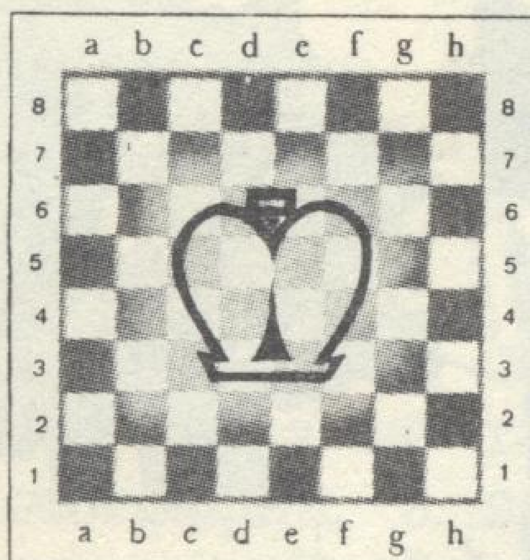
«Посредине комнаты делала зарядку легкая фигурка девочки».

«Южная часть Гренландии покрыта эскимосами».

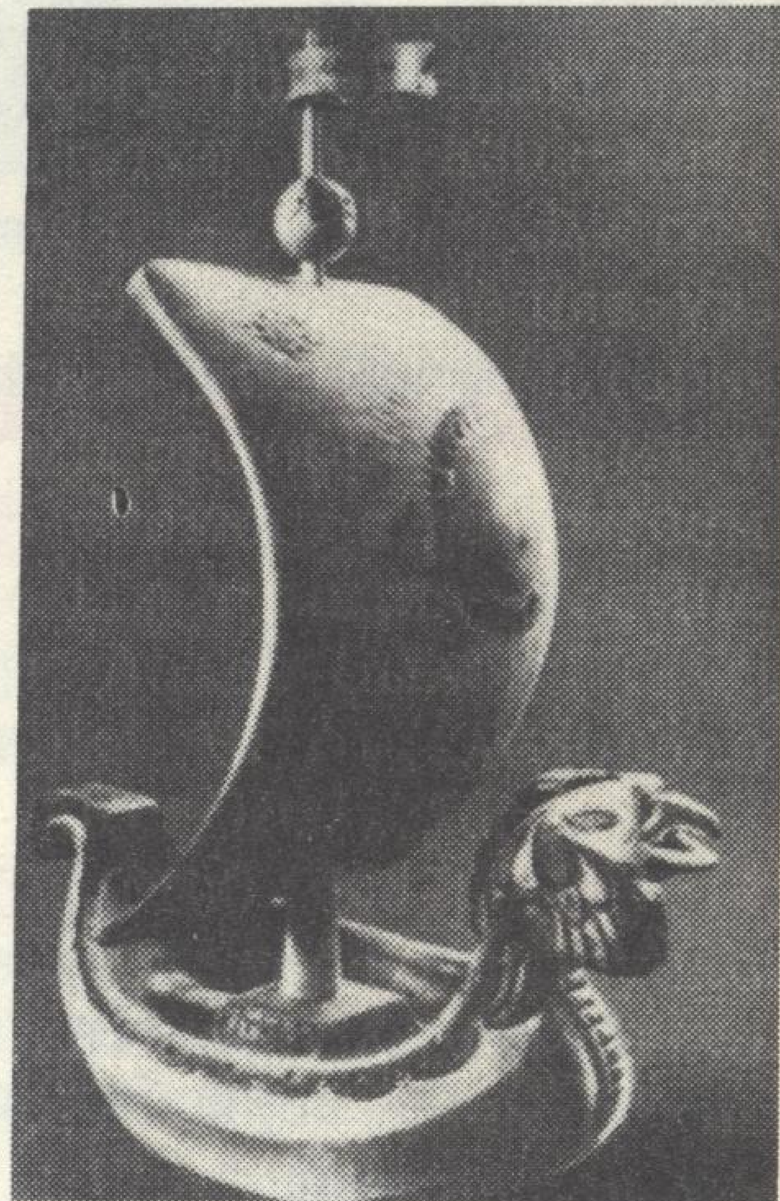
«Под кожей дуба таились разные насекомые».

«Он сидел около палатки и деревянной ложкой ел миску».

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА

Десятое плавание «Белой ладьи»

Переходящий приз журнала «Пионер»

«Командные соревнования пионерских дружин стали отличной школой для юных шахматистов. Хочется сказать и победителям и побежденным, что главное все же борьба, воспитание своего характера, а успехи обязательно придут, если постоянно работать над шахматами и по-настоящему их любить».

Анатолий КАРПОВ, чемпион мира.

Первый рейс «Белая ладья» совершила в 1969 году. В этом году свое десятое путешествие она закончила в молдавском городе Бельцы. На ее борту прибыли восемнадцать лучших школьных команд, вышедших в финал, и, конечно, Пешкин. Он никогда не пропускает эти увлекательные соревнования.

КТО ДОБИЛСЯ ПОБЕДЫ

Пять лет назад в Измаиле Пешкин вручил второкласснику 11-й ленинградской школы **Валерию Салову** приз за мужество и волю к победе. В Бельцы Валерий приехал уже как лидер команды своей школы и добился рекордного результата: $9^1/_2$ очков из 10 возможных.

Единственная ничья Валерия (он стал уже кандидатом в мастера) была с чемпионом 92-й пермской школы Витей Варавиным. Витя учится в пятом классе, но он уже перворазрядник. За настойчивость и упорство Вити в игре Пешкин вручил ему специальный приз.

Московские ребята второй раз завоевали золотые медали, приз ЦК ВЛКСМ и переходящий приз «Пионера» — «Белую ладью».

Ребята из Грузии и Ленинграда награждены призами ЦК ВЛКСМ, серебряными и бронзовыми медалями.

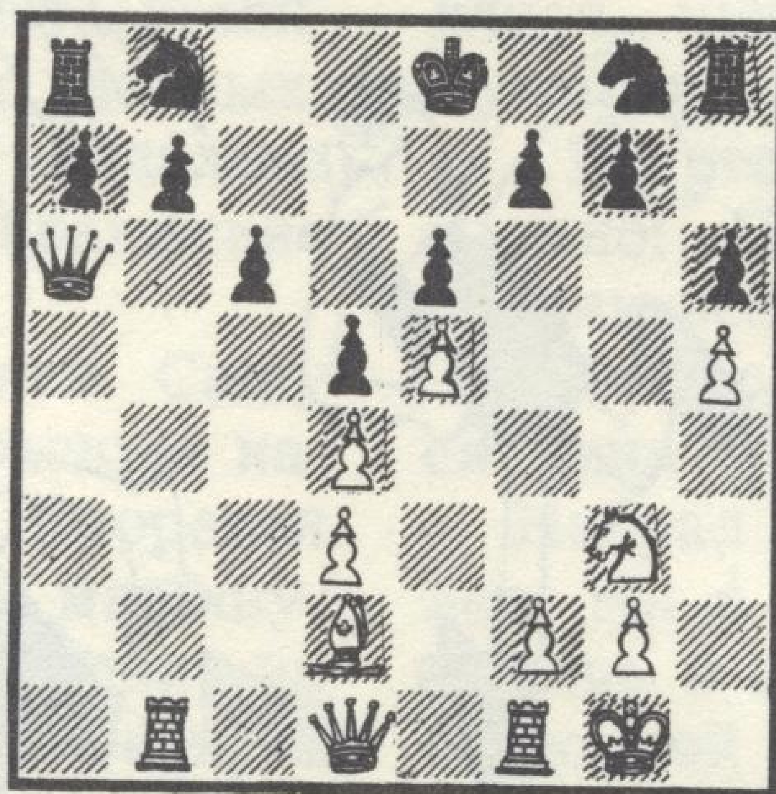

Диаграмма № 1

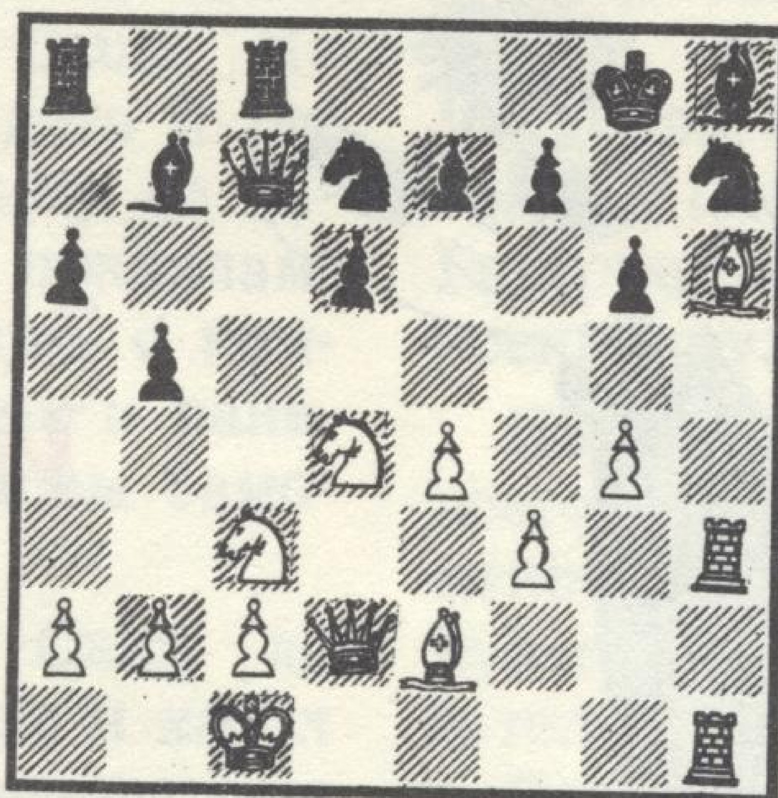

Диаграмма № 2

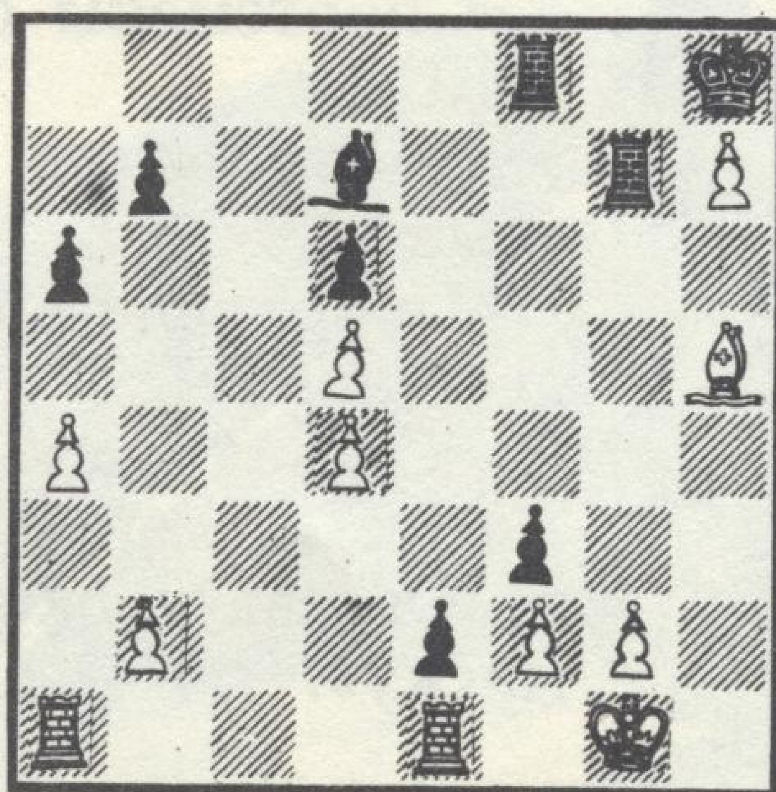

Диаграмма № 3

Лучших личных результатов добился Валерий САЛОВ (Ленинград), Вадим РУБАН (Новосибирск), Леня ЭДЕЛЬШТЕЙН (Москва), Армен СТЕПАНЯН (Москва). Среди девочек рекордсменкой стала Жанна ЛИСЕНКОВА (Ташкент), она выиграла девять партий при одной ничьей.

КАК ИГРАЛИ РЕБЯТА

К этому положению пришла партия **К. Разовский** (Кутаиси) — **В. Сметюх** (Новосибирск). Черные увлеклись в дебюте материальными приобретениями и очень отстали с развитием фигур. Их позиция крайне опасна. Далее было:

15. Фg4 Лh7? (следовало играть 15... Кe7 16. Ф:g7 Лg8 17. Ф:h6 Кd7) 16. f4 Ф:d3? (жадность обуяла черных, необходимо было 16... Кd7, чтобы затем рокировать) 17. f5! (вскрывая линии на королевском фланге, белые получают неотразимую атаку)17... Ф:d2 18. fe Фe3+19. Крh1 Кe7 20. ef+Крf8 21. Кf5 Фg5 22.

Ф:g5 hg 23. К:е7 Л:h5+24. Крg1 Лh6 25. Л:b7 а5 26. Кf5 Лg6 27. К:g7 Л:g7 28. е6. Черные сдались.

На диаграмме № 2 — позиция, возникшая в партии девочек.

Ингуна Эрнесте (Рига) вскрыла линию «h», сдвоила на этой линии ладьи и, используя разобщенность фигур игравшей черными Альмы Андрюшайтите (Плунге), эффектно провела решающее наступление. События развивались так:

18. Сg7! С:g7 19. Л:h7 Кf8 20. Л:g7+! Кр:g7 21. Фh6+ Крf6 22. Фh8+ Крg5 (печальное, но вынужденное путешествие) 23. Фh4+ Крf4 24. Фh2+ Кре3 (к мату ведет и 24... Крg5 25. f4+ Крf6 26. Фh4+) 25. Лd1 (положение черного короля безнадежно, грозит мат на d3) 25... С:е4 26. Кd5+, и мат следующим ходом.

Молодец, Ингуна!

А вот любопытная миниатюра.

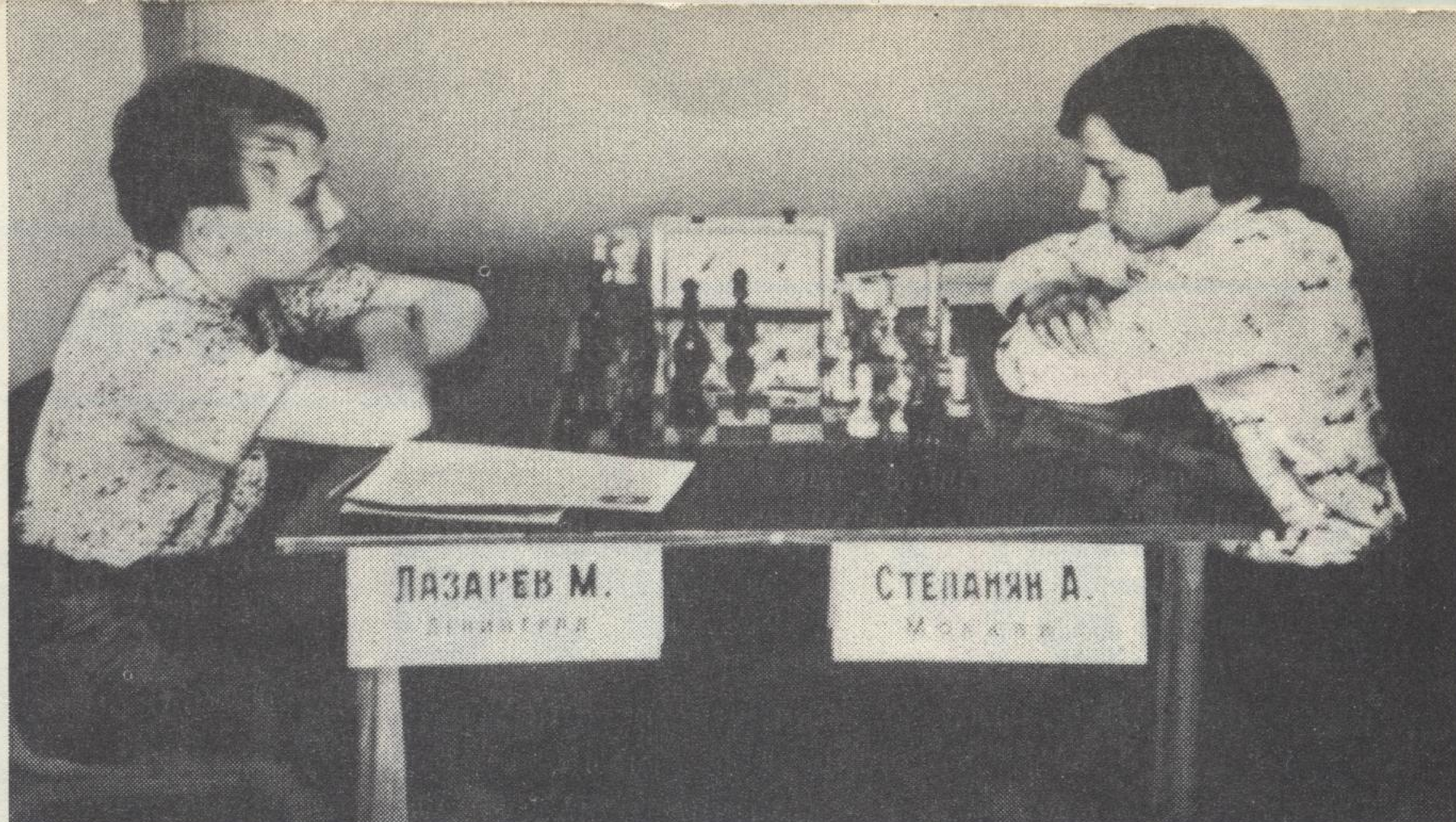
Французская защита
А. Гольдин (Новосибирск) —
Л. Тросман (Житомир)

1. е4 е6 2. d4 d5 3. Кс3 Сb4 4. Сd2 dе 5. Фg4 Ф:d4 6. 0-0-0 h5 7. Фg3 h4? (следовало играть 7... Сd6, например: 8. Сf4 h4 9. Фg5 Фf6, или 9. Фg4 Кf6! 10. Фg5 С:f4+ 11. Ф:f4 Фс5) 8. Ф:с7 Фс5 (черные возлагали надежды на этот ход, но их ждет неприятное разочарование) 9. Кb5! (теперь у черных уже нет удовлетворительной защиты) 9... Ф:с7 (эффектен вариант 9... Ка6 10. Фd8+! Кр:d8 11. Сg5++ Кре8 12. Лd8Х) 10. К:с7+ Крd8 11. Сf4+ Кd7 12. К:а8 е5 13. С:е5. Черные сдались.

И в заключение волнующий поединок последнего тура, который привлек большое внимание ребят.

Сицилианская защита
В. Варавин (Пермь) —
В. Салов (Ленинград)

1. е4 с5 2. Кf3 Кс6 3. d4 cd 4. К:d4 Кf6 5. Кс3 е6. 6. Сg5 (таким путем белые ничего не могут добиться. Хорошую игру дает 6. Кdb5) 6... Фа5 (после 6... h6 7. Сh4 Се7 8. К:с6 bс 9. Сd3 d5 у черных нет трудностей) 7. С:f6 gf 8. Кdb5 а6 9. Кd6+ С:d6 10. Ф:d6 Фе5 11. 0-0-0 Ф:d6 12. Л:d6 Кре7 13. Лd2 b5 14. f4 Сb7 15. Се2 Лас8 16. Лhd1 Лhd8 17. Лd3 Ка5 (следовало играть 17... Кb4, например: 18. Лh3 d5 19. еd К:d5 20. К:d5 С:d5 с хорошими возможностями) 18. а3 Кс4 19. Лh3 h6 20. Лd4 Лg8 21. С:с4 Л:с4 22. Л:с4 bс 23. g3 Лh8 24. Лh5 (теперь позиционный перевес у белых, опытному кандидату в мастера приходится нелегко) 24... f5 25. еf Сf3 26. f6+ (иначе ладья белых попадала в железную клетку — 26. Лh4? еf и затем h6—h5) 26... Кр:f6 27. Ла5 Сb7 28. Крd2 h5 29. Лс5 d5 30. Лс7 Лb8 31. Кре3 Са8 32. Ка4 Лb5 33. Крd4 а5 34. с3 Крg6 35. Ле7 Сс6 36. Лс7 Се8 37. Лс8 Сd7 38. Лс7 Се8 39. Лс8.

Трудное плавание.

В конце партии Витя попал в цейтнот и не смог использовать свое преимущество.

К такому положению пришла партия **Л. Тросман — В. Салов.**

(Диаграмма № 3)

Пожертвовав двумя пешками, ленинградец развил грозную атаку. Особенно сильна далеко прорвавшаяся черная пешка е2. Партия закончилась так:

33. g3 Л:g3+! 34. fg f2+ 35. Крg2 f1Ф+ 36. Л:f1 Л:f1 37. Л:f1 Сh3+! Белые сдались.

«Белая ладья» отправилась в одиннадцатое плавание.

Как проходят в ваших школах чемпионаты пионерских дружин? Сколько новичков привлекли вы к этим соревнованиям?

Пешкин ждет ваших сообщений, дорогие друзья!

Для участников финала экс-чемпион мира Тигран Петросян провел сеанс одновременной игры. Только Джуме Аллаберянову из Чарджоу удалось победить гроссмейстера.

Игры Лупы и Пинцета

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

2

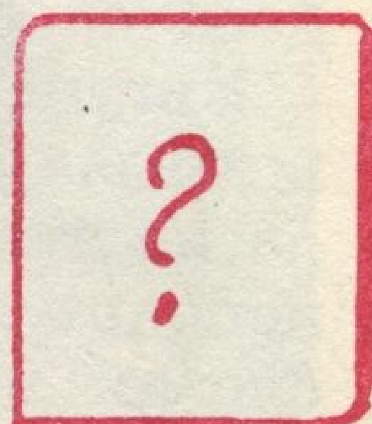

3

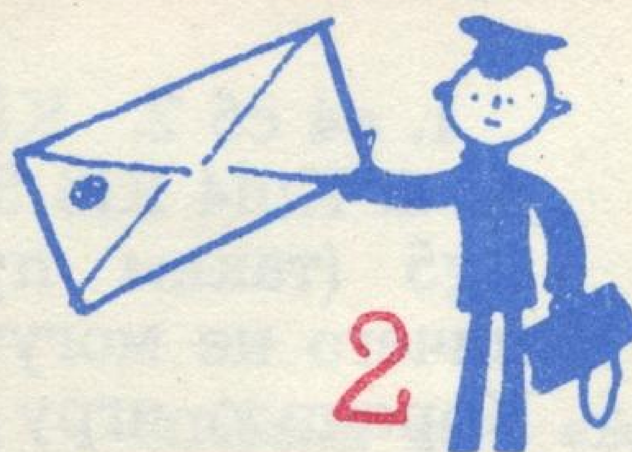
2

2

2

2

Перед вами шесть марок. Из названия страны, выпустившей марку, возьмите справа по две или по три рядом стоящих буквы, и вы узнаете, какая страна выпустила неизвестную марку.

Игры Деда Буквоеда

Живживка думал целый век
И сдался чуть не плача:
Вписать в кружки названья рек —
Не легкая задача!
Но я надеюсь, ты готов
С задачею сразиться;
Должны обычных восемь слов
В итоге получиться!

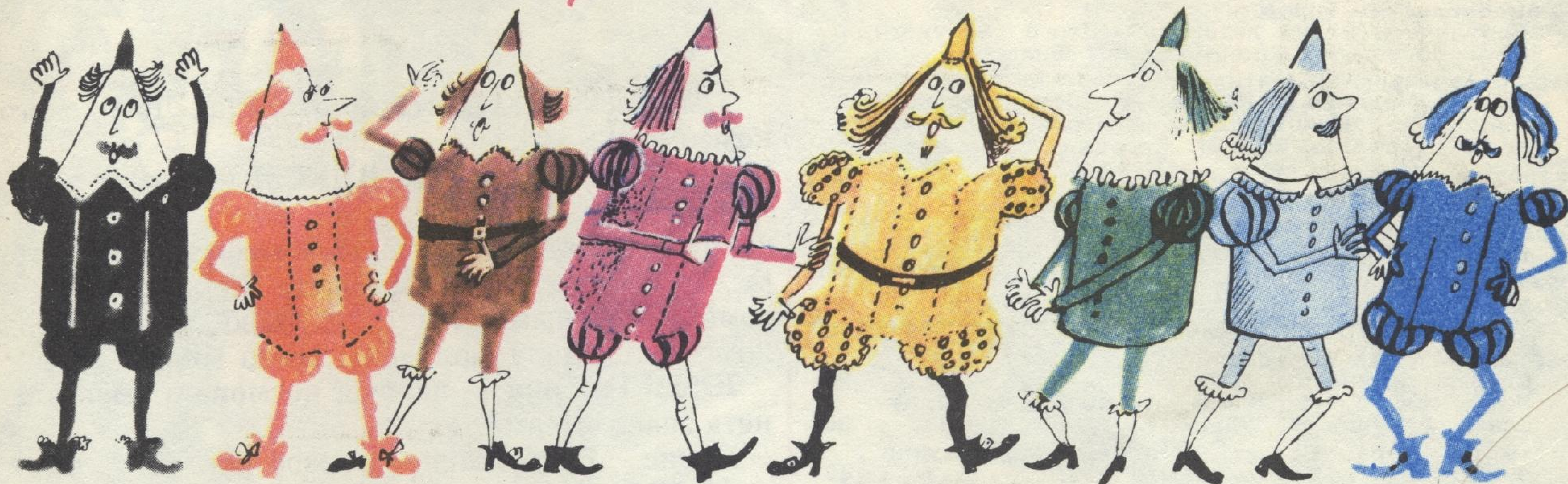
Примечание Деда Буквоеда: все реки протекают по нашей стране.

И ○○○○○	ДР ○○○○○
СИ ○○○○○	○○○ ОР
ла ○○○○ ь	○○○○○ НТЫ
пр ○○○ за	пе ○○○○○

Капитан Перо ищет помощника

Кто виноват?

	С	Ч	З	Ж	О	К	Г	Ф
С	—	—						
Ч	—	+						
З	—	—						
Ж	+	—						
О	—	—						
К	+	—						
Г	—	—						
Ф	—	—						

Из штаба Резинок похищены важные документы. Резинкам удалось захватить в плен группу Карандашей. Я присутствовал при их допросе, и мне стало ясно, что только половина пленных говорила правду, другая половина лгала. Показания Карандашей противоречивы, но все же мне кажется, что мы сможем найти похитителя документов, если внимательно проанализируем то, что они сказали:

СИНИЙ КАРАНДАШ. Виноват коричневый или желтый.

ЧЕРНЫЙ. Виноват я.

ЗЕЛЕНЫЙ. Фиолетовый карандаш говорит правду!

ЖЕЛТЫЙ. Черный и голубой в этом деле не замешаны.

ОРАНЖЕВЫЙ. Отпустите всех, документы похитил я.

КОРИЧНЕВЫЙ. Я сам видел, как желтый вылезал из окна штаба Резинок.

ГОЛУБОЙ. Я твердо знаю: синий карандаш не виноват.

ФИОЛЕТОВЫЙ. Голубой лжет, утверждая, что синий не похищал документов.

Чтобы разобраться в этом запутанном деле, я составил вот такую таблицу и стал ее заполнять, предположив, что все пленные говорят только правду. Крестиком я отмечаю тех, кто по показаниям виновен, минусом — невиновных. Предлагаю вам заполнить эту таблицу до конца. Внимательно изучите ее и сделайте свои выводы.

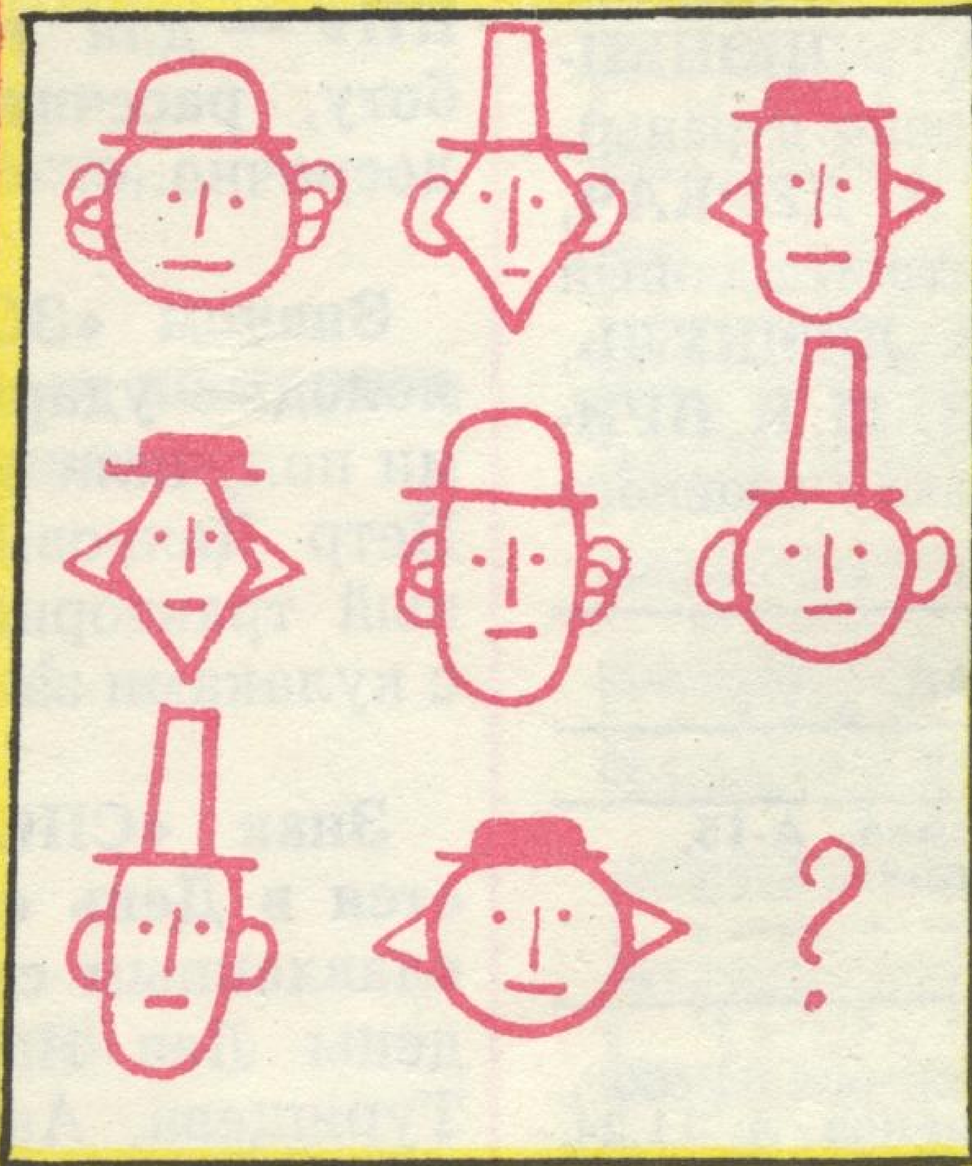
Жду ваших сообщений.

Капитан ПЕРО.

Вот забавная таблица:
На таблице только лица.
Присмотрись, довольно просто
До конца распутать нить
И лицо — где знак вопроса,—
Поразмыслив, начертить!

Живживка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 9

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Где лиса?

Лиса в среднем квадратике.

Найдите границы

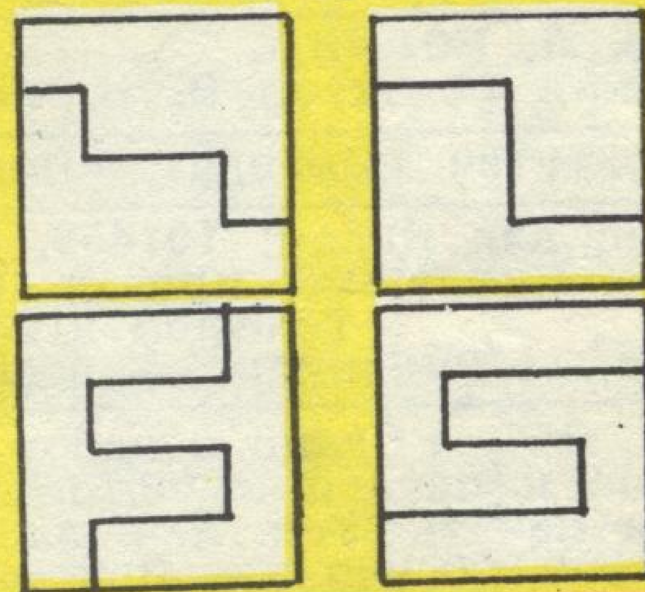
Племена граничат: первое со вторым и третьим; второе с первым, третьим, четвертым и пятым; четвертое со вторым; пятое со вторым.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Шутки в сторону. Пароль «шкатулка».

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Ответы на задачу «Коокабурра»:

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП-4, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 01.08.78.
Подписано к печати 30.08.78. А 01451. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2239. Заказ № 2607.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЗНАКИ КОМСОМОЛЬСКОЙ ДОБЛЕСТИ

Мы рассказываем тебе о наградах Ленинского комсомола.

ПОЧЕТНЫЙ ЗНАК ВЛКСМ — самая высокая награда.

Этой награды удостоены комсомольцы, которые своим трудом прославили Ленинский комсомол, которые посвятили свою жизнь делу комсомола, делу молодежи всего мира.

Юрий Гагарин — первый космонавт. Вся планета знает его имя.

Борис Гайнуллин — первостроитель Братской ГЭС. Его называют младшим братом Павки Корчагина. Он вернулся на стройку после аварии и тяжелой травмы, несмотря на запрет врачей.

Гладис Марин — первый секретарь Союза коммунистической молодежи Чили, страстный борец с фашизмом, мужественная патриотка.

ПРЕМИЕЙ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА отмечают литературные, драматические, музыкальные произведения для молодежи. Самые лучшие, самые яркие, самые интересные.

Премия была учреждена в 1966 году. Первым ее лауреатом стал Николай Островский. Среди первых награжденных — композитор Александра Пахмутова, писатели Владимир Чивилихин и Нодар Думбадзе, кинорежиссер Витаутас Жалакявичус, Киевский театр юного зрителя имени Ленинского комсомола.

Знак «ТРУДОВАЯ ДОБЛЕСТЬ» — награда за ударный труд молодых, за труд самоотверженный и вдохновенный.

Первыми его получили молодые победители социалистического соревнования в честь XXIV съезда КПСС.

Знак «МОЛОДОЙ ГВАРДЕЕЦ ПЯТИЛЕТКИ» — для тех, кто обгоняет время, кто работу, рассчитанную на пятилетку, выполняет досрочно.

Знаком «ЗОЛОТОЙ КОЛОС» награждаются молодые ударники сельского хозяйства. Первыми получили его ветераны труда, и среди них — Петр Дьяков, комсомолец 20-х годов, «огненный тракторист». Не щадя себя, он сражался с кулаками за первые колхозы.

Знак «СПОРТИВНАЯ ДОБЛЕСТЬ» вручается в День советской молодежи лучшим, прославленным спортсменам. Этим знаком награждены Лев Яшин, Лариса Латынина, Людмила Турищева, Анатолий Карпов, Галима Шугурова и многие другие спортсмены.

Продолжение на последней обложке.

Репетирует Большой детский хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения.

МЫ ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ!

Музыка **Ю. ЧИЧКОВА.**

Слова **М. ПЛЯЦКОВСКОГО.**

По праву твой путь озарен орденами,
По праву ты звонкую славу обрел.
Одно у нас красное знамя,
Одно у нас красное знамя,
Мы верная смена твоя, комсомол!

ПРИПЕВ: Вечно радостно,
Вечно молодо
Нам кремлевская светит звезда.
Пионерия,
комсомолия,
Мы, как детство и юность,
Неразлучны всегда.

Солдатом прошел ты сквозь пламя пожарищ,
И к звездам дорогу с улыбкой нашел.
Ты старший наш брат и товарищ,
Ты старший наш брат и товарищ,
Мы верная смена твоя, комсомол!

ПРИПЕВ.

У каждой эпохи свое поколенье,
А подвиг рождается жизнью самой.
Ты знай: мы твое продолженье,
Ты знай: мы твое продолженье,
Мы верная смена твоя, комсомол!

ПРИПЕВ.

В темпе марша

По пра.ву, твой путь о.за.рен ор.де.на.ми, По пра.ву, ты
cresc.
звонкую сла.ву об.рел. Од.но у нас крас.но.е зна.мя, Од.но у нас крас.но.е
зна.мя мы вер.на.я сме.на тво.я. ком.со.мол. Веч.но ра.дост.но
Веч.но мо.ло.до Нам крем.лев.ска.я све.тит звезда. Пи.о.не.рия, Ком.со.мо.ли.я
мы не.раз.луч.ны всегда, Пи.о.не.ри.я, Ком.со.мо.ли.я, мы как детст.во и
для повторения
ю.ность не раз.луч.ны всег.да. 2. Сол-
для окончания
луч.ны всег.да. Всег.да.

Знак ЦК ВЛКСМ «Пионерскому вожатому».

Знак ЦК ВЛКСМ «Золотой колос».

Знак ЦК ВЛКСМ «Лучшему учителю-комсомольцу».

Знак ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть».

Знак ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «Наставник молодежи».

Знак ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть».

Почетный знак ВЛКСМ

Знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки».

Значок ЦК ВЛКСМ «За отличную учебу».

Знак ЦК ВЛКСМ «Мастер — золотые руки».

Знак лауреата премии Ленинского комсомола.

Начало на 80-й странице.

Знак «НАСТАВНИК МОЛОДЕЖИ» — награда для тех, кто работает с молодежью. Одним из первых ее получил Николай Алексеевич Феноменов, метростроевец, ветеран Великой Отечественной войны. После тяжелого ранения он нашел в себе силы снова встать в строй, работать, воспитывать новые поколения строителей метро.

Значок «ЗА ОТЛИЧНУЮ УЧЕБУ». А вот этой награды можешь быть удостоен и ты! Ее присуждают школьникам, ученикам старших классов, даже семиклассникам.

Какие еще награды комсомола ты знаешь? Есть ли среди твоих старших товарищей комсомольцы, отмеченные наградами ВЛКСМ? Расскажи нам о них.

Цена 25 коп. Индекс 70694